

ОЛЕГ ВЕЩИЙ

Евгений
Лчелов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1899

(1699)

Евгений Тчелов

ОЛЕГ ВЕЩИЙ

ВЕЛИКИЙ ВИКИНГ РУСИ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2018

УДК 94.47(092)“08”
ББК 63.3(2)411-02
П 92

знак информационной
продукции

16+

ISBN 978-5-235-04067-0

© Пчелов Е. В., 2018
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2018

Введение

ВЕЛИКАН ИСТОРИЧЕСКОГО СУМРАКА

*Э. Григ. Сюита «Пер Гюнт».
«Утреннее настроение»*

Когда говорят о князе Олеге, одном из первых древнерусских князей, в памяти невольно всплывают пушкинские строки «Как ныне собирается вещей Олег...», знакомые всем со школьной скамьи. «Песнь о вешем Олеге», в основе которой лежал сюжет, почерпнутый поэтом из «Истории» Н. М. Карамзина, отражает один из хрестоматийных рассказов Повести временных лет — историю предсказания и самой смерти князя от любимого коня, вернее, от змеи, выползшей из конского черепа. Другой легендарный сюжет — взятие столицы тогдашнего восточнохристианского мира, Константинополя, с помощью кораблей на колёсах, идущих по суше под парусами, известен, быть может, меньше, но и он отразился в истории русской культуры — подобная сцена показана в замечательном советском фильме «Илья Муромец», созданном А. Л. Птушко. Наконец, ещё один хрестоматийный сюжет — это прибавление Олегом своего щита над воротами Царьграда (как называли Константинополь на Руси) в знак победы. Всё это яркие образы летописного рассказа.

Иными словами, Олег — первый древнерусский князь и вообще первый русский правитель, от которого сохранились красочные легенды, передававшиеся из уст в уста. Ничего подобного не осталось от его предшественника Рюрика, которому посвящено, по сути, только одно сугубо книжное предание — знаменитый рассказ о призвании варягов. Ни деяния Рюрика, ни обстоятельства его смерти не были сохранены на страницах летописи. Жизнь же Олега вполне складывается в настоящее биографическое сказание, состоящее из запоминающихся эпизодов разных этапов его пути. Сказание устное, но включённое в летописный текст. Более того, Олег — один из немногих правителей

языческого периода древнерусской истории, предания о которых сохранились и за пределами Руси, а точнее в Скандинавии. Это подчёркивает масштаб деятельности князя и его широкую известность в «международном» смысле — в среде викингов, объединявших своими походами и торговлей почти весь европейский континент.

Ещё один важный момент: от времени правления Олега дошёл до нас самый ранний подлинный документ собственно древнерусской истории. Это договор Руси с Византией (или, в соответствии с летописной терминологией, с греками), датированный 2 сентября 911 года. Его подлинник не сохранился, да и летописец пользовался уже не самим оригиналом, а списком, то есть копией с него. Однако древнерусский текст представляет собой перевод греческого оригинала и полностью включён в Повесть временных лет. Благодаря этому уникальному документу мы можем непосредственно узнать многие аспекты древнерусской истории, что называется, из первых рук. Парадоксально, но предшествующий заключению этого договора знаменитый поход Олега на греков, датированный летописью 907 годом, не нашёл совершенно никакого отражения в византийских источниках (а ведь он был для Руси победоносным). На основании этого некоторые исследователи даже склонны считать его выдумкой летописцев (так это или нет, проверим далее). Итак, самое известное деяние Олега известно только по летописям, а текст самого раннего сохранившегося международного документа дошёл до нас благодаря византийцам.

При всём легендарном обрамлении (недаром один из учёных позапрошлого века, историк литературы и фольклорист М. Г. Халанский назвал князя «великаном русского исторического сумрака»), Олег, безусловно, являлся масштабной исторической фигурой. В историографии даже утвердилось представление о начале Древнерусского государства с момента захвата Олегом Киева, то есть объединения севера и юга Руси, датированного в летописи 882 годом. Надо сказать, что такое представление опять-таки опирается на летописную традицию. Повесть временных лет именно с этого события отсчитывала сроки княжений правителей Руси. Действительно, приход в Киев династии Рюриковичей имел важное символическое значение для средневековых летописцев. Ведь фраза-вопрос, «кто в Киеве нача первее княжити», наряду с другими, открывала историческую панораму Повести временных лет. Вслед за

легендарным Кием с братьями, за соправителями-варягами Аскольдом и Диром, в Киеве утвердились Олег и Игорь, от последнего из которых пошли все последующие древнерусские князья. Так что одно из значимых, в какой-то степени переломных событий ранней истории Руси не только связано с именем Олега, но, можно сказать, произошло по его инициативе.

Обо всём этом и многих других эпизодах истории княжения и жизни Олега мы и поговорим в этой книге. Но прежде необходимо сказать несколько слов о том, что представляла собой Русь накануне начала его правления.

Ко времени появления Олега на исторической сцене на громадном географическом пространстве Древней Руси мерцало два очага государствообразования. На севере это было княжество Рюрика, охватывавшее, судя по летописи, довольно большую территорию. Оно находилось на землях восточнославянских и финно-угорских племён, которые, согласно условной летописной хронологии, в 862 году призвали варягов на княжение. Это были словене (то есть славяне, которых в историографии обычно называют ильменскими), кривичи, чудь, меря и весь. Центром владений Рюрика Повесть временных лет называет Новгород, и хотя этого города на современном его месте в IX веке ещё не существовало, недалеко от него находилось городище, условно называемое учёными «Рюриковым». Городище, как и более ранняя по времени возникновению Ладога, располагалось в начале важного торгового пути, идущего по Волхову, который связывал Ладожское озеро (а следовательно, и Балтику) с озером Ильмень. Археологические слои городища прослеживаются, по крайней мере, с середины IX века, и в них хорошо заметно скандинавское присутствие. Поэтому можно считать, что именно Рюриково городище являлось древнейшим Новгородом, который, наряду с Ладогой, служил резиденцией Рюрику и являлся центром его владений. На западе, в землях кривичей, согласно летописному известию, сидел один из братьев Рюрика — Трувор. Его резиденцией был Изборск, также хорошо известный благодаря археологическим исследованиям. На востоке, в землях финно-угорской веси (предков современных вепсов), княжил другой брат Рюрика — Синеус. Повесть временных лет сообщает, что он сидел «на Белоозере». После смерти братьев (были ли они реальными братьями Рюрика или нет, мы никогда не узнаем) Рюрик «прия власть» один и раздал своим мужам города — Полоцк, Ростов, Белоозеро.

Полоцк находился в земле кривичей, Ростов — мери, а Белоозеро — веси. К числу владений Рюрика относились также земли финно-угорской муромы с центром в Муроме. «И теми всеми обладале Рюрик»¹. Таким образом, владения Рюрика были весьма обширными, но, по-видимому, его власть воплощалась только в контроле над торговыми путями и, может быть, племенными центрами.

Рюрик, как и многие другие деятели ранней древнерусской истории, по сообщениям летописи, принадлежал к варягам, то есть скандинавам, которые активно осваивали пространства Восточной Европы в эпоху викингов. На землях будущей Руси варяги появлялись как воины и торговцы, их присутствие и деятельность прекрасно подтверждаются археологическими раскопками. Согласно летописи, варяги Рюрик, Аскольд, Дир, Олег, Игорь, Свенельд, Асмуд, Рогволод и другие сыграли большую роль в событиях истории Руси языческого периода. Во взаимодействии восточнославянского, финно-угорского и скандинавского миров рождалась древнерусская государственность. На юге зона славяно-варяжских контактов соприкасалась с зоной влияния Хазарского каганата. Это государство, основным населением которого был кочевой народ тюркского происхождения, а религией знати иудаизм, занимало большие пространства степей Придонья и южного Поволжья. По летописным данным, хазары подчинили себе восточнославянские племена полян (центром которых был Киев), северян, вятичей и радимичей, которые вынуждены были платить им дань.

Каганат держал под контролем южную часть торговых путей, прорезавших Восточно-Европейскую равнину с севера на юг. Древнейший из них — Великий Волжский путь — активно функционировал уже на рубеже VIII—IX веков. Он начинался на Балтике, шёл по Неве на Ладожское озеро, а затем через систему рек выходил в верховья Волги, откуда купцы спускались вниз на Каспий и на Дон. Разумеется, хазары собирали с них торговую пошлину. В письменных источниках этот путь впервые упоминается у персидского автора Ибн Хордадбега, писавшего на арабском языке. Его сообщение относится к 840-м годам и примечательно во многих отношениях. По словам автора, русы плывут по Волге на Каспий, высаживаются на другом его берегу и идут караванными путями в Багдад. По Дону они выходят в Чёрное море и направляются в Византию. Любопытно, что в качестве переводчиков для русов

в землях арабского Востока выступают славянские слуги. То есть русы (варяги) знают славянский язык, но не знают арабского, а славяне могут общаться и со скандинавами, и с арабами. Это известие показывает нам, каким образом происходило межнациональное общение на землях Руси и как понимали друг друга славяне и варяги (а также другие народы этого региона). Второй интересный момент — это указание на то, что русы на землях Арабского халифата представляются христианами, чтобы платить меньшую подать (язычники платили больше). Чтобы мимикрировать под христиан, нужно было хотя бы на элементарном уровне иметь какое-то представление о христианстве. Следовательно, известие Ибн Хордадбега — это и первое известие о знакомстве русов с христианством.

Второй торговый путь сложился позднее. Это знаменитый Путь из варяг в греки, подробно описанный в Повести временных лет (правда, в обратном направлении). Он начинался там же, где и Волжский, охватывал Неву, Ладожское озеро и Волхов (включая, разумеется, Ладогу и Рюриково городище), далее спускался на юг по Днепру. Этот путь археологически прослеживается с рубежа IX и X веков, то есть как раз с эпохи Олега. Однако это не означает, что этим путём не могли продвигаться на юг и ранее. В источниках есть несколько указаний на этот счёт, правда, не всегда явных.

Древнейшее достоверное упоминание самого слова «Русь» в форме «рос» (*Rhos*) относится к 839 году. Оно зафиксировано в так называемых Бертинских анналах — официальной хронике Франкского государства. Автор той их части, где оно упомянуто, капеллан императора Людовика Благочестивого Пруденций, был очевидцем описываемых событий. Ко двору Людовика прибыло посольство от византийского императора Феофила, вместе с которым приехали некие люди, утверждавшие, что «они, то есть народ их, называются рос и что король их, именуемый хаконом, направил их к нему (Феофилу. — *Е. П.*) ради дружбы». Византийский император просил Людовика способствовать возвращению этих людей через его земли, «так как путь, которым они прибыли к нему в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались этим путём, дабы не подверглись при случае какой-либо опасности». Людовик предпринял расследование и, вероятно, по внешнему виду и языку, на

котором говорили послы хакана, определил, что они принадлежат к народу свеев, то есть шведов².

То есть скандинавы-варяги были послами народа росов (и сами таковыми являлись), а их правитель носил титул кагана. Это сообщение послужило основанием для большой историографической дискуссии о так называемом «каганате росов» (Русском каганате), хотя высказывалось мнение и о том, что упомянутый в тексте хакан — на самом деле каган Хазарии, который и направил посольство в Константинополь. Тем не менее применение титула «каган» по отношению к варяжскому правителю зафиксировано и в послании франкского императора Людовика II византийскому императору Василию I, датированном 871 годом³, то есть временем, когда, по хронологии летописи, на Руси княжил Рюрик. В этом документе упоминается «хаган норманнов», в котором не без основания усматривают древнерусского князя варяжского происхождения (титул «хаган-рус» фиксируют в конце IX века и арабские авторы)⁴. Поскольку титул «каган» применительно к древнерусским князьям употреблялся и в более поздний период, высказывалось предположение, что именно этот титул мог носить правитель Руси в IX веке⁵, сопоставляя его с высокими титулами восточных государей. Если всё-таки некий Русский каганат существовал, то возникает вопрос, где он мог находиться и каким путём его посланцы прибыли к грекам. Исследователи по-разному локализуют это государственное образование — от Ладоги и Волховско-Ильменского региона на севере до Киева на юге. В «диких народах» обычно усматривают угров (венгров), хотя послы не обязательно говорили правду. Как бы то ни было, они намеревались вернуться на родину через Западную Европу, кружным путём, а значит, могли двигаться изначально именно с севера. Не исключено, что они прошли в Византию по Пути из варяг в греки, и это было одно из первых известных нам путешествий в этом направлении.

На арене византийской истории русь (пишу это слово с маленькой буквы, как этноним или политоним) масштабно появилась в 860 году. В этот год русы осуществили внезапное нападение на саму столицу империи Константинополь, взяв город в осаду. Поход закончился неудачей для них, после чего какая-то часть русов приняла крещение от посланных по их просьбе из Византии миссионеров. Все эти события нашли отражение в византийских и иных иностранных источниках, в том числе в двух проповедях константино-

польского патриарха Фотия, который сам был свидетелем похода русов. В Повести временных лет, которая заимствовала сведения о походе из византийского источника, это событие было датировано неверно — 866 годом. А поскольку по летописной хронологии в этом году в Киеве уже княжили Аскольд и Дир, то летописцы приписали поход именно этим князьям. Между тем, откуда именно исходила угроза для Византии, строго говоря, неизвестно. Наиболее логичным выглядит предположение о том, что поход исходил из Приднепровья. В этом случае мы получаем ещё одно подтверждение раннего функционирования Пути из варяг в греки.

Наконец, сама Повесть временных лет рассказывает о неких соратниках Рюрика, «не племени его, но боярина», носивших скандинавские имена Аскольд и Дир. Они «испросистася ко Царюгороду с родом своим». Заметим, что целью варягов летопись называет как раз Константинополь, что косвенно может указывать на северный «источник» похода 860 года, хотя, возможно, эти слова как раз относятся к приписанному этим князьям походу. Как бы то ни было, Аскольд и Дир спустились по Днепру на юг и увидели на горе небольшой город («градок»). Этим городом оказался Киев, жители которого платили дань хазарам. «Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землёю полян. Рюрик же княжил в Новгороде». Ясно, что Аскольд и Дир двигались на юг по Пути из варяг в греки. Следует признать справедливой точку зрения Е. А. Мельниковой о том, что постепенное и поэтапное освоение торговых путей занимает длительный промежуток времени (100 и более лет), отделяющий начало освоения пути от возникновения на нём крупных торгово-ремесленных центров⁶.

Чем торговала Русь? Восточные источники в качестве предметов экспорта указывают, прежде всего, меха различных пушных зверей и мечи (франкские или каролингские, производившиеся в Западной Европе, откуда они сначала попадали в земли западных славян, а потом на Русь), а также мёд, воск и рабов. О тех же товарах говорит и Повесть временных лет — это «скора» (шкура, то есть меха), воск, мёд и челядь (то есть рабы). «Раффельштеттенский таможенный устав» начала X века в качестве товаров, которыми торгуют русские купцы в Баварском Подунавье, также называет воск, рабов и лошадей⁷. Всё это заставляет признать, что на Руси в IX—X веках, наряду с торговлей мехами, вос-

ком и мёдом, существовала также и работорговля. Из земель халифата по торговым путям на север двигалась арабская серебряная монета — дирхемы, которые выполняли роль международной валюты того времени для Восточной Европы. Клады дирхемов встречаются как на территории Древней Руси, так и в Скандинавии.

Вдоль этих торговых путей постепенно происходило сложение древнерусской государственности. Постепенное продвижение Олега на юг шло как раз по Пути из варяг в греки. К моменту начала его правления на Руси существовало «княжество» Рюрика на севере, охватывающее земли словен, кривичей, мери, чуди, веси и муромы с Ладогой, Новгородом (Рюриковым городищем), Изборском, Белозером, Полоцком, Ростовом и Муромом. Видимо, оно было не вполне устойчивым — Полоцк в какой-то момент ушёл из-под власти преемников Рюрика. Помимо этого, имелись «княжество» Аскольда и Дира в Киеве и племена (или племенные княжения), платившие дань хазарам (северяне, радимичи, вятичи) или же сохранявшие независимость, подобно древлянам. С этой диспозиции и началась роль «великана исторического сумрака».

Глава первая

КНЯЗЬ

*В. С. Калинин.
Увертюра «Былина»*

«В лето 6387. Умершю Рюрикови предасть княженьє свое Олгови, от рода ему суца, вдав ему сын свой на руце, Игоря, бе бо детеск вельми», — сообщает Повесть временных лет под 879 годом. То есть, в переводе Д. С. Лихачёва, «умер Рюрик и передал княжение своё Олегу — родичу своему, отдав ему на руки сына Игоря, ибо был тот ещё очень мал». Это первое летописное упоминание об Олеге, которое объясняет, почему он стал преемником Рюрика в качестве князя. Сын Рюрика, Игорь, был малолетним, и потому Олег стал своего рода его опекуном-воспитателем, а поскольку Игорь править самостоятельно не мог, то функции князя выполнял Олег.

В этом сообщении, особенно если рассматривать его в контексте всего летописного рассказа, сразу возникает хронологический вопрос. Рюрик умер в 879 году, оставив Игоря малолетним. Повесть временных лет датирует смерть Олега 912 годом, или, вернее, осенью 911-го (если считать, что она произошла осенью того же года, в котором был заключён договор с Византией). Следовательно, Игорю в тот момент было никак не меньше тридцати двух лет, а, скорее всего, больше. В той же Повести женитьба Игоря на Ольге датируется 903 годом, когда Игорю было 24 года. Игорь погибает во время полюдья в земле дrevлян поздней осенью 944 года. Если принимать летописную хронологию на веру, ему в этот момент было никак не меньше шестидесяти пяти лет. Ольга была, очевидно, немногим его младше, и у них остался малолетний сын Святослав (подобно тому как Игорь остался малолетним после смерти Рюрика). Такая растянутость хронологии жизни преемников Рюрика кажется, конечно, более чем странной. «Регентство» Олега явно затянулось, продлившись до его смерти, когда Игорь

был уже вполне зрелым мужчиной и, конечно, мог править самостоятельно.

Все эти неувязки заставляли историков по-разному решать эту проблему. Самым простым выводом, который напрашивался, было признание искусственности родственной связи Игоря с Рюриком. Летописец, выстраивая единую княжескую генеалогию, якобы просто сделал Игоря сыном Рюрика, приписав ему тем самым происхождение от первого варяжского князя, призванного на Русь. Действительно, между Игорем и Рюриком было пропущено какое-то поколение или же Игорь вообще не имел никакого отношения к Рюрику и не являлся его потомком. Помимо чисто логических доводов, в пользу этой версии (прибавим к этому появившиеся в XX веке попытки представить древнерусскую княжескую династию местной, то есть славянской, в духе тогдашнего антинорманизма) приводились следующие косвенные аргументы. Во-первых, имя Рюрик сравнительно редко встречается в роду потомков Игоря и появляется только на рубеже 1050—1060 годов (так звали одного из трёх сыновей волынского, а затем тмутараканского князя Ростислава Владимировича, внука Ярослава Мудрого). Во-вторых, в некоторых источниках XI века, таких как «Память и похвала князю русскому Владимиру» Иакова Мниха и «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона, где перечисляются предки князя Владимира Святославича, названы его отец Святослав и дед Игорь, а Рюрик не упоминается.

Нетрудно заметить, что оба эти аргумента совершенно несостоятельны. Имя родоначальника не всегда может стать популярным в роду его потомков, а его появлению могут способствовать какие-то особые обстоятельства. Таким было как раз династическое положение князя Ростислава Владимировича, представителя старшей ветви потомков Ярослава Мудрого. Эта ветвь оказалась по сути «изгойской», оттеснённой Ярославичами на периферию династической жизни Руси. Неудивительно, что Ростислав стремился всячески подчеркнуть свою легитимность и принадлежность к общему княжескому роду. Этим и объясняется выбор имён для его сыновей. Все они — Рюрик, Володарь и Василько — отсылали как к основателю всей династии, Рюрику, так и к родоначальнику её христианской линии, общему предку всех последующих Рюриковичей князю Владимиру Святославичу, в крещении носившему имя Василий. Таким образом, по крайней мере в середине

XI века Рюрик уже считался общим предком древнерусских князей.

Второй довод и того слабее — это, по существу, аргумент «от умолчания», который сам по себе нуждается в очень серьёзном обосновании. Произведения Иакова Мниха и митрополита Илариона представляют собой церковные тексты с соответствующей риторикой, которая совершенно не предполагала пространных экскурсов в историю или генеалогию их героев. Да и трёхчленная структура таких перечислений, когда называются только отец и дед, была абсолютно типичной для древнерусской литературы. Это не исландские саги, где перечисление предков может охватывать значительное число поколений.

Ну и, конечно, ни одна из летописей не приводит никаких иных версий, кроме прямого родства Игоря с Рюриком. Если уж создателю Повести временных лет было необходимо сконструировать линию прямой преемственности и прямой генеалогии, он мог бы легко сделать Игоря сыном Олега, а Олега — сыном Рюрика, и не пришлось бы прибегать к каким-либо натяжкам. Нет, безусловно, летописец пользовался устной традицией, в которой совершенно однозначно объяснялись родственные отношения между первыми древнерусскими князьями — Рюриком, Олегом и Игорем¹.

Но если нет никаких оснований усомниться в родстве Игоря и Рюрика, а также какой-то родственной связи с Рюриком Олега, то как быть с «растянутой» хронологией Повести временных лет? Здесь нужно иметь в виду, что хронологическая сетка, привязка тех или иных событий к тем или иным датам была создана летописцем искусственно, что называется «задним числом», когда он «накладывал» рассказ о первых князьях на определённую временную шкалу. Ясно, что первоначально в этих сказаниях (или более-менее едином сказании) точных дат не было, но могли быть условные хронологические соотношения (кто сколько правил, сколько прошло лет с тех пор и т. п.). В руках у составителя Повести были также византийские источники летописного типа (прежде всего, хроника Георгия Амартола и её продолжение) и подлинные документы X века — тексты русско-византийских договоров 911, 944 и 971 годов. Они и дали (в соотношении с возможными хронологическими указаниями устной традиции) возможность представить начальную историю Руси в виде последовательности датированных статей с теми или иными событиями. Из договоров Руси с Византией летописец узнал, что Олег был со-

временником византийского императора Льва VI Мудрого, а Игорь — императора Романа I Лакапина. Соответственно, конец княжения Олега он сопоставил с концом правления Льва, а конец княжения Игоря — с концом правления Романа. Получалось, что оба князя скончались вскоре после заключения мирных договоров. Продолжительность княжения Игоря, таким образом, оказалась равна тридцати трём годам. Такой же срок правления летописец отмерил и Олегу, «назначив» датой смерти Рюрика 879 год². На самом деле все эти даты достаточно условны.

33 года правления обоих князей заставляют, конечно, задуматься над символическим значением этого числа. 33 года — это срок царствования библейского царя Давида в Иерусалиме и срок земной жизни Иисуса Христа, что заставляет исследователей говорить о некоем сакральном 33-летнем цикле³. Впрочем, если 33 года царствования Давида могли как-то соотноситься с княжениями Олега и Игоря, то срок жизни Христа по отношению к языческим правителям вряд ли мог иметь значение. Важнее другое — тридцатилетний срок мирного договора с Византией, который, видимо, и определил поход Игоря на Константинополь в 941 году, спустя 30 лет после заключения договора Олегом⁴. Однако летописец мог ориентироваться и на какие-то сохранившиеся в устной традиции сведения о продолжительности правлений князей — так он определяет продолжительность киевского княжения Олега в 31 год, с 882-го по 912-й, по принятому «включающему» счёту, в который включались и первый, и последний годы правления. От 913-го, первого года княжения Игоря, до 945-го, под которым обозначена его гибель, время правления Игоря определено в 33 года. А открывается этот хронологический перечень, помещённый в летописной статье под 852 годом — с которого устанавливается хронологическая сетка («с этой поры начнём и числа положим»), — указанием на период от первого года царствования императора Михаила (начало его царствования ошибочно отнесено летописцем к 852 году) до «первого года княжения Олега, русского князя», и этот период равен двадцати девяти годам. Любопытно, что, отсчитав от 852 года 29 лет по включающему счёту, мы получаем 880 год — действительно первый год правления Олега в Новгороде после смерти Рюрика. Дальнейший отсчёт идёт от начала не новгородского, а киевского княжения Олега, отнесённого летописцем к третьему году после вокняжения в Новгороде. Как видим, именно правление

Олега являлось точкой отсчёта для последующих правлений древнерусских князей, что легко объяснить — для летописца-киевлянина главным было именно вокняжение в Киеве. Олег, таким образом, оказался во главе дальнейшей преемственности княжеской власти на Руси.

Между тем вызывающие вопросы хронологические указания летописи не выглядят абсолютно нереальными. В истории довольно много случаев рождения поздних детей (так, у литовского князя Ольгерда сыновья рождались, когда ему было около семидесяти лет, и в чуть меньшем возрасте был один из них, Ягайло, когда у него родился nasledник Казимир Ягеллончик). Применительно к раннему Средневековью нередки случаи активной деятельности князей в возрасте шестидесяти лет и более. Ярослав Мудрый ходил в походы до 1047 года, когда ему было не меньше шестидесяти, Владимир Мономах вступил на киевский стол в том же возрасте, а участвовал в военных походах до шестидесяти четырёх лет⁵. Так что возраст Игоря и наличие у него малолетнего сына не столь уж экстраординарны для X века, как может показаться на первый взгляд (то же самое относится и к Рюрику).

Что, конечно, совершенно нереально — так это датировка брака Игоря и Ольги 903 годом. Ясно, что Ольга не могла быть пожилой к моменту рождения у нее сына, и Игорь женился на ней не в период правления Олега, а значительно позже. В летописной статье под 903 годом сказано следующее: «Игореви же возрастошу, и хожаше по Олзе и слушаша его, и приведоша ему жену от Пьскова, именем Олгу» (Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи). В Ипатьевской летописи: «...и хожаше по Олзе и слушаша его, и приведоша ему жену от Плескова, именем Ольгу»⁶. В Новгородской первой летописи младшего извода и вовсе говорится: «И паки приведе себе жену от Плескова, именем Олгу, и бе мудра и смысла, от нея же родися сын Святослав»⁷.

Здесь Игорь вообще выступает в качестве самостоятельного князя (Олег является его воеводой), а известие о его женитьбе не имеет датировки. Объединение в одной статье Повести временных лет имён Олега и Ольги дало основания и для соединения их образов в интерпретации этого текста. Параллелизм кажется очевидным, ведь и Олег, и Ольга отличаются особенной мудростью (правда, эта мудрость в определённом смысле противоположна, ведь Ольга становится христианкой), оба выступают в качестве свое-

образных регентов при малолетних наследниках, сходны и их имена (Ольга — женская форма имени Олег). Всё это даже привело в позднем летописании, начиная с XV века, к появлению фантазийных генеалогий, в которых Ольга выступает дочерью Олега⁸.

Однако о чём же говорится в этой статье Повести временных лет? В классическом переводе Д. С. Лихачёва этот текст звучит так: «Когда Игорь вырос, то сопровождал Олега и слушал его, и привели ему жену из Пскова, именем Ольгу». Если же учесть вариант Лаврентьевской летописи, то точный перевод будет таким: «...и ходил за Олегом, и слушались его, и привели ему жену из Пскова, именем Ольгу». Иными словами, связь Ольги с Олегом в этом отрывке абсолютно опосредованна — летопись просто сообщает, что Игорю привели жену, когда он вырос, а была ли это инициатива Олега — информации нет. Всё это лишний раз показывает, что Ольга, скорее всего, появилась уже после Олега и стала женой Игоря не столь уж задолго до его гибели.

Как объяснить ситуацию летописного рассказа, когда Игорь до смерти Олега не является полноправным князем, хотя давно уже стал взрослым? Высказывались вполне логичные предположения о том, что Олег в какой-то степени узурпировал власть, отстранив Игоря от княжения, подобно тому как поступила Ольга, проводившая самостоятельную политику при Святославе практически до начала 960-х годов (её сыну к тому времени было уже более двадцати лет)⁹. Такой вариант вполне возможен.

Каким же был реальный статус Олега? В Новгородской первой летописи, сохранившей, по мнению многих исследователей, текст более раннего Начального свода (хотя в этом есть вполне обоснованные сомнения¹⁰), властные отношения Игоря и Олега представлены совершенно иначе. Летопись сообщает, что полноправным князем являлся сын Рюрика Игорь, а Олег был лишь воеводой при нём. При этом оба они действовали совместно — в летописном рассказе употребляются формы двойственного и множественного числа. Игорь и Олег «начаста воевати» (это как раз двойственное число) и «налезоста Днепр реку и Смоленск град» (то есть буквально нашли, отыскиали, или, может быть, обрели Днепр и Смоленск), двинулись вниз по Днепру и пришли к Киевским горам (здесь множественное число, подразумевая, вероятно, всё их войско), «узреста» Киев и т. д. Та форма, в которой представлено начало это-

го рассказа, обнаруживает некоторые черты устной традиции — повторения, парные формулы и хвалебные поэтические эпитеты, что позволяет даже предполагать, что это сказание «имело поэтическую форму или включало поэтический текст — хвалебную песнь (драпу)»¹¹. Недаром академик А. А. Шахматов не без оснований назвал это повествование «народной песней»¹². И действительно, фрагмент, в котором говорится о преемнике Рюрика, выглядит вполне поэтически (расположим строки в столбик):

И прия власть единь Рюрикь,
обою брату власть,
и нача владети единь,
и роди сынъ,
и нарече имя ему Игорьъ.
и възрастьшю же ему, Игорю,
и бысть храборь и мудръ.
И бысть у него воевода,
именем Олег,
муж мудръ и храборь¹³.

Показательно, что в этом тексте, обнаруживающем внутреннюю цельность, мы вновь встречаем однозначное упоминание о том, что Игорь — сын именно Рюрика.

Однако в Повести временных лет ситуация существенно изменилась. Олег стал самостоятельным князем, а Игорь начал княжить лишь после его смерти (913 год по летописной хронологии — первый год правления Игоря). Ясно, что составитель Повести существенно уточнил информацию об Олеге, собрав новые сведения (в том числе и устную информацию), а главное, имел на руках новый для него источник — договор Руси с греками 911 года, в котором Олег прямо назван «великим князем русским». Как уже неоднократно отмечалось в историографии, договор мог послужить главным аргументом в представлении о самостоятельном княжении Олега. Соответственно изменились в Повести и рассказ о захвате Киева. Правда, как полагали исследователи, начиная с А. А. Шахматова, в качестве рудимента старой традиции, где Игорь и Олег действовали вместе, в тексте Повести под 882 годом сохранился единственный глагол в двойственном числе — «придоста»: «И придоста к горам х киевским», то есть «пришли к Киевским горам». Именно здесь усматривают «след старого текста»¹⁴. Но на самом деле в Новгородской первой летописи никакого глагола «придоста» при описании киевской экспедиции Игоря

и Олега нет, в Повести же временных лет употребление в этом случае двойственного числа легко объяснимо — Олег пришёл к Киеву с Игорем, который упоминается в этой же фразе и потом служит важным «аргументом» в противостоянии Олега с Аскольдом и Диром. Так что, напротив, составитель Повести временных лет создавал цельный рассказ.

Какой же титул относился к Олегу, исходя из документального источника — договора 911 года? В преамбуле договора перечислены послы руси и говорится о том, что они «послани от Олга, великого князя русаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих бояр». Послы направлены к императорам Византии Льву, Александру и Константину, которые именуются «великим о Бозе самодержцем, царем греческим». Далее снова упоминаются «великие князья» Руси, а дальше ещё несколько раз — «наши светлые князья русские» и все, «иже суть под рукою светлого князя нашего». Итак, получается, что Олег носит титул великого и светлого князя, а ему подчиняются другие великие и светлые князья. Он — не единственный, но первый среди равных. В договоре 944 года так же «великим князем русским» назван Игорь, но ему подчиняется уже «всякое княжьё». По-видимому, статус этих подчинённых князей уже более низкий, чем при Олеге. Отражает ли, однако, титулование Олега великим князем реальность?

В летописных текстах титул «великий князь русский» используется применительно к киевским князьям XI — начала XII века в известиях о их смерти. Так, Ипатьевская летопись под 1015 годом сообщает: «Умре же Володимир князь великий на Берестовьмь», Повесть временных лет под 1054 годом: «Преставися великий князь русьский Ярославъ», под 1093 годом: «Преставися великий князь Всеволод», та же Ипатьевская под 1125 годом отмечает: «Преставися благоверныи (и благородныи) князь христоролюбивыи великий князь всея Руси»¹⁵. Здесь титул «великий» употребляется в качестве официального, а обозначения «благоверный» и т. п. — в качестве хвалебных эпитетов. На печатях князя титулованы просто «князьями русскими» или «архонтами Росии» (в греческих надписях), изредка присутствуют эпитеты «благороднейший» или «всея Росии». Эти обозначения позволяют утверждать, что на печатях использовался одинаковый титул древнерусских князей, независимо от их статуса¹⁶.

Очевидно, что именно греческий титул «архонт» и должен был применяться при обозначении древнерусских кня-

зей в греческих оригиналах договоров 911 и 944 годов, тем более что он известен и по другим византийским источникам того времени — сочинениям императора Константина Багрянородного¹⁷. Однако титул «великий» вызывает у исследователей сомнения: полагают, что это или перевод почётных прилагательных, употреблявшихся в византийской дипломатической практике, или же просто дополнение, сделанное в древнерусском переводе договоров или при редактировании Повести временных лет. Обращает на себя внимание тот факт, что с «великими князьями русскими» в договорах соотносятся «великие самодержцы, цари греческие». Это вроде бы подтверждает мысль о том, что обозначение «великий» применительно к русскому князю — «следствие дипломатического этикета при указании равенства сторон»¹⁸. В то же время это слово могло и выделять киевского князя из числа других князей, обозначать его первенство при заключении соглашений. В этом смысле такое обозначение могло быть реальным как раз в начале X века, когда на Руси ещё существовали другие, «племенные» князья, не принадлежавшие к роду Рюриковичей. «Отсутствие титула великий князь в конце X — первой половине XII в. не может быть логическим доказательством его отсутствия на Руси в первой половине X в.», — справедливо утверждает историк М. Б. Свердлов¹⁹. Тем более что этот титул, как мы видим, используется по отношению к киевским правителям XI — начала XII века в летописании, а также в других древнерусских письменных источниках²⁰.

«Под рукою» Олега, как мы видим, находятся другие «великие» и «светлые» князья, да и сам Олег именуется «светлым». В этой связи нельзя пройти мимо сообщений арабских авторов, упоминающих о славянских правителях (славян арабы именовали «ас-сакалиба»). Большой интерес представляет текст, который в науке получил условное название «Анонимная записка о народах Восточной Европы». Кто был автором этой «Записки», неизвестно, но сохранилась она в составе других произведений арабских и персидских авторов начала X — середины XV века. Наиболее ранний текст дошёл до нас в труде арабского географа, перса по происхождению Ибн Русте, жившего в городе Исфахане. В 903—925 годах он составил энциклопедический свод «Книга дорогих ценностей» («Китаб ал-а'лак ан-нафиса»), от которого сохранилась рукопись только одного тома, посвящённого астрономии и географии. В этом томе и присутствуют сведения из «Анонимной записки»²¹. Описания

народов, в том числе славян и русов, датируются временем между 889 и 892 годами²². Именно к этому тексту относится известный рассказ об «острове» русов, царь которых зовётся «хакан-рус». Нас, впрочем, интересуют славяне, жизнь которых описана довольно подробно, почему исследователи и полагают, что автор «Записки» лично побывал в земле славян. В тексте упоминается некий пограничный город славян Ва.и. (Вантит или Вабнит у разных авторов), в котором традиционно видели землю вятичей; по предположению Д. Е. Мишина, это пограничный со степной зоной древнерусский Вятичев²³. О правителях славян автор «Записки» говорит следующее: «Их глава коронуется, и они подчиняются ему и действуют по его распоряжениям. Его местопребывание — в середине страны славян. Упомянутый уже известный из их числа, который называется главой глав, именуется Свийт. м.л.к. Он выше суб. дж-а, а суб. дж — его заместитель. ... Город, в котором он (верховный владыка. — *Е. П.*) живет, называется Дж.рваб(?); три дня в месяц там бывает торг, там продают и покупают»²⁴.

В соответствии с локализацией описанных народов, «логичнее всего было бы отождествить землю сакалиба... с землёй киевских полян»²⁵. Однако в исторической науке утвердилось мнение, что автор «Анонимной записки» имеет в виду не восточных славян, а западных — моравов или белых хорватов. Такой вывод делается на основе анализа имени главы славян, в котором усматривают искажённое имя великоморавского князя второй половины IX века Святополка. Между тем имя можно понимать и как титул «свиет-малик», где «малик» означает «царь» или «князь». В этом смысле вполне возможно его соотношение с восточными славянами, в частности со славянами Руси²⁶. Напомню, что Олег выступает в договоре с греками как «светлый князь», «светлыми князьями» именуется и другие князья на Руси, ему подчинённые. Именно он выглядит как «глава глав» по отношению к местным правителям племенных княжений. Примечательна и информация о заместителе верховного правителя, титул которого расшифровывается по-разному — например как «судья»²⁷. Город, в котором правит верховный правитель, именуется Дж.рваб, и в этом названии видят искажённое славянское «град»²⁸, то есть просто обозначение города как такового. Ибн Русте сообщает также, что правитель ежегодно объезжает своих подданных, что сразу заставляет вспомнить славянское полюдьё.

Соотнесённость двух правителей, один из которых может выступать в качестве сакрального князя-жреца (с чем соотносится обозначение «свят» или «свет»²⁹), а другой является светским властителем, находит очевидные параллели в других государственных традициях, прежде всего в хазарской, где были сакральный царь (каган) и светский (бек). Ту же ситуацию, но применительно к русам, описывает секретарь посольства багдадского халифа ал-Муктадира Ахмад ибн Фадлан, который побывал в Волжской Булгарии в 921—922 годах и оставил описание этого путешествия. Русы, которых он лично видел в Булгаре, судя по этому описанию — варяги, а о их государственной жизни Ибн Фадлан оставил довольно фантастические сведения, упомянув, что у них есть царь и его «заместитель, который командует войсками, нападает на врагов и замещает его у его подданных»³⁰. И сведения «Анонимной записки», и информация Ибн Фадлана хронологически очень близки эпохе Олега. Само имя Олега может отсылать к сакральным функциям (подробнее об этом впереди), поэтому возникает большой соблазн соотнести упомянутую арабскими авторами своеобразную «диархию» с ситуацией некоего двоевластия Олега и Игоря — и даже с соправительством Аскольда и Дира³¹. Конечно, такое сопоставление вполне возможно, но следует помнить, что, судя по договору 911 года, Олег выступает именно в качестве князя, реального, а не сакрального правителя. Более того, в самом тексте договора Игорь даже не упомянут (что составляет разительный контраст с договором 944 года, где упоминаются многочисленные члены семьи великого князя).

Итак, представляется всё же, что Олег оттеснил Игоря от дел реального управления и если и выполнял какие-то жреческие функции, то совмещал сакральный и военный статус в одном лице. Каково же было происхождение самого Олега?

Во всех летописных источниках он именуется «родичем» Рюрика («от рода ему суща»). Больше эта родственная связь никак не конкретизируется. В рассказе о взятии Киева Олег, обращаясь к Аскольду и Диру, говорит: «Гость есмь, и идемъ въ Греки от Олга и от Игоря княжича. Да придета к намъ к родомъ своимъ», то есть «я купец, и идём в Грецию от Олега и от княжича Игоря. Да придите к нам, к родичам своим». Показательно, что Игорь именуется здесь княжичем, то есть сыном князя, именем которого и действует Олег. Аскольд и Дир названы родичами варяжских

купцов — так, по-видимому, обозначена их принадлежность к варягам-скандинавам. Затем Олег заявляет следующее: «Вы неста князя, ни рода княжа, но азь есмь роду княжа» и выносит к ним Игоря: «А се есть сынъ Рюриковъ». «Вы не князя и не княжеского рода, но я княжеского рода». Олег противопоставляет себя другим варяжским предводителям, обосновывая захват Киева принадлежностью к роду Рюрика. Именно эта родственная связь в его устах становится решающим аргументом. Из летописного рассказа можно заключить, что Олег принадлежал к тому же роду, что и Рюрик, то есть находился с ним в родстве по мужской линии.

Но в XVII—XVIII веках «уточнение» этого родства пошло по другому пути. Долгое время никаких версий относительно происхождения Олега и его родства с Игорем в историописании не возникало. Ни в Воскресенской летописи, ни в Никоновской, ни в Степенной книге, то есть в летописных памятниках XVI века, где события ранней русской истории обрастали новыми подробностями, нет упоминаний о роде Олега, и только XVII век принёс некоторые новации. Они известны нам в основном по «Истории Российской» Василия Никитича Татищева, который работал над этим сочинением в течение нескольких десятилетий, вплоть до смерти в 1750 году. Уже в первой редакции второй части своей «Истории» Татищев называет Олега «своиственником» Рюрика, а в примечаниях к летописному тексту, включённому в «Историю», оговаривает: «Олег же, как мнится, шурин Рюриков, а Игорю дядя по матери»³². При этом имя «Дир» Татищев считает сарматским словом «тирар», что значит «пасынок», следовательно, Аскольд и Дир были одним лицом, и этот Аскольд являлся «пасынком» Рюрика. Конфликт же Олега с Аскольдом Татищев представляет как родственное столкновение.

Итак, летописную фразу «от рода ему суша» историк понимает как указание не на родство Олега и Рюрика, а на свойство, то есть родство по браку. Каковы были основания для этого вывода? Василий Никитич ссылается на «Раскольничью летопись» (Раскольничий манускрипт), некий летописный текст, который был в его распоряжении. Затем это предположение подтвердила и так называемая Иоакимовская летопись, полученная им, по его утверждению, в 1748 году. Татищев приводит выдержки из неё, включая сведения, которые не содержатся у «Нестора», и среди этих дополнений обнаруживается следующее: «Рюрик по отпуске Оскольда бе вельми боля и начат изнемогати; видев же

сына Ингоря вельми юна, предаде княжение и сына своего шурина своему Ольгу, варягу сусчу, князю урманскому»³³. В этой же «летописи» указывалось, что именем Ольги было первоначально Прекраса, она происходила из Изборска и была «от рода Гостомысла», а Олег, выдав её замуж за Игоря, переименовал ей имя и «нарече во свое имя Ольга». Так, согласно неким летописным текстам — а Иоакимовскую летопись Татищев приписал первому новгородскому епископу Иоакиму Корсунянину и считал очень древней, — Олег оказывался не только шурином Рюрика, но и князем «урманским», то есть норвежским, давшим к тому же имя княгине Ольге.

Все эти сведения отразились во второй редакции второй части «Истории», над которой Татищев работал в конце 1740-х годов. Здесь в летописном тексте Олег назван «сродником» Рюрика, а в примечании сказано: «Олег здесь именуется сродником, а у Иоакима шурином, равно в Раскольничьем манускрипте — вujem Игорю; в Прологе же, в житии св. Ольги, дядею Ингорю, то есть братом Рюрику, именован»³⁴. Как видим, у Татищева появился и третий источник — житие княгини Ольги (явно позднее). Какова же достоверность имевшихся у Татищева летописей? Тут, к сожалению, возникает больше вопросов, нежели ответов. Иоакимовская летопись, по-видимому, представляет собой фантом, созданный самим Татищевым³⁵ или каким-то другим автором XVII или начала XVIII века. Таинственный «Раскольничий манускрипт», если он существовал в действительности, может относиться, скорее всего, к летописанию XVII века, причём украинского происхождения³⁶. Следовательно, перед нами просто домысливание родственных связей первых князей, явно позднее и абсолютно недостоверное. Поэтому все рассуждения о том, что дядя по матери (на Руси действительно называвшийся «вujem») традиционно мог быть воспитателем сироты-племянника, и эта система авункулата, хорошо известная у древних народов, в том числе в Африке и Океании, присутствовала также и на Руси, повисают в воздухе. Никаких оснований считать Олега дядей Игоря по матери нет. Напротив, вслед за Повестью временных лет и древнейшими русскими летописями, Олега следует признать «родичем» Рюрика, то есть представителем того же рода, что и основатель княжеской династии.

Что же можно сказать о реальной генеалогии Олега? Ясно, что он был варягом, то есть скандинавом. Его скан-

динавское происхождение не отрицалось даже в советские времена, когда такой антинорманист, как академик Б. А. Рыбаков, признавал Олега «конунгом», шведом или норвежцем³⁷, правление которого на Руси было, впрочем, лишь кратким эпизодом в её истории: как и другие варяги-«находники», этот «временный» князь вскоре исчез с исторического горизонта. Определённые выводы можно сделать из анализа самого имени Олега. Имя это восходит к древнескандинавскому имени *Helgi* (женская форма *Helga*, то есть Ольга), которое соответствует прилагательному *helgi*, употреблявшемуся в христианский период в значении «святой». Однако это не значит, что такого слова не существовало в дохристианское время. Тогда *helgi* означало «священный», «сакральный», а применительно к образу конунга или героя сопрягалось также с духовной, сакральной целостностью и обладанием удачей³⁸. В языческий период в скандинавской традиции, по подсчётам Е. А. Мельниковой, было около десяти персонажей, носивших это имя, «причём их подавляющее большинство так или иначе связано с героико-эпическим контекстом»³⁹.

Первый по времени среди них — Хальга (Хельги) Добрый, упоминаемый в ряде источников, прежде всего в средневековой англосаксонской поэме «Беовульф» (VIII век). Время его жизни можно определить лишь приблизительно, среди версий называются начало и середина VI века⁴⁰. Хальга принадлежал к датской династии Скъёльдунгов, основателем которой считался некий Скильд (Скъёльд) Скевинг. Его внук Хальфдан имел трёх сыновей, среди которых был и Хальга. Вот как об этом говорится в «Беовульфе»: «Родилось на землю от Хальфдана четверо: Херогар, Хродгар, Хальга Добрый и дочь»⁴¹. О Хальге почти ничего не известно, но он являлся отцом знаменитого героя Хродульфа или Хрольва Краки (Жердинки). Хальга упоминается и в других источниках, в том числе древнеисландских. У исландского скальда Снорри Стурлусона в его своде саг «Круг земной» говорится: «В Хлейдре правил тогда Хельги конунг, сын Хальвдана. Он приплыл в Швецию с такой огромной ратью, что Адильсу конунгу не оставалось ничего, кроме как бежать. Хельги конунг высадился со своим войском, разорил страну и взял большую добычу. Он взял в полон Ирсу, жену конунга, и увёз с собой в Хлейдр, и женился на ней. Их сыном был Хрольв Жердинка»⁴². Потом выяснилось, что Иrsa на самом деле дочь Хельги, после чего она вернулась в Швецию к Адильсу «и была там до конца своей

жизни». «Хельги конунг погиб в походе. Хрольву Жердинке было тогда восемь лет, и он был провозглашён конунгом в Хлейдре». Хлейдр — это Лейре на острове Зеландия в Дании. Таким образом, впервые имя Хельги зафиксировано именно в датских областях.

Два других Хельги известны из песен «Старшей Эдды». Это Хельги Убийца Хундинга, которому посвящены две песни, и Хельги, сын Хьёрварда⁴³. Хельги Убийца Хундинга был сыном Сигмунда, принадлежавшего к датской династии Ильвингов (по другой версии, Скьёльдунгов) — во всяком случае сказание об этом Хельги имеет датское происхождение⁴⁴. Второй Хельги является сыном некоего конунга Хьёрварда, но к какой династии он принадлежал, неизвестно.

Помимо Дании имя Хельги встречалось и в Норвегии. Об этом свидетельствуют ещё три героя, информация о которых сохранилась у Саксона Грамматика в его хронике «Деяния данов» (XII век). Один из Хельги был конунгом Халогаланда — северной части Норвегии⁴⁵. Ещё один норвежский Хельги — Хельги Смелый — в первой половине IX века был конунгом в Хрингарики (Рингерики), в Южной Норвегии. Его сын Сигурд Олень был дедом первого норвежского короля Харальда Прекрасноволосого⁴⁶.

По наблюдениям Е. А. Мельниковой, имя «Хельги» в дохристианское время «отмечается, прежде всего, в именослове Скьёльдунгов — легендарной династии правителей о. Зеландия с центром в Лейре», но связано и с норвежским культурным ареалом. Оно принадлежало к числу не рядовых имён, а «княжеских», то есть употреблялось в знатных родах и «отсылало к представлениям о сакральности конунга как обладателя удачи»⁴⁷.

Интересный факт «исторического» использования этого имени относится к концу IX века. В 890-х годах в Дании правил некий конунг Хельги, которого упоминает немецкий хронист Адам Бременский в первой книге своего произведения «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» (написанного между 1072 и 1075 годами). Адам Бременский сообщает, что после гибели «королей» данов Готфрида и Сигфрида правителем стал Хельги: «Я также слышал из уст правдивейшего короля данов Свена (имеется в виду датский король Свен Эстридсен, современник и информатор Адама. — Е. П.), когда он по нашей просьбе перечислял своих предков, [следующее:] “После поражения норманнов [у данов], как я выяснил, правил Хельги, муж, любимый наро-

дом за свои справедливость и святость. Вслед за ним правил Олав, который, явившись из Свеонии (Швеции. — *Е. П.*), захватил датское королевство силой оружия»⁴⁸. Иными словами, после Хельги произошло шведское завоевание Дании, а сам Хельги был, возможно, последним представителем местной династии. Указание на справедливость и святость Хельги, выдержанное в христианском духе, по-видимому, согласуется с семантикой его имени⁴⁹.

Мы вновь сталкиваемся с именем Хельги у датских конунгов, и здесь важно вспомнить об одной из версий происхождения самого Рюрика. Ещё в начале XIX века было высказано предположение о тождестве Рюрика и ютландского (датского) конунга Хрёрика (Рорика), упоминаемого в средневековых анналах в середине IX века⁵⁰. Эта версия была поддержана многими историками, а в недавнее время получила дополнительные аргументы в свою пользу. Среди подтверждений этой гипотезы и упоминания «франкского» происхождения руси в византийских источниках середины X века⁵¹, и археологические находки — клады эпохи викингов в Фрисландии, в одном из которых обнаружено чрезвычайно большое для западнобалтийского региона количество арабских дирхемов⁵². Известный историк А. А. Горский высказал чрезвычайно плодотворную мысль о том, что возможные связи Рюрика с государством франков могли повлиять и на становление древнерусской государственности. Варяги, пришедшие на Русь с Рюриком и Олегом и способствовавшие объединению восточных славян в единое государство, «видимо, относились к наиболее «франкизированной» на тот момент группировке выходцев из Скандинавии. Они должны были являться в большей мере носителями традиций франкской государственности, чем скандинавских общественных порядков»⁵³. Эти традиции, возможно, и оказали влияние на становление государства на Руси.

Неизвестно, принадлежал ли Рорик Ютландский к роду Скьёльдунгов (или считался таковым), но именован ютландских конунгов IX века был традиционен для датских правящих родов. Так, непосредственный предок Рорика носил имя Хальвдан. Можно думать, что и упоминаемый со слов датского короля Адамом Бременским Хельги также находился с Рориком в каком-либо родстве. Если так, то возникает предположение о том, что этот самый Хельги и мог быть древнерусским Олегом⁵⁴. Хронологическая разница не может здесь являться аргументом, поскольку сама хроно-

логия правления Олега, как мы видели, условна. По словам А. А. Горского, «правление Хельги в Ютландии было, видимо, коротким... указания на его смерть или гибель нет, и вполне можно допустить, что незадолго до 900 г. он, будучи изгнан из своих владений Олафом, занял место умершего к этому времени своего родича Рюрика в земле словен»⁵⁵. Примечательно, что среди датских конунгов IX века встречается и имя Ингвар. Так звали одного из датских «королей» (наиболее жестокого к христианам), о котором упоминает тот же Адам Бременский⁵⁶. Ингвар (Игорь) — это также имя сына Рюрика. Все эти факты свидетельствуют о том, что, по-видимому, первые древнерусские князья варяжского происхождения были представителями датских родов конунгов, чей именовослов восходил к династии Скьельдунгов.

На Руси, однако, имя «Олег» было переосмыслено. Об этом свидетельствует прозвище Олега, зафиксированное в летописях — «Вещий». Повесть временных лет связывает появление этого прозвища с конкретными событиями похода на Византию в 907 году: «И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещёнными». Переосмысление имени могло произойти в славянской языческой среде, где сакральность воспринималась как мудрость, способность к провидчеству, наделённость сверхъестественной силой и магическими способностями. Таким образом, прозвище «вещий» вполне могло быть «переводом» имени *Helgi* на славянский язык⁵⁷. Случаи переосмысления подобного рода известны и для других явлений. Так, древнескандинавское слово *garðr*, означавшее «двор, ограда, укрепление, хутор», было сопоставлено с древнерусским «городь» (старославянское «градь») и, будучи переосмысленным, дало начало скандинавскому названию Руси *Garðar*, буквально «Города»⁵⁸.

Но семантика имени *Helgi* (Олег) могла повлиять и на собственно славянские имена. Сын «воспитанника» Олега Игоря и Ольги (имя которой представляло собой женскую форму имени Олег и, следовательно, имело то же значение «священный, сакральный», а позднее «святой» в христианском смысле) носил славянское имя Святослав — первым в роду древнерусских князей Рюриковичей. В своё время высказывалась гипотеза о том, что это имя представляет собой контаминацию переосмысленных на славянской почве скандинавских имён его предков⁵⁹. Первая часть имени — «Свято-» — соответствует семантике имён Олег (*Helgi*) и Ольга (*Helga*), а вторая — «-слав» — отсылает к основе име-

ни Рюрик — Хрёрик, то есть *Hroeríkr*, где первым корнем является скандинавское *hroð* — «слава». Такое переосмысление вполне возможно в контексте варяго-славянских контактов на Руси в начальный период её истории. Мы знаем, например, что у скандинавского по происхождению воеводы Свенельда (*Sveinaldr*) были сыновья, которых звали Лют и Мстиша, и если Мстиша — очевидно славянское имя, то имя Лют можно понимать и как производное от славянского прилагательного «лютый», и как широко распространённое скандинавское имя *Ljótr*, учитывая написание имени сына Свенельда в некоторых летописях (Лут, Лот)⁶⁰.

То же самое относится и к имени воеводы князя Ярополка Святославича Блуда, имя которого (помимо очевидных славянских коннотаций) может происходить от древнескандинавского слова *blóð* со значением «кровь», «кровавый» (подобно тому как норвежский конунг Эрик носил прозвище «Кровавая секира»)⁶¹. В то же время соратником Ярополка был некий Варяжко — имя, восходящее к неславянскому этнониму «варяг», но в славянской форме. Мать князя Владимира звали Малушей, она была дочерью некоего Малка Любечанина и сестрой Добрыни. В Повести временных лет под 1000 годом упоминается смерть некоей Малфреды от скандинавского имени Малмфрид (*Malmfridr*). Ясно, что она принадлежит к княжескому роду, но кем она была, в летописном тексте не сказано (это сообщение восходит к какому-то помяннику, который, вероятно, вёлся при киевской Десятиной церкви). То, что Малфредь входила в число предков позднейших Рюриковичей, подтверждается использованием, хотя и не частым, этого имени у потомков Владимира в дальнейшем. Существует версия о том, что Малфредь — это и есть мать Владимира, Малуша⁶². Получается, что у славянина (?) Малка, происходившего из Любеча, сын носил скандинавское имя, а дочь — скандинавское (переосмыслившееся и по-славянски). Все эти примеры показывают, насколько «гибкими» в зоне скандинаво-славянских контактов на Руси оказывались имена и даже слова, которые могли наделяться смыслами и по-скандинавски и по-славянски. Поэтому нет ничего удивительного в возможности влияния имени Олег/Ольга на первую часть имени князя Святослава.

Но имя Олег и в своей древнерусской форме стало популярным у династии Рюриковичей. Следующим после Олега Вещего его носил второй из сыновей Святослава Игоревича — древлянский князь Олег, трагически погибший

во время убоицы в 977 году. Его имя, как и имя его старшего брата Ярополка, стало вновь актуальным после того, как Ярослав Мудрый в 1044 году велел выкопать останки Ярополка и Олега (оба умерли язычниками), крестить их и захоронить в Десятинной церкви. Двое внуков Ярослава — сыновья его сыновей Изяслава и Святослава — получили имена Ярополк и Олег соответственно (Олег даже оказался полным тёзкой Олега Древлянского — оба носили отчество Святославич). При этом Олег в крещении был назван Михаилом, тоже, вероятно, не без участия своего деда⁶³. Этот Олег стал потом известным черниговским князем, и от него пошла династия чернигово-северских князей Ольговичей, в которой имя Олег сделалось родовым. Кстати, интересно, что второго своего сына Олег Святославич назвал Игорем, подобно тому как Игорь Рюрикович был преемником и «воспитанником» Олега Вещего. Имя Олег стало популярным и в рязанской ветви Рюриковичей, которые пошли от младшего сына того же Святослава Ярославича, чьим сыном был и Олег Черниговский. Единственный Олег, канонизированный Русской православной церковью в период средневековья — Олег Романович, князь брянский, также происходил из черниговской ветви Рюриковичей. Но о дальнейшей судьбе имени Олег в истории русской культуры речь впереди.

Глава вторая

КИЕВ

*А. Н. Верстовский. Увертюра к опере
«Аскольдова могила»*

Начало связного повествования об Олеге в Повести временных лет начинается в летописной статье под 882 годом. Вернее, в ней содержится большая часть рассказа о вокняжении Олега в Киеве и дальнейшем обустройстве его владений. Ясно, что когда-то этот фрагмент составлял единое целое, лишь позднее «разбитое» на несколько лет и охватившее таким образом четыре года (882—885). Тем не менее в этой хронологической канве 882 год оказался центральным. Начало рассказа выглядит так:

«Поиде Олегъ, поимъ воя многи, варяги, чюдь, словени, мерю, весь, кривичи, и приде къ Смоленску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужь свои, оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужь свои». В переводе Д. С. Лихачёва: «Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей, и пришёл к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нём своего мужа. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил мужа своего»¹.

В Новгородской первой летописи этот рассказ выглядит более кратким: «И начаста воевати, и налезоста Днепръ реку и Смолнескъ град. И оттоле поидоша внизъ по Днепру, и придоша къ горам кыевским, и узреста городъ Кыевъ»². Чередование двойственного и множественного числа в данном случае подразумевает, с одной стороны, Олега и Игоря (действующих, согласно Новгородской первой летописи, совместно), а с другой — войско Олега в целом³. А весь отрывок как бы продолжает эпическую традицию предшествующего текста, о чём говорит, в частности, регулярное использование союза «и»⁴. Между тем необычно выглядит в этом контексте слово «налезти», то есть «найти» — получается, что Олег и Игорь «обнаружили» каким-то

образом Днепр, путь по которому был явно известен и ранее⁵. Как бы то ни было, составитель Повести временных лет существенно расширил это повествование, воспользовавшись, очевидно, какими-то новыми устными преданиями. Что же описывает летопись?

Олег вместе с Игорем (который, судя по рассказу Повести временных лет, был тогда малолетним) отправляется из Новгородской земли на юг, постепенно продвигаясь по Пути из варяг в греки. Причины этого движения летописец никак не объясняет, о них можно только догадываться. Так, по мнению В. Л. Янина, уход Олега с Игорем и дружиной из Новгорода на юг Руси был вызван тем, что ограничения княжеской власти, установленные «по ряду» при призвании Рюрика, не позволяли князьям самостоятельно распоряжаться «государственными доходами», собранной данью, чувствовать себя полноправными правителями. Власть же Олега в Киеве оказывалась основанной не на договоре, а на праве завоевателя⁶. Действительно, возможно, Олег не чувствовал себя полноправным князем в Новгородской земле, однако вряд ли можно думать, что укрепившись в Киеве, он утратил контроль над Новгородом. Напротив, судя по летописи, захватив Киев и сделав его центром своих владений, Олег даже обложил новгородцев данью. По-видимому, в Новгороде остался какой-то княжеский наместник. Уже при Игоре таковым был его сын Святослав — этот факт хорошо известен из сочинения «Об управлении империей» современника Игоря и Ольги византийского императора Константина Багрянородного. Может быть, и при Олеге Новгородом управлял кто-то из его родичей. Поэтому более логичной выглядит мысль о том, что Олег стремился поставить под свой контроль торговый путь по Днепру⁷, обеспечивавший прямой выход в Чёрное море, а следовательно, и к Византии. Богатства Константинополя не могли не привлекать предприимчивых викингов Восточной Европы. Именно на Константинополь был направлен первый удар руси в 860 году (откуда пришла эта русь, из Новгородской земли или Приднепровья — остаётся только гадать), в том же направлении, согласно летописи, двинулись Аскольд и Дир. Однако, в отличие от своих предшественников, Олег подготовил поход на юг более масштабно и тщательно.

Повесть временных лет перечисляет те племена, из которых состояло Олегово войско. Помимо «традиционных» варягов, это также чудь, словене, меря, весь и кривичи, те

же племена, которые перечислены в рассказе о призвании Рюрика⁸ — можно сказать, ядро северной Руси. Насколько этот перечень соответствует действительности, сказать сложно, но ничего невероятного в наличии в княжеском войске выходцев из этих племён нет. Надо отметить, что летопись вообще стремится представить Олега в полиэтническом, многонациональном контексте. Он объединяет под своей властью многие племена — тем самым, по-видимому, подчёркивается его общерусское значение в качестве «великого князя русского», под рукой которого находятся другие князья.

Первым городом, захваченным Олегом на этом пути, оказался Смоленск. Повесть временных лет отмечает, что Олег пришёл к Смоленску «с кривичами», тем самым подчёркивая как бы племенную принадлежность этого центра — Смоленск действительно располагался в зоне кривичского расселения. На территории северных кривичей находился Изборск, и захват Смоленска в летописном тексте выглядит, таким образом, продолжением деятельности Рюрика и его варягов по «окняжению» восточнославянских племён. Ясно, что в Смоленск дружина Олега пришла, спустившись по начальному отрезку Пути из варяг в греки через Ловать (Ловоть) и Западную Двину, причём Смоленск стоял в самом начале пути по Днепру, выполняя роль своего рода днепровских «ворот».

На территории современного города Смоленска археологические слои ранее второй половины XI века не выявлены. Зато в 13 километрах от города находится масштабный Гнёздовский археологический комплекс, охватывающий большую территорию, преимущественно на правобережье Днепра⁹. Его раскопки начались ещё в 1874 году после обнаружения одного из крупных кладов, возобновились в качестве постоянных в послевоенное время и продолжаются до сих пор совместной Смоленской археологической экспедицией Московского университета и Исторического музея. Помимо поселений комплекс включает несколько тысяч курганов (первоначальное их число определяется в 4500). Центральное поселение расположено по берегам ручья Свинец, впадающего в Днепр, и состоит из городища и селища общей площадью почти 30 гектаров. Среди жителей Гнёздова были и воины-дружинники, и ремесленники (обнаружены ремесленные мастерские), велась интенсивная торговля. В Гнёздове открыты также приречные кварталы, планировка которых «была ориентирована на речной

путь, приём идущих по этому пути ладей», при этом она аналогична «планировке прибрежных поселений (“виков”) Балтики и Британских островов, ориентированной на гавань». Всё это показывает единство культуры прибрежных поселений на международных торговых путях, включая речную сеть коммуникаций Руси¹⁰. Иными словами, Гнёздово органично входило в контекст общей культуры викингов Северной Европы.

Датировка Гнёздовского комплекса охватывает период с рубежа IX—X веков до первой половины XI века включительно, а наибольший расцвет поселения приходится на середину и вторую половину X века. Всё это ясно показывает, что Гнёздово стало интенсивно развиваться как раз со времени Олега. Видимо, первоначально, до его прихода, это было совсем небольшое поселение. Разумеется, очень хорошо в составе комплекса представлена скандинавская материальная культура, что свидетельствует о значительном варяжском присутствии в этом центре. По-видимому, Гнёздово и следует считать древнейшим Смоленском (подобно тому как Рюриково городище было древним Новгородом). Само название «Смоленск» ясно указывает на значение этого города в торговом отношении (смоление речных судов)¹¹. Существенно, что Смоленск становится одним из форпостов новой княжеской власти — Олег оставляет в городе своего «мужа», то есть наместника. Это не центр племенного княжения, а именно важнейший пункт на речном пути, находящийся под контролем «великого князя». Тем самым бралась под контроль и вся торговля на этом участке.

Значение Смоленска как одного из важнейших центров Руси, возможно, отразилось и в представлениях арабских географов о трёх группах русов. Среди учёных арабского халифата в X веке сформировалась географическая школа, которую в европейской науке называют «классической»; в трудах учёных этой школы и присутствуют сведения о русах в виде рассказа о их трёх «видах» (часто неточно именуемых «центрами»)¹². Произведение основателя школы, среднеазиатского географа первой половины X века ал-Балхи не дошло до нас в подлиннике, но отразилось в работах его последователя, уроженца Ирана Абу Исхака ал-Фариси ал-Истахри (849/850—934). Сочинение ал-Истахри называется «Книга путей и стран» («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик») и была написана в 930—933 годах. Около 950 года ученики географа составили её новую редакцию. В этом произведении и сохранился наиболее ранний рассказ о трёх группах

русов, повторенный затем и другими авторами, в частности путешественником Ибн Хаукалем, после встречи с ал-Истахри осуществившим по его просьбе переработку его труда. «Книга путей и стран» Ибн Хаукаля, включившая в себя многие сведения ал-Истахри, но ставшая вполне самостоятельным произведением, создавалась на протяжении 950—970-х годов¹³.

Интересующий нас отрывок ал-Истахри рассказывает о трёх видах (или группах — арабское «джинс») русов, один из которых, «ближайший к Булгару», имеет центр в городе Куйаба, который «больше, чем Булгар». Второй вид, самый отдалённый, называется Салавийа. «А вид их [третий] называется Арсанийа, и царь их располагается в Арса. Люди достигают для торговли Куйабы. Что же касается Арса, то не упоминают, чтобы кто-нибудь входил в неё из чужеземцев, потому что они убивают каждого, кто ступит на их землю из иностранцев. И вот спускаются по воде для торговли и не сообщают ничего о своих делах, и не позволяют никому сопровождать их, и не входят в их страну. Привозят из Арса чёрных соболей и олово»¹⁴.

Относительно этих трёх групп русов в исторической науке ведётся длительная полемика. Если идентификация Куйаба с Киевом и Салавийа (Славии) с Новгородом сомнения практически не вызывает, то относительно Арсы высказывались многочисленные предположения, помещавшие этот центр на пространстве от острова Рюген на Балтике до Тмутаракани у Керченского пролива, включая Рязань, Арзамас, Чернигов, Сарское городище близ Ростова и т. д.

Между тем в более поздней арабской географической традиции сведения об Арсе обрастают более точными деталями. Речь идёт о произведении арабского географа первой половины XII века ал-Идриси «Отрада страстно желающего пересечь землю» (или «Развлечение истомлённого в странствии по областям», «Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак»), написанного им при дворе норманнского короля Рожера II в Сицилии. Ал-Идриси сообщает следующие подробности об Арса: «Город Арса — красивый, укреплённый город на горе, и местонахождение его — между [городами] Слав и Кукийана. От Кукийана до Арса четыре перехода, а от Арса до Слав четыре дня». Дальше со ссылкой на Ибн Хаукаля повторяется информация об убийстве в Арсе чужеземцев и о товарах, которые вывозят из Арса купцы Кукийана¹⁵. И. Г. Коновалова, исследовавшая этот фраг-

мент, полагает, что ал-Идриси мог получить дополнительные сведения об Арсе «из устных источников, скорее всего, от лиц, имевших контакты с купцами, посещавшими Арсу, или слышавших рассказы о таких торговцах», кроме того, из этого описания очевидно, что Арса находится на пути между Киевом (Кукийана, так трансформировалось название Куйаба у ал-Идриси) и Новгородом (Слав)¹⁶. Причём ал-Идриси описывает путь с юга на север — от Киева до Арсы и от Арсы до Новгорода.

Поскольку, согласно ал-Истахри, торговцы из Арсы «достигают для торговли Куйябы», куда спускаются по реке, а такой рекой может быть Днепр, возникло предположение, что под Арсой арабских географов имеется в виду как раз Смоленск (вернее, его древний «предок» Гнёздово)¹⁷. Как кажется, это подтверждает и текст ал-Идриси о местоположении Арсы на пути из Киева в Новгород. Есть, однако, и некоторые сложности для такого отождествления, прежде всего устойчивое сообщение источников о невозможности для иноземцев попасть в Арсу, в то время как в Гнёздове имеются следы присутствия не только скандинавов, но и других чужеземцев¹⁸. Однако информация о том, что в Арсе не могут побывать иноземцы, носит явно фантастический характер (сложно представить себе, что подобного рода обычай вообще мог существовать в какой-либо торговой точке на территории Руси). Ещё учёные XIX века не без оснований предполагали, что подобного рода слухи могли нарочно распускаться купцами из Арсы из-за боязни конкуренции¹⁹. Нет особенного противоречия и в том, что, опять-таки по сообщениям арабских авторов, в Арсе сидел царь («малик»). Этим термином могли обозначать не только самостоятельного правителя, но и князя-наместника, выполнявшего подчинённые функции по отношению к верховному правителю²⁰. Остаётся лингвистический вопрос о взаимосвязи названий «Смоленск» и «Арсанийя», отнюдь не столь очевидный, как при сопоставлении названий двух других групп русов.

Итак, подчинение Смоленска поставило под контроль Олега весь северный участок Пути из варяг в греки. То, что это был именно опорный пункт русских князей на Днепре, подтверждает большое число скандинавских захоронений²¹, что было характерно для княжеской дружины, ядро которой составляли именно варяги-скандинавы. Разумеется, Смоленск выполнял и функции сборного пункта для дани соседних племён, прежде всего кривичей, в земле

которых он находился. Далее Олег двинулся по Днепру на юг, и Повесть временных лет сообщает, что следующим городом, где установилась его власть, был Любеч. Овладение Любечем, судя по летописному тексту, носило иной характер, нежели подчинение Смоленска. В Смоленске Олег «прия градъ», то есть мирно «принял» его, а Любеч он «взя», то есть взял штурмом. В рассказе Новгородской первой летописи (именно в нём, напомним, видят отражение текста Начального свода, предшествовавшего Повести временных лет) о походе Олега и Игоря Любеч не упомянут. Исходя из этого, возникло предположение о том, что его упоминание в Повести носит искусственный характер. Летописец-де взял название этого города из текста договора руси с греками 907 года, где Любеч упомянут среди других городов, в которых сидят «великие князья», подчинённые Олегу, и механически вставил в рассказ о киевском походе, «преобразовав» местного князя в княжеского наместника²². Такое предположение выглядит абсолютно произвольным. Во-первых, Любеч действительно упомянут среди городов, подвластных Олегу, в летописной статье под 907 годом, но его название в этом перечне стоит на последнем месте (после Киева, Чернигова, Переяславля, Полоцка и Ростова), да и в аутентичности текста договора есть сомнения. Во-вторых, в тексте Повести временных лет, как мы видим, сообщение о занятии Любеча кардинально отличается от аналогичного сообщения о Смоленске — характер обоих присоединений разный. Так же, как и в Смоленске, Олег оставляет в Любече своего «мужа», хотя там вряд ли существовало прежде какое-либо племенное княжение. Между тем Любеч занимал важное место на Днепровском торговом пути — он как бы прикрывал с севера путь к Киеву. Взяв Любеч, Олег мог теперь беспрепятственно двинуться на Киев.

Поселение в Любече, находившемся на левом берегу Днепра, прослеживается с VIII—IX веков, это был довольно крупный центр с курганным некрополем²³. Считается, что Любеч упомянут в середине X века в трактате византийского императора Константина Багрянородного под именем «Телиуца»²⁴. Телиуца — один из центров, наряду с Новгородом, Смоленском, Черниговом и Вышгородом, откуда лодки-моносилы приходят в Киев для дальнейшего плавания в Константинополь. С одной стороны, все эти города подчинялись непосредственно киевскому князю через систему наместников²⁵, с другой, по-видимому, были местом сбора

дани с подвластных племён — с ними сопоставляется перечисление славян, на землях которых осуществлялось полудье, то есть ежегодный сбор дани, о котором сказано в той же главе сочинения Константина Багрянородного. В этом случае Любеч был сборным пунктом дани с дреговичей²⁶. Подчинив Любеч, Олег установил контроль над средним течением Днепра и двинулся на Киев.

«И придоста къ горамъ хъ киевскимъ, и уведа Олегъ, яко Осколдь и Дирь княжита» — «И пришли [Олег и Игорь] к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир»²⁷. Во времена Аскольда и Диры Киев представлял собой сравнительно небольшой город (в летописном известии о приходе в Киев этих князей он даже назван «градком», то есть городком) — наличие поселений во второй половине IX века археологически прослеживается на Старокиевской и Замковой горах. В том же веке под Замковой горой формируется торгово-ремесленный посад — Подол²⁸, активное развитие которого можно связывать и с деятельностью Олега²⁹ (правда, скандинавских находок IX—X веков в Киеве сравнительно немного³⁰). Как бы то ни было, роль Киева как торгово-ремесленного и политического центра после его захвата Олегом становится всё более и более заметной.

Аскольд и Дир (это скандинавские имена *Höskuldr* и *Dyri*) были варягами, захватившими власть в Киеве, судя по летописной хронологии, в начале 860-х годов. Однако эта хронология опирается на некую связь обоих князей с Рюриком (Аскольд и Дир именуются в Повести временных лет «боярами» Рюрика, якобы отпросившимися у него в поход на Византию), которая, возможно, была мифической. Исследователи неоднократно отмечали, что составитель Повести выстраивал общую линию начальной русской истории и, соответственно, единую генеалогию древних князей, так или иначе связывая их друг с другом. Поскольку Аскольд и Дир явно не принадлежали к родственникам Рюрика, они могли «превратиться» в его «бояр». Скорее всего, оба князя являлись предводителями варяжских отрядов, в какой-то момент закрепившимися в Киеве. Столь же искусственна и связь с их именами первого похода руси на Византию, который ошибочно отнесён в летописи к 866 году, а на самом деле состоялся в 860-м. Это известно давно, стало общим местом и представление о мифичности одновременного правления, соправительства Аскольда и Диры. На самом деле это утверждение не основывается ни на каких источниках, а представляет собой результат логических допуще-

ний. Единственным весомым аргументом «против» выступает летописная информация о разных местах погребения Аскольда и Диры, о чём будет сказано позднее. Летописная традиция единодушно называет обоих князей соправителями, вместе они выступают и в рассказе о захвате Киева Олегом.

Для того чтобы захватить Киев, Олег пошёл на хитрость. Повесть временных лет описывает это следующим образом: «Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, и сам приступил, неся младенца Игоря. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и посла к Аскольду и Диру, говоря им, что-де “мы купцы, идём в Греки от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим”. Когда же Аскольд и Дир пришли, выскочили все остальные из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: “Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода” и показал Игоря: “А это сын Рюрика”. И убили Аскольда и Диру»³¹. Итак, Олег оставил основную, по-видимому, часть войска позади, а другую часть спрятал в ладьях и прикинулся купцом. При этом летопись не говорит, что Олег и его приближённые переоделись купцами — да для этого, вероятно, не было и необходимости, поскольку «по внешнему виду и экипировке (включавшей меч и весы у пояса) скандинавского воина-дружинника нельзя было отличить от торговца»³². Эта немаловажная деталь заслуживает внимания, поскольку зачастую в летописном рассказе усматривают воплощение фольклорного мотива о переодевании. Дальнейшее действие разворачивалось «под Угорским», то есть в Угорском урочище, расположенном неподалёку от будущего Печерского монастыря. Происхождение названия Угорское даётся в летописной статье под 898 годом, где говорится о проходе венгров (угров) мимо Киева: «Идоша угри мимо Киевь горою, еже ся зоветь ныне Угорьское, и пришедше къ Днепру, стаха вежами; беца бо ходяще аки се половци». Это этап так называемого «обретения родины» венграми, которые затем под натиском печенегов двинулись дальше на запад и заселили Паннонию. В память движения угров мимо Киева в самом городе сейчас даже установлен небольшой, но красивый знак рядом с Аскольдовой могилой. Несомненно указаний летописной хронологии (угры прошли якобы в 898 году, а название Угорское зафиксировано уже в 882-м) не должно нас смущать, учитывая условность этой хронологии. На самом деле движение угров не было моментным, и, по крайней мере, в середине IX века они

уже находились в степях к югу от Руси, да и само название могло быть поздним, отнесённым к более отдалённому прошлому (нельзя исключать и иное его происхождение³³).

В Новгородской первой летописи Игорь и Олег притворяются «мимоидуша» «подугорьскими гостьми»³⁴, то есть подугорскими купцами. Ясно, что это результат непонимания составителем этой летописи топографических реалий Киева — топоним «под Угорьским» трансформировался в этническое или территориальное определение самих купцов³⁵. Поэтому нет оснований подразумевать в этом слове указание на венгерских купцов³⁶. Скорее летописец мог сопоставить неясный для себя топоним с «Угрою», то есть Югрой, землёй к северо-востоку от Новгорода, населённой финно-угорскими племенами и известной новгородцам³⁷. Само же Угорское урочище было важным пунктом киевской топографии, и прибытие Олега именно туда не выглядит случайным. Дело в том, что позднее там находился княжеский двор и вполне возможно, что и в конце IX века на этом месте располагалась княжеская резиденция³⁸. Во всяком случае, какое-то укреплённое поселение на Угорском уже существовало³⁹. Так что Олег, назвавшийся купцом, идущим в Византию, прошёл мимо Подола и Старокиевской горы и сразу отправился к месту «дислокации» Аскольда и Дира⁴⁰.

Летописный рассказ о взятии города с помощью спрятанных в ладахьх воинов и самопрезентации завоевателей в качестве купцов исследователи традиционно относят к числу «бродячих», фольклорных, упоминая многочисленные параллели от Древнего Египта до средневековой Европы⁴¹. При этом, как правило, ссылаются на работу известного литературоведа А. С. Орлова, опубликованную ещё в 1906 году. Эта работа посвящена исследованию литературных повестей о взятии Азова донскими казаками в 1637 году и об Азовском осадном сидении 1641 года. Дело в том, что, согласно этим произведениям, казаки взяли турецкий Азов хитростью. Они нагрузили на телеги разные товары, а в некоторых телегах спрятали вооружённых воинов, прикрыв их товарами; сопровождавшие же телеги казаки, в том числе и атаман, переоделись иноземными купцами и таким образом смогли проникнуть внутрь города. Нечто подобное проделал летом 1668 года Степан Разин, захватив персидский город Фарабат на побережье Каспийского моря в Мазандаране — разинцы смогли перебить местных жителей, прикинувшись купцами, правда, никаких телег с товарами

в этом случае не было. А. С. Орлов в своей работе целую большую главу посвятил возможным аналогам этого рассказа, назвав её: «О проникновении воинов в укреплённое место хитростью, при помощи переодевания и скрывания внутри разных предметов. Опыт библиографического обзора сюжета»⁴². В этой главе, правда, в основном пересказываются и цитируются труды предшествовавших авторов, а собственно новых аналогий приведено совсем немного — это действительно скорее библиографический обзор. Однако что же обнаруживается в результате оного?

А. С. Орлов упоминает многочисленные примеры из разных культур, когда во время военных действий используются подобного рода хитрости (сокрытие воинов в каких-то вещах) и переодевание в купцов (и не только в купцов), но практически все приводимые им аналогии применительно к летописному рассказу выглядят очень приближительными. В самом деле, в летописном рассказе нет никакого переодевания (хотя в нём просто не было надобности), воины прячутся в кораблях, а цель действий чисто завоевательная (военная). Если учитывать все эти детали, прямых аналогий «киевскому» сюжету находится не так уж и много (в противном случае пришлось бы привлекать очень широкий круг сюжетов от троянского коня до Али-Бабы и сорока разбойников). Из упомянутых А. С. Орловым (со ссылками на предшественников) примеров более-менее похожими кажутся лишь рассказы поэмы «Ортнит» (входящей в цикл поэм о Дитрихе или Тидреке Бернском) и поэмы «Кудруна». Поэма об Ортните была создана во второй половине 1220-х годов, «Кудруна» и того позже — в 1230—1240-х. Иными словами, это куда более поздняя традиция, чем зафиксированные в летописи предания об Олеге.

В «Ортните» герой поэмы, король Ломбардии Ортнит захватывает город Судерс (то есть Тир) в Сирии (с намерением жениться на дочери местного короля), представившись купцом и спрятав воинов в кораблях⁴³. Его помощником в этом деле выступает русский князь Илья, дядя Ортнита по матери — эта деталь и сближает рассказ поэмы с Русью⁴⁴. В «Кудруне» король неких «хегелингов» Хетель хочет жениться на дочери ирландского короля Хагена Хильде и отправляет в Ирландию своих датских родичей и вассалов, которые решают взять с собой богатые товары, чтобы щедрой торговлей прельстить сурового ирландского правителя, убивавшего сватов к его дочери. По совету мудрого воспитателя Хетеля Вате, «на нашем судне пусть вы-

строят настил, под ним дружину спрячут с оружием на случай, коль не отпустит с миром из Эйре нас витязь могучий. Во всём вооружении бойцов не меньше ста везти придётся скрытно в те дальние места». Когда посланцы достигают Ирландии и начинают торговать, король Хаген с дружинниками лично приезжает к ним на берег, чтобы узнать, кто они и откуда⁴⁵. Впоследствии посланцам Хетеля удаётся заманить Хильду на корабль и увезти с собой. Здесь примечательно, что хитрость отнесена к датчанам, то есть явно вписана в скандинавский контекст. При всем сходстве деталей главной целью и в «Ортните», и в «Кудруне» выступает женитьба — собственно ради «добывания» женщины и затеваются все уловки. Это, конечно, принципиально отличает летописный рассказ от поэтических сюжетов XIII века.

В собственно древнескандинавской литературе есть похожий эпизод в «Деяниях данов» Саксона Грамматика, написанных на рубеже XII и XIII веков. В IX книге этого произведения рассказывается об одном из сыновей датского конунга середины IX века Рагнара Лодброка — Хвитсерке (Видсерке), который стал королём скифов после того, как Рагнар покорил Геллеспонт (под этим именем подразумевается некое королевство на Востоке, соседствующее с одноимённым проливом, нынешним Босфором). При этом сыновья погибшего короля Геллеспонта были женаты на дочерях короля рутенов, то есть Руси. Одному из них, Даксону, удалось расправиться с Видсерком: «Схватить его, совершив нападение под видом встречи для заключения мира между ними. Видсерк радушно встретил Даксона, тот же, заранее вооружив и подготовив своих людей, велел им на своих повозках под видом торговцев проникнуть в город и ночью напасть на дом хозяина»⁴⁶. Видсерк был пленён, а затем казнён. О гибели Видсерка сообщает также «Сага о Рагнаре Лодброке и его сыновьях», указывая лишь, что он был захвачен в плен в Аустрвеге (то есть на «Восточном пути») без подробностей о том, как это произошло⁴⁷. Рассказ Саксона, казалось бы, близок к летописному сюжету о захвате Киева, однако роднят их только две детали — представление воинов торговцами и захватническая цель самого деяния. Тем не менее сопоставление этого явно фантастического эпизода произведения Саксона, отсылающего в то же время к Востоку и в какой-то степени к Руси, с летописным рассказом стало весьма распространённым (указывает на него и Е. А. Рыдзевская)⁴⁸. Исследовательница, впрочем, сомневается в некоей связи этих двух мотивов, полагая, что

они являются вариантами одного и того же распространённого сюжета, возникшими независимо друг от друга.

Ещё одна, совсем уж приблизительная параллель обнаруживается в древнескандинавской «Пряди об Эймунде Хрингссоне», сохранившейся в составе «Саги об Олаве Святом» и написанной в конце XIII века (хотя в тексте пряди говорится, что её рассказ составлен со слов непосредственных участников событий). В пряди описана усобица сыновей Владимира и среди прочего рассказывается об убийстве варягом Эймундом конунга Буришлава, под именем которого мог подразумеваться князь Борис Владимирович. Для того чтобы не привлекать к себе внимания, Эймунд и его товарищи выехали из города, «снарядившись как купцы, и не знали люди, что значит эта поездка и какую они задумали хитрость»⁴⁹. Здесь опять-таки общий мотив представления себя купцами⁵⁰, но не более того.

Рассмотренные примеры ясно показывают распространённость уловок со спрятанными воинами и переодеванием в купцов в скандинавском мире, однако все они зафиксированы в более поздних источниках, нежели Повесть временных лет, и, следовательно, относятся к более позднему времени (предполагать их древний характер нет оснований). Возможно, они отражают реально существовавшую военную хитрость, в использовании которой нет ничего удивительного⁵¹. В таком случае нет особенных оснований не доверять летописному рассказу о спрятанных Олегом в ладьях воинах и об объявлении им себя торговцем, идущим по Пути из варяг в греки.

Странным может показаться разве что тот факт, что, представляясь купцом, Олег зовёт к себе Аскольда и Дира и те приходят к нему. В Повести временных лет это до некоторой степени объясняется фразой «придите к нам, к родичам своим», вложенной в уста самого князя. Под «родичами» здесь, конечно, следует подразумевать принадлежность не к одному роду или семье, а к одному народу — варягам-скандинавам. Впрочем, следует иметь в виду и относительную редкость больших торговых караванов, шедших по днепровскому торговому пути в то время — интенсификация торговли с Византией начинается уже позднее. То, что Олег возглавлял немаленькую, по видимому, дружину, делало такой торговый караван ещё более заметным.

Как бы то ни было, приход князей к проплывавшему мимо купцу требовал какого-то объяснения, и таковое

было найдено в Никоновской летописи, составленной во второй четверти XVI века. При этом летописец опирался, прежде всего, на рассказ Новгородской первой летописи, дополнив его отдельными деталями из летописной традиции, восходящей к Повести временных лет (так, например, в Никоновской летописи ничего не говорится о захвате Любеча). Само же повествование о захвате Киева сопровождается некоторыми новыми подробностями: «Игорь же и Олег творящаяся мимоидуша, потаистая в лодиах, и неким дружине своей повеле изыти на брег, сказав им дела тайная, а сам творящаяся болезнуа, и ляже в лодии. И посла ко Аскольду и Диру, глаголя: “гость есмь подугорский, и иду в греки от Олга князя и от Игоря княжича, и ныне в болезни есмь, и имам много великаго и драгаго бисера и всякого узорочиа; еще же имам и усты ко устом речи глаголати ваша к вам, да без коснения приидите к нам”. Пришедшим же им скоро в мале зело дружине, и в лодию влезшим видети болнаго гостя, и рече им: “аз есмь Олег князь, а се есть сын Рюриков Игорь княжич”»⁵². После этого Аскольд и Дир были убиты.

Итак, Олег притворился больным и лёг в ладье, послав сообщить Аскольду и Диру о том, что он купец, идущий в Византию с богатыми товарами — крупным и дорогим жемчугом и прочими драгоценностями, что он хочет поговорить с князьями с глазу на глаз и просит их немедля прийти. Аскольд и Дир с немногими дружинниками приходят прямо в ладью к Олегу, где их и настигает смерть. Речным жемчугом Русь была богата, однако сведения об этом промысле для домонгольского времени отсутствуют, а вот в XVI веке он уже существовал. Таким образом, составитель Никоновской летописи отнёс хорошо знакомые ему реалии своего времени к древней эпохе. Жемчуг и драгоценности оказались под его пером предлогом для приглашения Олегом Аскольда и Дира к себе. Дополнение о мнимой болезни хоть и могло в какой-то степени объяснить этот приход, но всё равно выглядело не вполне естественным. Наконец, летописец прибегнул к ещё одной уловке Олег, который будто бы хотел поговорить с Аскольдом и Диром с глазу на глаз («усты ко устом») — всё это в целом должно было служить объяснением не очень понятного поведения киевских князей.

Однако если для XVI века приход правителя к проезжему купцу мог показаться невероятным, то для раннего средневековья в такой ситуации не было ничего экстраординарного — вышел же к купцам сам жестокий ирландский

король в рассказе той же «Кудруны». В реальности того времени также могли возникать подобные ситуации⁵³. В «Англосаксонской хронике» описывается одно из ранних нападений викингов на Англию. Оно произошло в 789 году, когда в Уэссексе правил король Бертрик: «И в его дни впервые приплыли три корабля, и герефа (представитель короля. — *Е. П.*) поскакал к ним и хотел отвести корабельщиков в королевский город, поскольку он не знал, кто они такие; и его убили. Так впервые корабли данов приплыли в землю англов»⁵⁴. В другой хронике — Этельверда — сообщается, что этим городом был Дорсет на южном побережье Англии. По-видимому, королевский представитель решил, что прибывшие являются купцами, и по закону должен был проводить их в город, чтобы уладить все формальности⁵⁵. Сложно сказать, впрочем, насколько сами викинги пытались мимикрировать под торговцев. Как бы то ни было, выход местных начальников к купцам, как видим, мог иметь место в действительности.

В представлениях летописцев Олег обосновывал своё право на власть простым утверждением — Аскольд и Дир не принадлежат к княжескому роду, а сам Олег принадлежит. Более того, он демонстрирует соправителям сына Рюрика, как бы зримо доказывая его права на эти земли и княжеский стол. Сложно сказать, насколько это поздняя реконструкция летописцев, домысливание ими ситуации, когда выстраивалась спрямлённая линия преемственности власти, в которой Аскольд и Дир оказывались узурпаторами. Ссылка на Игоря имела смысл только в том случае, если киевские князья знали Рюрика, но ведь и они оказывались в летописях связанными с ним — «не племени его, но боярина». Ясно лишь, что постепенно сложилось представление о том, что князем на Руси мог быть только потомок Рюрика, «никто, кроме Рюриковича, князем быть не мог»⁵⁶. Но насколько слова Олега адекватны тогдашней реальности, остаётся только гадать. Во всяком случае, по меньшей мере до 980 года на Руси оставались княжеские семьи, к Рюриковичам не принадлежавшие. Как бы то ни было, Аскольд и Дир пали жертвами хитроумной завоевательной политики Олега.

Повесть временных лет упоминает могилы князей — Аскольда похоронили на горе, «которая называется ныне Угорской, где теперь Олмин двор», причём летописец поясняет, что «на той могиле Олма поставил церковь святого Николы»; «а Дирова могила — за церковью святой

Ирины»⁵⁷. Таким образом, названы конкретные топонимы Киева, и оказывается, что оба князя были похоронены в разных местах. Эта разница в расположении их могил в основном и заставляла исследователей сомневаться в одновременном правлении и времени жизни Аскольда и Дира (помимо неких общих логических заключений). Может ли такая топография служить в данном случае аргументом? По всей видимости, нет. Во-первых, совершенно необязательно оба князя должны были быть захоронены вместе — причины захоронения в разных местах могли быть самыми разными, а некрополь в Киеве явно был не один. Во-вторых, само слово «могила» необязательно указывало именно на захоронение. В летописях упоминаются, например, разные «могилы» Олега — виной тому и народная молва, помещавшая их в разных местах, и возможное наличие нескольких поминальных курганов для выполнения тризны, не обязательно сопровождавшейся реальным захоронением (об этом речь впереди). А главное, указание на существующие могилы князей и вообще «привязка к местности» — обычный приём летописца, с помощью которого он подтверждает реальность своего рассказа.

В летописи неоднократно можно встретить упоминания о сохранившихся «и до сего дне» могилах князей (Игоря у Искоростеня, Олега Святославича у Овруча и т. п.) и о других «артефактах», с ними связанных (сани княгини Ольги в Пскове). Это вообще характерная черта ранней историографии, известная также и в скандинавских сагах — Снорри Стурлусон в «Саге об Инглингах» неоднократно упоминает о могильных камнях и курганах древних конунгов. Столь же показательными для летописца были упоминания различных «дворов», в качестве топографических ориентиров для исторических событий — такую функцию в Повести временных лет выполняют также дворы Гордяты, Никифора, Воротислава, Чудина в Киеве (летописная статья под 945 годом), «Поромонов» в Новгороде (летописная статья под 1015 годом) и т. п.⁵⁸ Следовательно, и здесь указание на могилы князей служило целью подтвердить истинность летописного повествования, придать словам легенды определённый вес, связать прошлое с настоящим, с известными читателю местами того же Киева.

Где же находились могилы князей? Аскольд был похоронен на Угорской горе, то есть в том самом урочище, где и произошла трагедия. Дир же — в пределах Ярославова города на Старокиевской горе, на том месте, где позднее

Ярослав Мудрый основал монастырь в честь небесной покровительницы своей жены, шведской принцессы Ингигерд, в православии Ирины. На могиле Аскольда также была возведена церковь — Святого Николая, и сделал это некий Олма. Кем был Олма, неизвестно, но имя у него варяжское (от скандинавского *Hólmi*)⁵⁹. Ясно, что церковь была построена уже после крещения Руси. Этот факт явился одним из оснований фантазийной версии о том, что Аскольд был христианином, и его крестильным именем было «Николай». Хотя на самом деле возведение церкви на месте языческой могилы (или иных сакральных языческих объектов) свидетельствует как раз об обратном — это была весьма распространённая практика в процессе христианизации Руси и других стран. Тем самым осквернённые языческими ритуалами место как бы освящалось, «очищалось» светом новой веры — а выбор конкретного святого мог объясняться любыми причинами. Нелепо было бы, к примеру, предположить, что раз христианским именем Аскольда было Николай, то Дира звали Ирина.

Византийские источники действительно сообщают о крещении какой-то части руси после неудачного похода на Константинополь 860 года. Однако, поскольку сам этот поход искусственно связан в летописи с именами Аскольда и Дира, нет никаких оснований полагать, что крестившуюся тогда русь возглавляли именно они (неизвестно даже, откуда направлялся сам поход). Ещё в меньшей степени имеются основания предполагать, что после прихода Олега в Киев в городе одержала верх языческая «реакция» или что сравнительно лёгкий захват самого города оказался возможным потому, что князь-христианин (в данном случае речь идёт об одном Аскольде) был чужд большинству его населения⁶⁰. Некоторые историки, напротив, полагают, что Олег заключил какой-то договор («ряд») с местным славянским населением, с киевским вече (подобно тому как это сделал Рюрик на севере Руси), что обеспечило легитимность его власти⁶¹. В любом случае, совершенно неизвестна реакция киевлян на произошедшее — по-видимому, власть сменилась настолько быстро и внезапно, что горожанам оставалось лишь признать этот факт. Нельзя не заметить, что, решив расправиться прежде всего с князьями, Олег осуществил захват власти быстро и эффективно. Тем самым практически всё славянское Поднепровье оказывалось в его руках и прямой путь в Чёрное море, а следовательно, и в Византию был открыт.

Далее в Повести временных лет содержатся ещё два очень важных утверждения: «И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: “Да будет это мать городам русским” (“Се буди мати градомъ русьскимъ”). И были у него варяги, и словени, и прочие, прозваншиися русью». «Мать городов», как уже давно замечено, — это буквальный перевод греческого слова «митрополис», то есть метрополия, столица⁶². Олег объявляет Киев столицей, центром всей Руси. Таким образом, происходит символическое объединение севера и юга, объединение двух центров государственности — Новгорода, откуда пришёл Олег, и Киева, который он сделал столицей. Значение этого события принципиально: «Утверждение Олега в Киеве стало решающим шагом на пути государственного строительства в Восточной Европе»⁶³. Действительно, условный 882 год можно считать важной вехой в ранней истории Руси, наравне с не менее условным 862-м.

Впрочем, в словосочетании «мати градом» применительно к Киеву усматривают и библейские аллюзии. В византийском «Житии преподобного Василия Нового», известном составителю Повести временных лет, «матерью городов» именуется новый, небесный Иерусалим, город Иисуса Христа после Второго пришествия. Эти слова, бесспорно, восходят к Посланию апостола Павла к галатам (4: 26): «А вышний Иерусалим свободъ есть, иже есть мати всем нам». Таким образом, Киев мог пониматься как центр всего православного, богоспасаемого мира⁶⁴. Правда, весть об этом оказывается вложенной в уста князя-язычника, что заставляет усомниться в столь неочевидной интерпретации летописного текста⁶⁵. Вторая же фраза — о том, что варяги, словене и прочие прозвались русью — сопровождается в тексте Новгородской первой летописи показательным словом «оттоле», то есть «с этого времени». Иными словами, после объявления Киева стольным градом варяги, словене и прочие подвластные Олегу племена стали называться «русью»⁶⁶, то есть название княжеской дружины (преимущественно скандинавской по своему составу, о чём свидетельствует и русско-византийский договор 911 года) перешло на всех «подданных» Олега и стало собирательным наименованием для всего «народа»⁶⁷. Тем самым летописец фиксирует важный момент в истории и эволюции самого понятия «русь», приурочивая его расширительное, этнополитическое значение к деяниям Олега, прежде всего к захвату Киева и объявлению его столицей. В этом заключался

один из ответов на поставленный в самом начале Повести временных лет вопрос «откуда Русская земля стала есть», то есть как она создавалась и как стала называться Русью.

Русью отныне стало называться население среднего Поднепровья, включая киевских полян. По-видимому, эта ситуация нашла отражение в таком западноевропейском латиноязычном источнике, как «Баварский географ». Название этого источника условно, он представляет собой географический текст, озаглавленный «Описание городов и областей к северу от Дуная». Его текст, по-видимому, был написан в швабском монастыре Рейхенау (в верховьях Рейна), который был важным интеллектуальным центром тогдашней Европы. Баварский географ датируется второй половиной IX века (вероятно, после 870 года)⁶⁸. В нём перечисляются различные племена, более или менее отдалённые от Дуная, в большинстве своем славянские, и указывается количество «городов» в их землях (под городами следует понимать укрепленные поселения, причём порой эти числа, особенно для наиболее отдалённых племён, носят фантазийный характер). В самом перечне условно выделяют несколько частей, в одной из которых содержится упоминание области *Ruzzi*, то есть Руси. Русь помещена между такими названиями, как *Caziri*, то есть хазары, и некие *Forsderenliudi*. Существует предположение (встречающееся, впрочем, критику), что под вторыми можно понимать неких «лесных людей», то есть древлян⁶⁹. В этом случае этноним русы характеризует в Баварском географе ту русь, которая закрепилась на юге, в Киеве и дала своё название подвластным племенам.

Последующие деяния Олега связаны с устроением подчинённой территории: «Се же Олегъ нача города ставити, и устави дани словеномъ, кривичемъ и мери» («Тот Олег начал ставить города и установил дани словенам, и кривичам, и мери»)⁷⁰. Следовательно, Олег начал строить города (вероятно, укреплять старые поселения и основывать новые⁷¹), как необходимые опорные пункты для сбора дани и контроля над подвластными племенами и водными торговыми путями. Он также обложил данью (определив её размер) словен, кривичей и мерю, то есть те племена севера Руси, с которых и начиналась история его княжения. Это были те племена, которые призывали Рюрика — следовательно, Олег не утратил контроль над ними, уйдя на юг. Можно предположить, что он оставил на севере наместников («мужей») из числа своих родственников или приближённых.

Летопись показывает очень важный этап в государственном строительстве. В деяниях Рюрика практически нет упоминаний об основании городов и тем более обложении племён данью (или же такие сведения в предании о нём не сохранились). Если с северными племенами Рюрик действительно заключал «ряд», то есть договор, то очевидно, что это не были ещё полноценно даннические отношения. Олег же основывает свою власть не на договоре, а на прямом подчинении, главным выражением которого стала регулярная дань. Так племена севера Руси, на которые опирался Олег при захвате Киева (разумеется, главной его силой оставалась варяжская дружина), оказались в положении данников русского князя. Уже обращалось внимание и на то, что Олег «устави» дань, а не «възложи» её, как он делает это с покорёнными племенами — то есть происходит узаконение определённого порядка применительно к подданным, а не к завоёванным или вновь присоединённым племенам⁷². Этот важный нюанс летописной терминологии позволяет нам лучше понять суть совершённых князем действий.

Обложение данью было одним из важнейших признаков государственной власти, строительство же городов, вероятно, входило в «нормативный» круг деяний «образцового» князя. Тем не менее известие о городах не лишено реального исторического содержания. Мы уже видели, как оживилась в тот период жизнь в Гнёздове и Киеве. В конце IX века возникают и другие важные центры, среди которых первостепенную роль играют Тимерёво и Шестовица (это, естественно, современные названия археологических комплексов)⁷³.

Археологические памятники Ярославского Поволжья, самым известным и изученным из которых является Тимерёвский могильник, расположены неподалёку от современного Ярославля в районе Верхней Волги. Тимерёвское поселение находится на берегу реки Сечки, притока реки Которосли. Это был важный торгово-ремесленный центр на северном участке Волжского пути, что подтверждают и археологические находки, в том числе скандинавских и арабских вещей. Формирование поселения датируется как раз последней третью IX или рубежом IX—X веков⁷⁴. Шестовица представляет собой археологический комплекс, состоящий из поселения и курганного могильника, расположенный к югу от Чернигова в районе современного села с этим названием, в урочище Коровель на берегу реки Десны

(впадающей, как известно, в Днепр). Это было дружинное поселение с ярко выраженными скандинавскими чертами, возникшее в конце IX века⁷⁵, то есть после покорения Олегом племени северян. По-видимому, Шестовица представляла собой опорный пункт власти киевского князя на новоприсоединённой территории, контролировавший также определённый участок торговых путей.

Далее в летописи следует упоминание ещё об одной дани: «И устави варягомъ дань даяти от Новагорода гривень 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославе даяше варягомъ» («и установил варягам дань давать от Новгорода по 300 гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава»)⁷⁶. Для антинорманистского уха эта фраза представляет собой катастрофу — получалось, что Новгород платил дань скандинавам на протяжении полутора веков. Поэтому возникли предположения, что имелась в виду дань Новгорода киевскому князю, то есть самому Олегу, а более «правильные» чтения якобы сохранились в других летописях, значительно более поздних, чем Повесть временных лет (но опиравшихся на «весьма древние новгородские летописи»)⁷⁷. На самом же деле в тексте Повести имеется совершенно чёткое и однозначное указание на цель этой дани — «мира деля», то есть ради сохранения мира. Иными словами, Новгород платил варягам своеобразную дань, чтобы они не нападали на его земли. В такой практике ничего необычного нет. Другое дело, что летописец совершенно не раскрывает, каким именно варягам платилась такая дань, имеются ли в виду представители каких-то конунгов в самой Скандинавии, и если да, то каких именно (важно иметь в виду, что в конце IX века в Дании и Швеции, как и на Руси, только формировалась своя государственность, хотя «короли» там были и раньше). В любом случае, вряд ли можно сомневаться, что и это известие пришло в летопись из устных преданий об Олеге, бытовавших в варяжской среде на Руси. Однако указание на точный размер дани (возможно, преувеличенный) и на продолжительность выплаты вплоть до смерти Ярослава Мудрого (что было относительно недавним временем для составителя Повести временных лет) заставляет отнестись к этой информации как к вполне достоверной.

Закрепившись в Киеве, Олег подчинил несколько окрестных восточнославянских племён. Повесть временных лет разделяет рассказ о покорении трёх племён на три года — 883, 884 и 885 соответственно⁷⁸. Ясно, что эта

хронология чисто условна. В статье под 883 годом говорится: «Поча Олегъ воевати деревляны, и примучивъ а, имаше на них дань по черне куне» («Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по чёрной кунице»).

Под 884: «Иде Олегъ на северяне, и победи северяны, и възложи на нь дань легьку, и не дасть имъ козаромъ дани платити, рекъ: “Азь имъ противень, а вамъ не к чему”» («Пошёл Олег на северян, и победил северян, и возложил на них лёгкую дань, и не велел им платить дань хазарам, сказав: “Я враг их, и вам (им платить) незачем”»).

Под 885: «Посла къ радимичемъ, рька: “Кому дань даете?” Они же реща: “Козаромъ”. И рече имъ Олегъ: “Не дайте козаромъ, но мне дайте”. И въдаша Ольгови по щелягу, яко же и козаромъ даяху. И бе побладая Олегъ поляны, и деревляны, и северяны, и радимичи, а съ уличи и теверци имяше рать» («Послал (Олег) к радимичам, спрашивая: “Кому дань даёте?” Они же ответили: “Хазарам”. И сказал им Олег: “Не давайте хазарам, но платите мне”. И дали Олегу по щелягу, как и хазарам давали. И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал»).

Как показали исследования А. А. Горского, эта информация не является плодом некоей реконструкции летописца, а восходит к устным преданиям об Олеге⁷⁹, а значит, является вполне достоверной. Она подтверждается и независимыми источниками, а её устный характер отразился и в такой особенности, как прямая речь и диалоги Олега с племенами⁸⁰ (то же самое, кстати, относится и к преданию о захвате Киева, в котором приводятся слова Олега, обращённые к Аскольду и Диру). В летописном рассказе важны следующие детали: с древлянами Олег воюет и покоряет («примучивает») их, с северянами — воюет и побеждает их, а с радимичами решает дело мирным путём. Таким образом, летописец рисует три разные «степени» самого процесса подчинения: наиболее жёсткий (покорение, в случае с древлянами), средний (победа, в случае с северянами) и мягкий (мирное подчинение, в случае с радимичами). При этом рассказ строится от наиболее жёсткого к наиболее мягкому — как бы по «нисходящей». В этом, конечно, ещё один признак того, что предание бытовало в устной традиции. Однако можно ли на этом основании усомниться в достоверности самих этих процессов? Древляне вообще летописцем (трудившимся в киевском монастыре) отчётливо противопоставляются полянам (уже в самом начале, в

недатированной части, во «введении» Повести временных лет) — это противопоставление образует одну из важных конфликтных линий начальной летописи, линию, закончившуюся жестоким разгромом и окончательным подчинением древлян княгиней Ольгой. Поэтому стремление древлян к самостоятельности и напряжённость в отношении с киевскими князьями, по-видимому, отражали некое реальное положение вещей — именно поэтому они и оказались «примучены» Олегом. Радимичи, как показывают археологические находки, были «намного менее многочисленной группировкой, чем северяне, и, соответственно, должны были быть слабее в чисто военном отношении»⁸¹. Вероятно, они и не могли оказать какого-либо существенного сопротивления. Северяне же были более многочисленны и занимали очень важный для Поднепровья регион, контролируя существенное в торговом отношении Подесенье. Справиться с ними, очевидно, можно было только военным путём. Племенным центром северян был Чернигов, раннее городище которого (в пределах Детинца) и посад формируются с конца IX века⁸².

Примечательно определение дани, возложенной Олегом на подчинённые племена. Повесть временных лет в статье под 859 годом отмечает, что хазары «имаху (дань) на полянех, и на северех, и на вятичех, имаху по белеи веверице от дыма». Следовательно, поляне, северяне и вятичи находились в зоне хазарского контроля и вынуждены были платить дань. Полян от хазарской дани освободили ещё Аскольд и Дир, северян — Олег, а вятичи до эпохи Святослава Игоревича оставались вне влияния киевских князей. Кроме того, дань хазарам, как видим, платили и радимичи, которые также были освобождены от неё Олегом. Согласно известию 859 года, дань взималась «от дыма», то есть от домашнего хозяйства, от каждой семьи. Чем брали дань? На этот счёт в исторической науке высказывались разные точки зрения — как понимать само словосочетание в летописном тексте: «по беле и веверице» (то есть по серебряной монете и белке) или же «по белей веверице» (то есть по белой веверице, зимней белке). Явное противопоставление «белой веверицы» и «чёрной куны» (как и некоторые другие детали) вроде бы подтверждает второе толкование.

Другое дело, что в летописном известии под 964 годом сообщается, что и вятичи платили дань хазарам «по щялгу от рала» (ещё раз дань вятичей «с плуга», без указания, правда, её характера, упоминается в Повести временных

лет под 981 годом). Это вроде бы противоречит известию 859 года, но согласуется с типом дани, которую платили хазарам родственные вятичам радимичи согласно сообщению под 885 годом. О близком родстве вятичей и радимичей, чьи предки-эпонимы Радим и Вятко были братьями и происходили «от ляховъ», то есть поляков, сообщает в начальной своей части Повесть временных лет. Противоречие снимается, если предположить, что упоминание племён, плативших дань хазарам, было искусственно вставлено в то известие Начального свода, где говорилось о северных племенах — данниках варягов⁸³. Таким образом, в известии 859 года указание на дань белой веверицей от дыма (или от мужа, согласно тексту Новгородской первой летописи) относится, как можно думать, не к южным племенам Руси, а к северным. Хазарам же дань платили, скорее всего, по шелягу (во всяком случае радимичи и вятичи).

Название «шеляг» сближают обычно с названием польской монеты (от германского «шиллинг»), учитывая упомянутое «ляшское» происхождение этих племён⁸⁴. Поскольку дань польской монетой выглядит в данном случае неестественной, а вовлечённость радимичей и вятичей в товарно-денежные отношения в их монетном воплощении сомнительной, то и в указании летописца виделся скорее домысел или же условное выражение некоей суммы дани (по предположению историка Б. А. Романова). Между тем существует и иное толкование этого слова, сближающее его со словом «шэлэг» — «белый», «серебряный», — обозначающим арабский дирхем, который употреблялся в качестве монеты в Хазарском каганате⁸⁵. В этом случае сбор дани в эквиваленте дирхема, выполнявшего функцию своеобразной международной валюты для всей Восточной Европы в то время, для данников Хазарского каганата не кажется удивительным⁸⁶.

Как бы то ни было, на покорённых древлян Олег возлагает более тяжёлую дань — «чёрными куницами», которые были дороже «белой веверицы», то есть белки. На северян — «дань лёгку», по-видимому, меньшую, чем та, которую они платили хазарам. Дань радимичей осталась такой же, как и при хазарах («шеляг»). Соотношение более лёгкой дани северян и аналогичной хазарской дани радимичей объясняется следующим образом: земля северян располагалась на границе со степью, с землями Хазарского каганата, а радимичи располагались в глубине лесной зоны, в большем отдалении от хазар. Поэтому Олегу важно было расположить

к себе северян более лёгкой данью, а дань менее «опасных» в этом отношении радимичей осталась прежней⁸⁷. В заключении летописец вновь перечисляет племена, оказавшиеся подвластными Олегу в результате киевской «кампании» — поляне, древляне, северяне и радимичи, — и называет племена непокорённые, с которыми Олег воевал. Это уличи и тиверцы, жившие на землях между Днепром и Прутом.

В результате «при Олеге под властью киевского князя оказывается вытянутая более чем на тысячу километров с севера на юг территория. Управлять ею без наместников было физически невозможно»⁸⁸. Такие наместники киевского князя находились в Смоленске (Гнёздово), Любече и, по-видимому, в Новгороде, то есть вдоль Пути из варяг в греки. На землях подвластных племён для контроля путей и сбора дани возникали дружинные поселения, типа упомянутой ранее Шестовицы (летописные «города» Олега). Так формировалось Древнерусское государство.

Значительную роль в этих процессах, конечно, играли варяги. Вместе с Олегом в Киеве, по мнению историка Е. А. Мельниковой, впервые «появился постоянный и значительный контингент скандинавов», и эта общность, по её мысли, оказалась интегрированной в славянскую среду настолько, что «объективно коренным образом отличалась от походов викингов», проводя политику, преследовавшую цели «консолидации и укрепления восточнославянского государства»⁸⁹. Между тем, судя по летописным известиям, некое, условно говоря, «государственное строительство» осуществлялось на севере будущей Руси ещё при Рюрике, а скандинавский контингент появился в Киеве при Аскольде и Дире, если не раньше — достаточно вспомнить поход на Византию 860 года. Бесспорно, скандинавы интегрировались в местное восточнославянское общество, чему есть немало примеров. Однако необходимо учитывать и тот факт, что скандинавская элита в течение, по крайней мере, полувека после захвата Олегом Киева сохраняла не только своё ведущее положение в системе формировавшейся древнерусской государственности, но и, очевидно, определённое самовосприятие, о чём свидетельствует отразившийся в письменных источниках именован.

Поскольку северяне и радимичи находились в зоне хазарского влияния, Олег неизбежно должен был столкнуться с Хазарским каганатом, однако летопись ничего не говорит о каком-либо военном конфликте Руси и хазар (это только у Пушкина Олег воюет с «неразумными» хазарами —

кстати, почему неразумными?). Вероятно, дело в том, что каганат в это время не мог отвлекаться на борьбу с Олегом, будучи занят противостоянием с другими противниками⁹⁰. В 880-х годах в причерноморских степях активизировались печенеги, которые были противниками хазар, а позже, на рубеже IX—X веков, хазары с переменным успехом воевали с эмиром Дербента, вмешиваясь в события в Дагестане (впрочем, в них, по всей видимости, были вовлечены и русы, о чём пойдёт речь далее)⁹¹. Возможно даже, что Олег выступал союзником печенегов. Как бы то ни было, им, очевидно, было выбрано благоприятное время для вывода северян и радимичей из-под хазарской зависимости (вятичи сохранили по отношению к каганату свой даннический статус).

Но хазары всё-таки смогли отреагировать на действия варяжского князя. В последней трети IX века наблюдается заметный спад поступления арабского серебра (дирхемов) на Русь и в Скандинавию, что характеризуется даже как «первый большой кризис серебра в Восточной Европе»⁹². Поток монет возобновляется лишь в начале X века, но не через Хазарию, а через Волжскую Булгарию, в обход хазар. Таким образом, каганат попытался устроить своего рода экономическую «блокаду» Руси, прервав поступление арабского серебра и сократив торговлю⁹³. Возможно, с этим в какой-то степени могла быть связана и активность Олега в южном направлении — его стремление к Византии.

Ещё один любопытный момент, связанный со взаимоотношениями Олега с Хазарским каганатом, демонстрирует нам древняя эмблематика. Хорошо известны так называемые «знаки Рюриковичей» — лично-родовые знаки в виде трезубцев, широко распространённые в домонгольский период. Сохраняя общий схематичный образ — трезубец, эти знаки имели индивидуальные особенности для каждого князя, выполняя роль своеобразных тамг и как бы древних «гербов». Однако первоначально, до эпохи святого Владимира, эти знаки выглядели не как трезубцы, а как двузубцы, и долгое время сохранялись практически неизменными. Древнейшие изображения этих знаков на Руси обнаружены в виде граффити, то есть процарапанных знаков, на арабских дирхемах. Причём клады, в которых они были обнаружены, относятся к региону Среднего Поднепровья, а время их сокрытия датируется рубежом IX и X веков. Иными словами, граффити в виде знаков Рюриковичей были нанесены на монеты синхронно правлению Олега. Подобного

рода знаки известны и в Хазарском каганате, поэтому можно предполагать их хазарское происхождение. Возможно, закрепившийся в Киеве Олег титуловался «каганом» (хотя сведения о таком титуле древнерусских князей известны в более ранний период) и заимствовал знак, ставший символом киевского князя и его рода, из хазарской политической символики⁹⁴. Тем самым великий киевский князь явно позиционировал себя в качестве ведущего правителя Восточной Европы, а Русь — в качестве государства, не уступающего по своему значению и силе Хазарскому каганату. В притязаниях на наследие Хазарии в Восточной Европе усматривают также одну из причин избрания Олегом Киева в качестве своего стольного города⁹⁵.

Во времена Олега продолжается торговля руси со странами Западной Европы, первые документальные сведения о которой относятся ещё к началу 860-х годов. Это был большой трансконтинентальный путь, который связывал мусульманскую Испанию через юг Франции, Баварию, Дунай и, наконец, Русь с Востоком и Хазарским каганатом. О функционировании этого пути свидетельствуют различные источники, среди которых к эпохе Олега относится так называемый Раффельштеттенский таможенный устав (названный так по месту своего составления — Раффельштеттену, находившемуся на Дунае близ современного австрийского города Линц)⁹⁶. Этот документ определял таможенные правила на территории Баварской восточной марки и датируется временем 904—906 годов. Содержатся в нём сведения и о торговле с Русью: «Славяне же, отправляющиеся для торговли от руси (ругов) или от чехов (богемов), если расположатся для торговли в каком-либо месте на берегу Дуная или в каком-либо месте у реки Родль или в Ридмархе, с каждого вьюка воска [вносят] две меры, стоимостью в один скот (скоти) каждая, с груза одного носильщика — одну меру той же стоимости; если же пожелают продать рабов или лошадей, за каждую рабыню [пошлина] — одна тремисса, столько же — за жеребца, за раба — одна сайга, столько же за кобылу»⁹⁷. Река Родль впадает в Дунай южнее Влтавы, Ридмарха — область на северном берегу Дуная к востоку от реки Родль; именно там находились «стоянки» купцов. Скот, тремисса и сайга — местные денежные единицы.

Как видно, славянские купцы торговали воском, рабами и лошадьми, что в целом соответствует тому, что известно о торговле Руси в ту эпоху (лошадей покупали у степняков-

печенегов). Можно проследить путь, которым приходили русские купцы на Дунай — он шёл, по-видимому, через Польшу и Прагу, в то время как в более ранние времена — непосредственно по Дунаю с востока. Перемена маршрута была вызвана, скорее всего, появлением в Подунавье воинственных венгров, в результате чего на рубеже IX—X веков русским купцам пришлось двигаться севернее — через червенское пограничье с польскими землями и далее через Прагу, откуда приходили и чешские торговцы⁹⁸. В целом сухопутный торговый путь в Западную Европу исследовавший его историк А. В. Назаренко справедливо называет путём «из немец в хазары». Этот факт показывает, насколько широкими и разнообразными были торговые связи зарождавшегося Древнерусского государства. Киев в этом отношении являлся центром этих путей, и неудивительно, что Олег именно его сделал своей столицей (как много позже, но менее удачно киевский князь Святослав пытался сделать центром своих владений город Переяславец на Дунае).

Глава третья
КОНСТАНТИНОПОЛЬ

*А. П. Бородин. Симфония № 2
«Богатырская». Первая часть*

Следующий этап деяний Олега был связан с Византийской империей и Константинополем. Подчинив себе важнейшие пути Восточной Европы, он не мог не обратиться к главному городу тогдашнего мира, чьи богатства притягивали внимание викингов, называвших Константинополь Миклагардом, буквально «Великим городом». Грандиозный, судя по летописному описанию, поход Олега на Константинополь, датированный в Повести временных лет 907 годом и завершившийся заключением первого мирного договора Руси с Византией — бесспорно, самое яркое и масштабное из его деяний. Тем удивительнее, что об этом событии молчат византийские источники, в том числе и хроникального типа. Такая ситуация заставляет даже некоторых авторов вовсе отрицать достоверность похода, приписывая его исключительно искусственной реконструкции летописцев¹. Однако с этим мнением невозможно согласиться — само по себе умолчание не может быть решающим аргументом (тем более что для византийцев этот поход мог не казаться столь уж существенным событием, как для руси). Заключённый в 911 году договор как раз, напротив, может свидетельствовать в пользу реальности похода, а рассказ об этом событии, помещённый в летопись, явно относится к тому же кругу устной традиции, что и другие предания об Олеге. Детали описания похода выглядят вполне реалистичными, а умолчание византийских источников не столь тотально, как кажется на первый взгляд. Но обо всём по порядку.

В Новгородской первой летописи, в которой гипотетически отразился так называемый Начальный свод, информация о походе датирована 922 годом, и это описание следует после рассказа о неудачном походе Игоря на греков,

датированном двумя годами ранее, то есть 920 годом. Однако эта последовательность событий (как и их хронология) заведомо неверна. Составитель Повести временных лет при реконструкции событий воспользовался как византийскими источниками о походе Игора в 941 году, так и подлинными текстами русско-византийских договоров 911 и 944 годов. Это позволило ему выстроить более достоверную картину произошедшего, хотя определённая переключка в известиях о двух походах — 907 и 941 годов — сохранилась.

Предшествовавший походу Олега набег руси на Константинополь произошёл, как уже говорилось, в 860 году. Почти полвека Византия не подвергалась русским нападениям и поддерживала с русами торговые и дипломатические контакты лишь в весьма ограниченном объёме. Поход Олега, безусловно, был прорывным моментом в этом отношении. Он, по сути, закрепил функционирование Пути из варяг в греки как одной из основных торговых магистралей Восточной Европы.

Между тем в византийских источниках есть некое туманное упоминание о каких-то, возможно, военных связях Руси с Византией за несколько лет до летописной даты похода — 907 года. Присмотримся к нему повнимательнее. Речь идёт о византийской хронике Псевдо-Симеона — одной из больших хроник, охватывающих события всемирной истории. Она была составлена вскоре после 962 года на основе одной из редакций предшествующей хроники Симеона Логофета² или хроники Продолжателя Феофана и является компиляцией различных трудов³. Хроника Симеона Логофета, начинающаяся от Адама, была доведена до 948 года и приписана известному писателю и государственному деятелю Симеону, достигшему одного из высших византийских титулов магистра и должности логофета дрома — чиновника, отвечавшего за почтовое ведомство и дипломатические отношения империи⁴. Хроника же Продолжателя Феофана действительно продолжала «Хронографию» Феофана Исповедника и охватывала период с 813 по 961 год — её написание началось в период правления императора Константина Багрянородного, то есть в середине X века⁵. Иными словами, тексты этих хроник тесно связаны между собой, но интересующее нас известие содержится только в хронике Псевдо-Симеона.

Оно находится в составе рассказа о нападении на Византию арабского флота, которым командовал некий Лев Триполийский (Триполит), уроженец Византии, в своё

время попавший в плен к арабам и принявший ислам (его прозвище происходит от названия ливанского города Триполи). Нападение произошло в начале лета 904 года; несмотря на то, что арабский флот прошёл Геллеспонт и оказался в Мраморном море, обстоятельства заставили Льва повернуть назад. Вдгонку за ним двинулся византийский флот, но сражение не состоялось. Напротив, арабы отправились к городу Фессалоники, 31 июля осадили его, а затем захватили и разграбили. Эти события отразились в византийских хрониках, повествование в которых, по учёному обычаю того времени, перемежалось информацией об этимологии (зачастую «наивной») тех или иных относящихся к делу названий и имён. Так, в хронике Продолжателя Феофана попутно говорится о происхождении названий Геллеспонт, Эгейское море, Самофракия и т. д.

В хронике Псевдо-Симеона о самих этих событиях рассказано кратко, зато этимологическая часть включает большее число объяснений названий и имён, причём часть из них явно не имеет отношения к нападению арабского флота. «В 18-й год его (правления императора Льва VI. — *Е. П.*) двинулся против Города флот агарян вместе с Триполитом. Триполиты же названы так из-за того...» — далее идёт большее число названий и имён, как относящихся к войне с арабами, так и нет. После чего хронист возвращается к изложению событий: «И вот посылает василевс против него друнгария флота Евстафия с наличным флотом и стратиотами...»⁶ При этом связного и подробного повествования (в отличие от хроники Продолжателя Феофана) здесь нет, и даже многочисленные названия, об этимологии которых говорится, никак не привязаны к конкретным событиям. Иными словами, эта вставка возникла в результате сокращения текста того источника, которым пользовался хронист, но почему он вместе с этим сократил и сам рассказ, остаётся неясным. Среди этих этимологий есть целый комплекс объяснений названий, вовсе не относящихся к походу Льва Триполита. Среди них упомянуты Иерон Эвксинский, византийский порт на берегу Босфора в Черноморском устье, где взимались пошлины с проплывавших судов, Фаросский маяк, расположенный у входа в Босфор со стороны Чёрного моря, а затем «росы», которые называются также «дромитами». О них говорится так:

«Росы, или ещё дромиты, получили своё имя от некоего могущественного Роса после того, как им удалось избежать последствий того, что предсказывали о них оракулы, благо-

даря какому-то предостережению или божественному озарению того, кто господствовал над ними. Дромитами они назывались потому, что могли быстро двигаться (бегать)»⁷.

Или: «Рос, нарекаемые также и Дромиты, названы так от распространения какого-то сильного отклика “рос” тех, которые приняли прорицание согласно некоему совету или же по божественному воодушевлению и стали распорядителями этого народа»⁸.

Или же: «А росы, носящие также имя дромитов, прозвались в честь некоего могучего Роса, распространившись отголосками того, что было предсказано по наставлению или некоему божественному гласу и превзошло их. Дромиты они оттого, что им свойственно быстро передвигаться; происходят же они от рода франков»⁹.

Такая разница в интерпретациях текста возникла от того, что сам текст в этом месте не очень ясен, отсюда и сложность перевода. Итак, можно думать, что этимология пошла по простому пути — название росов происходит от имени некоего Роса, с которым связаны какие-то предсказания, которых кому-то удалось избежать. Название «дромиты» не вполне ясно, его этимология от слова «дромос» (бег), конечно, также представляет собой «народный», «наивный» вариант. Дромонами, то есть «бегунами», называли скоростные византийские корабли. Возможно, и прозвище росов могло быть как-то связано с их судами. Это прозвание известно и по другим хроникам — в хронике Продолжателя Феофана росы, «коих именуют также дромитами, происходят же они из племени франков», упоминаются при рассказе о походе князя Игоря на Византию в 941 году¹⁰. Упомянутые перед росами Иерон и Фарос были неизбежными пунктами, с которыми сталкивались древнерусские корабли в походах на Константинополь (так было и во время того же похода Игоря).

Неожиданное упоминание росов в тексте хроники Псевдо-Симеона требовало объяснения. Высказывались разные предположения. Например, возникла мысль о том, что названия из хроники Псевдо-Симеона, не относящиеся к топографии войны с Львом Триполийским, на самом деле отражают какое-то иное событие, связанное с русами. В источнике, которым пользовался составитель хроники, это событие было описано, но по каким-то причинам составитель не включил это описание в свой текст, сохранив лишь соответствующие объяснения названий. С другой стороны, Продолжатель Феофана вовсе выпустил эти со-

бытия из рассказа о 904 годе, сосредоточив всё внимание на походе арабского флота. Почему ни в одной из хроник событие, связанное с русами, не нашло никакого отражения, сохранившись только в виде туманного этимологического экскурса, остаётся неясным. Тем не менее за этимологиями попытались разглядеть реальный контекст. Этот контекст мог быть только одним — коли в хронике Псевдо-Симеона упоминаются разные географические названия и само название «росы», логично предположить, что имелось в виду некое нападение русов на Византию. Благо этому соответствуют и некоторые «обязательные» для такого набега пункты, упомянутые в хронике (прежде всего Иерон и Фарос).

Но о каком набеге могла идти речь? Высказывались разные версии. Набег связывался с походом Владимира 988 года, отмечалась и аналогия с походом Игоря 941 года (на мой взгляд, наиболее яркая, учитывая соответствующие пассажи о росах-дромитах в рассказах византийских хроник об этом походе). Наконец, одна из гипотез говорила о походе русов в том же самом 904 году, когда произошло нападение арабского флота. Якобы русы удачно воспользовались моментом, когда морские силы империи были отвлечены на флот Льва Триполийского, и внезапно совершили набег на Константинополь, окончившийся для них неудачно. При этом название «дромиты» связывалось с наименованием длинного полуострова Тендра в устье Днепра, который с древности назывался «Ахиллов бег» (*Dromos Achilleos*). Таким образом, напавшие на Константинополь росы оказывались не русью Олега, а русами, жившими в устье Днепра и на побережье Чёрного моря — славяно-варяжской вольницей, на свой страх и риск решившей попытать счастья у стен византийской столицы¹¹. Между тем важной фигурой в интерпретациях текста Псевдо-Симеона выступает некий Рос, который (если, конечно, понимать его как личность) каким-то образом связан с предсказаниями, оракулами и «божественным» озарением. В этом Росе нередко видели отражение образа Вещего Олега.

Иная версия прямо связывает события 904 года с походом Олега на Византию¹². Согласно ей, в хронике Псевдо-Симеона нашёл отражение именно тот поход Олега, который описан в Повести временных лет и датирован там 907 годом. Эта дата признаётся условной (во всяком случае, она действительно не имеет каких-либо независимых подтверждений, что отмечалось исследователями¹³), а по-

ход руси после 904 года — затруднительным. Дело в том, что в том году Византия заключила мир с Болгарией, а поход Олега, если он собирался быть внезапным, должен был сопровождаться какой-то помощью с болгарской стороны (если не в пропуске сухопутных войск, то, по крайней мере, в снабжении припасами во время прохода флота вдоль побережья). Аргумент существенный, однако, не безусловный. Опираясь на упомянутые Псевдо-Симеоном названия, можно даже реконструировать ход военных действий, описание которого, судя по порядку этих названий в тексте, велось с византийской стороны (в последовательности Иерон — Фарос — росы)¹⁴. Преимущество этой гипотезы, конечно же, в том, что снимается вопрос об умолчании византийскими хронистами о походе 907 года — он всё-таки отразился в византийском историописании, но лишь в виде «остаточных» сведений топографического и этнонимического характера.

Однако неясное место у Псевдо-Симеона вряд ли может служить основанием для далеко идущих выводов. Во-первых, умозрительным остаётся заключение о том, что поход руси на греков был невозможен после византийско-болгарского мира 904 года. Нет никаких данных о том, каким именно образом двигалось на Константинополь войско Олега и какова была его численность (летописным данным о количестве кораблей вряд ли стоит безоговорочно доверять). Во-вторых, абсолютно гипотетично представление о том, что за схолиями Псевдо-Симеона, то есть перечислением и объяснением разных названий, обязательно должно стоять какое-то связное повествование — напротив, в самом тексте все эти этимологические штудии выглядят, скорее, некоей вставкой, нежели результатом сокращения. Если принять второй вариант, остаётся совершенно непонятным, почему и Продолжатель Феофана, и Псевдо-Симеон пренебрегли рассказом о походе руси, оставив от него лишь (в случае Псевдо-Симеона) этимологические рассуждения. Упомянутые же Псевдо-Симеоном названия (по крайней мере, некоторые из них, особенно близкие по месту к упоминанию росов-дромитов) указывают скорее на поход Игоря 941 года, отражённый и у Продолжателя Феофана, и у Псевдо-Симеона (в своём месте)¹⁵.

Учёные обратили внимание и на тот факт, что перечень названий, подобный тому, который приурочен у Псевдо-Симеона к 904 году, появляется в той же хронике ещё раз — но только в самом начале, тогда, когда говорится о време-

нах эллинизма и о наследниках Александра Македонского (напомню, что эта хроника была всемирной)¹⁶. Тут уж его появление никак невозможно связать с реальными событиями. Но восходит ли этот перечень (который значительно полнее и охватывает названия и западного Средиземноморья) к последующему, сказать сложно. Скорее, оба перечня опираются на какой-то географический источник, имевшийся у хрониста, и тот «пользовался им каждый раз, когда ему надо было затронуть географическую или топографическую тему. Этим и объясняется то обстоятельство, посему всякий раз, когда заходит речь о народе Рос, он употребляет стереотипно одни и те же фразы»¹⁷. Следовательно, вряд ли можно усматривать в списке этимологий отражение конкретных реальных событий. Во всяком случае, ничего, кроме объяснения названия росов-дромитов, в сообщении Псевдо-Симеона не содержится. Всё остальное — лишь результат более или менее последовательной реконструкции.

Но если оставаться на позиции датировки похода Олега 907 годом, то что нам может быть достоверно известно о нём? Тут мы снова сталкиваемся с устной традицией и с реконструкциями самого летописца. Рассказ о походе в Повести временных лет начинается так: «Пошёл Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и словен, и чуди, и словен, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи (“яже суть толковины”): этих всех называли греки “Великая Скифь” (“си вси звахуться от грекъ Великая Скуфь”). И с этими всеми пошёл Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом 2000»¹⁸.

Итак, если принять на веру информацию летописи, можно решить, что войско Олега было колоссальным и включало в себя представителей почти всех восточнославянских и финно-угорских племён Руси, в том числе тех, с которыми, как с тиверцами, Олег воевал. Однако детальный анализ этого перечня показывает, что в него были включены племена, которые в начале X века ещё не были подчинены киевскими князьями. Более того, сам перечень обнаруживает следы соединения нескольких перечислений племён из разных мест летописного текста — из вводной, недатированной части, из известий о варяжской дани, которую платили племена на севере, и о захвате Олегом Киева. Таким образом, доверять этому перечислению нет оснований и, скорее всего, оно является не показателем мощи

войска Олега, а конструкцией самого летописца, желавшего подчеркнуть масштабный характер похода¹⁹. Правда, порядок перечисления племён в известии 907 года не вполне соответствует их порядку в статьях-«источниках». Так что работа летописца в данном случае (если она действительно имела место) не была чисто механической.

Тем не менее греческое наименование «Великая Скифь» встречается во вводной части Повести временных лет, где говорится о расселении славянских племён. Так там названы уличи и тиверцы, жившие по Днестру «до самого моря»²⁰. В перечне же войска Олега это название как бы отнесено ко всем подвластным Олегу племенам, что, конечно, выглядит преувеличением. Не вполне ясно и слово «толковины». Оно встречается также в «Слове о полку Игореве» («поганные толковины»), но о его значении в науке бытуют разные версии²¹. Одна из самых распространённых интерпретаций — «переводчики», что до некоторой степени согласуется с расселением тиверцев до Чёрного моря. Они действительно могли выступать переводчиками, толмачами при общении с греками²².

С другой стороны, высказывалась версия, что само название «тиверцы» имеет не славянское, а тюркское происхождение, от тюркского корня со значением «говорить», и, следовательно, перед нами как бы буквальное объяснение этнонима²³. Тот же тюркский корень отразился и в слове «толмач», которое, вероятно, послужило основой для имени одного из печенежских племён — Талмат (Вороталмат). Это название в качестве одной из печенежских «фем» (военно-административного подразделения) приводит в середине X века в своём труде «Об управлении Империей» Константин Багрянородный (территория этой «фемы» находилась на левобережье Днепра)²⁴. Существует и иное предположение: слово «толковины» означает «союзники»²⁵. Информацию об уличах и тиверцах летописец мог перенести из вводной части Повести временных лет, но, зная, что Олег воевал с ними, а также то, что уличи были покорены Игорем (об этом есть информация в Новгородской первой летописи, отразившей гипотетический Начальный свод), «он поставил в текст только тиверцев, пояснив, что они были “толковинами” (союзниками), т. е. выступили в поход не по причине подчинения Олегу»²⁶.

Здесь, впрочем, вновь возникают сложности. Почему, зная о войнах Олега с уличами и тиверцами, летописец всё-таки оставил одно из этих названий в своём перечне? Чтобы

добиться представления об участии в походе максимально большего числа племён? Но, зная о подчинении уличей при Игоре (если он действительно об этом знал), почему он всё же не упомянул их, хотя назвал тех же вятичей, покорённых (а уж об этом он знал точно) Святославом? Почему, зная о подчинении уличей Игорем из Начального свода, он не включил эти сведения в саму Повесть временных лет? Наконец, интерпретация «толковинов» как союзников — лишь одна из интерпретаций и явно не самая обоснованная. Поэтому хотя всё это перечисление и выглядит несколько искусственным, летописец, возможно, работал над ним, приспособив к тем сведениям, которые могли содержаться в устных преданиях об Олеге — во всяком случае, это была отнюдь не механическая компиляция (о чём говорит и своеобразный порядок самих названий при их перечислении). Поэтому вопрос о составе войска Олега в походе 907 года следует оставить открытым.

Олег двинулся на греков «на конях и в кораблях». Эту фразу можно понимать по-разному. Например, что войско Олега состояло из двух частей — сухопутной конницы и флота. Если Олег шёл не только по морю, но и по суше, то он должен был пройти по болгарскому побережью (о плавании росов в Константинополь именно вдоль побережья Болгарии однозначно свидетельствует в середине X века в трактате «Об управлении Империей» Константин Багрянородный²⁷), а значит, как-то договориться о проходе конницы с болгарским царём Симеоном. Болгария, как уже говорилось, с 904 года находилась с Византией в мирных отношениях, а потому такой проход, если мы опираемся на летописную датировку похода, маловероятен, хотя и не невозможен абсолютно. По словам византиниста М. В. Левченко, после заключения договора между Византией и Болгарией, «хотя мир официально не нарушался в течение 20 лет, Болгария продолжала оставаться для империи враждебной и грозной силой, использовавшей каждый благоприятный момент для расширения своей территории и создания новых затруднений византийскому правительству»²⁸.

Можно понимать летописный текст по-иному: Олег шёл на конях до черноморского побережья, спуская корабли по Днепру²⁹, а затем всё войско село на корабли (или же конница только защищала корабли вдоль Днепра). В причерноморских степях в этот период уже появились печенеги, но летописцы ничего не сообщают о столкновениях Олега с ними. Возможно, отношения Олега с печенегами

были союзническими, поскольку у них были общие враги — Византия и хазары. В любом случае сплав судов по Днепру при подготовке к такому походу не мог происходить без всякого «сопровождения». По всей видимости, фразу «на конях» действительно следует отнести к начальному этапу похода. Обращает внимание и сам строй этого фрагмента — «и съ сими со всеми поиде Олегъ на конех и на кораблех», — возможно, опять-таки отражающий устную традицию. Сложно сказать, насколько реальным выглядит упомянутое в летописи количество кораблей — две тысячи. Вообще летописные упоминания чисел, особенно при описании военных событий, как уже неоднократно отмечалось исследователями, носят скорее условный характер. Упоминание двух тысяч кораблей, по-видимому, служило целью показать грандиозный масштаб всей кампании и явно пришло в летопись из устной традиции. В «Начальном своде» (Новгородская первая летопись) число кораблей упоминается только в известии о византийской дани после похода, и оно равняется ста или двумстам кораблям³⁰. В Повести же временных лет число кораблей увеличено, по меньшей мере, в десять раз. Поэтому в реальности, по-видимому, кораблей у Олега было на порядок меньше, хотя, разумеется, их точное число неопределимо.

Несмотря на византийско-болгарский мир, время для похода на Константинополь (если оставаться в рамках традиционной летописной датировки) было выбрано удачно. Это период напряжённых отношений между Византией и Арабским халифатом. «К тому же осенью 906 г. византийский полководец Андроник восстал против императора, а в феврале—марте 907 г. он перешёл на сторону арабов. В самой империи велась активная подготовка к грандиозной морской экспедиции против арабов». Всё это заставляет думать, что поход был подготовлен весьма тщательно, с использованием сведений разведки³¹ (столь же удачно было выбрано время и для самого первого похода руси на Византию — в 860 году). Ясно, что он должен был состояться в начале лета, когда море спокойнее всего (в такое же время проходили и походы 860 и 941 годов).

Несмотря на то, что летописная дата похода не находит никаких подтверждений в иных источниках, однако она была каким-то образом вычислена составителем Повести временных лет. Если признать её абсолютно произвольной, необходимо объяснить, почему летописец приурочил поход именно к 907 году, если у него имелся реальный текст мир-

ного договора Олега с греками, датированный сентябрём 911 года. Хронологической соотнесённости с аналогичными походом и договором Игоря (поход — в 941 году, а договор — в 944-м) здесь не наблюдается — в обоих случаях походы и приуроченные к ним договоры отстоят друг от друга на разное число лет. Иными словами, остаётся открытым вопрос, почему летописец не приурочил поход к лету того же 911 года, которым датирован и текст договора, или не отнёс его к 908, 909 или 910 годам. Поэтому включение составителем Повести временных лет похода в летопись под 907 годом «отнюдь не является произвольным»³².

«И прииде къ Царюграду; и греци замкоша Суд, а град затвориша» («И пришёл к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили»). Под Судом в данном случае обычно подразумевается залив Золотой Рог, который образует бухту, отделяющую Константинополь с севера от его предместья Галаты³³. При входе в бухту находилась массивная цепь длиной 700 метров, протягивавшаяся между двумя башнями на берегах и при своём подъёме преграждавшая кораблям вход в эту гавань³⁴. Хотя возможно и иное толкование — Судом мог называться и сам Босфорский пролив, вход в который также мог преграждаться цепью³⁵. Как бы то ни было, корабли Олега встретили на своём пути непреодолимое препятствие.

«И выиде Олегъ на брегъ, и воевати нача, и многа убийства сотвори около града грекомъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имаху пленники, овехъ посекаху, другиа же мучаху, иные же растреляху, а другия в море вметаху, и ина много зла творяху русь грекомъ, елико же ратнии творять» («И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги»)³⁶. Описание этой кровавой бани на самом деле, как выяснилось, к походу Олега прямого отношения не имеет. Летописцы опирались на византийские источники (прежде всего, на хронику Продолжателя Георгия Амартола, одну из хроник, восходящих к хронике Симеона Логофета), где подобного рода зверства приписаны русскому войску Игоря во время его похода на греков в 941 году³⁷. В Начальном своде (Новгородская Первая летопись) большая часть этих зверств отнесена к походу Игоря, а к походу Олега отно-

сится только фраза: «И вылезь Олегъ, и повеле извълещи корабля на брегъ, и повоева около града, и много убиство створиша Грекомъ, и разбиша многы полаты и церкви»³⁸. В Повести же временных лет этот рассказ дополнен частью зверств воинства Игоря. Сложно сказать, насколько сильно Олег разорил окрестности города; в любом случае ему нужно было как-то закрепиться на суше, чтобы осуществить свой следующий, поистине легендарный манёвр.

Эпизод, ставший одной из «визитных карточек» киевского князя, описан в Повести временных лет так: «И повеле Олегъ воемъ своимъ колеса изделати и воставляти на колеса корабля. И бывшу покосну ветру, въспяша парусы съ поля, и идяше къ граду» («И повелел Олег своим войнам сделать колёса и поставить на колёса корабли. И когда подул попутный ветер, подняли они в поле паруса и пошли к городу»)³⁹. То есть Олег, столкнувшись с невозможностью входа в бухту (по традиционной версии отождествления Суда с Золотым Рогом), перетащил корабли на сушу, с помощью колёс и попутного ветра добрался до бухты по земле и, спустив суда на воду, оказался у стен византийской столицы. Могло ли такое иметь место в действительности? Исследователи неоднократно отмечали следы некоего фольклорного мотива в этом повествовании. Так скандинависты усматривали параллель этому эпизоду в одном из известий уже упоминавшегося Саксона Грамматика о конунге Рагнаре Лодброке⁴⁰.

Этот сюжет в биографии Рагнара относится к тем же самым взаимоотношениям с мифическими правителями Геллеспонта (связанными родством с «королём рутенов», то есть Руси), что и сюжет о пленении сына Рагнара врагами под видом торговцев, о котором шла речь выше. Таким образом, мотивы, отдалённо напоминающие историю Олега, соединены в сочинении Саксона единой сюжетной канвой и отнесены к мифическим землям на востоке. Рагнар воюет с сыновьями убитого им короля Геллеспонта Диана — Дианом и Даксоном, женатыми на дочерях «короля рутенов», который послал им на помощь армию. «Увидев их бесчисленное войско, Регнер засомневался, хватит ли [его собственных] сил [для того, чтобы одолеть противника], и приказал установить либо на колёса, либо на повозки бронзовых коней и [во время сражения] изо всех сил вкатывать их в самую гущу вражеских войск. Они столь успешно опрокидывали вражеский строй, что казалось, будто бы эти машины, чья неудержимая масса сокрушала всё, что сто-

яло у неё на пути, приблизили победу даже сильнее, чем само войско. Один из предводителей геллеспонтцев погиб, другой обратился в бегство, а всё их войско было разгромлено. В этом побоище, как говорят, были разбиты также и скифы, с которыми Даксон через свою мать был связан самыми тесными узами родства. Их страна была отдана Видсерку (сыну Рагнара. — *Е. П.*). Неуверенный в своих силах король рутенов, испугавшись войска Регнера, поспешил отступить»⁴¹. Под «бронзовыми конями» у Саксона подразумевались, как можно думать, корабли⁴². Тем самым Рагнар разбил вражеское войско на суше с помощью судов, поставленных на колёса и на повозки. Выдающийся скандинавист Е. А. Рыздзевская полагала, что рассказ о Рагнаре, зафиксированный у Саксона Грамматика, сформировался на основании древнерусского предания об Олеге, которое было принесено варягами из Руси в Скандинавию⁴³. Причём это, по-видимому, не единственный такой случай (про легенду о смерти Олега я скажу позднее). Вполне вероятно, конечно, что легенда, отразившаяся в летописном рассказе, первична по отношению к более позднему мифологическому историописанию Саксона.

Следует, впрочем, иметь в виду, что сам образ корабля на колёсах (идущего также под парусами) зафиксирован в разных мифологических традициях и имеет культовое значение. Возможно, он был связан с ритуалами плодородия и символизировал солнце⁴⁴. Такие корабли использовались в карнавальных шествиях в Западной Европе вплоть до Нового времени. Показательна картина голландского художника XVII века Хендрика Герритса Пота «Колесница Флоры» (около 1637 года, Музей Франса Халса в Харлеме), где изображён корабль на колёсах, идущий под парусом, в котором сидят Флора и люди, увенчанные тюльпанами, а за кораблём бежит толпа ремесленников, побросавших свою работу. Корабль движется к морю, где показана его дальнейшая участь — он тонет. Эта аллегория высмеивает тюльпаноманию, болезненный спекулятивный ажиотаж, охвативший Голландию во второй половине 1630-х годов. Цветочное «плодородие» оборачивается крахом.

Однако корабли на колёсах были и вполне реальным военным приёмом, использовавшимся с античных времён. Римский автор Секст Юлий Фронтин в своём произведении «Стратегемы» («Военные хитрости»), написанном в 80-х годах нашей эры, приводит многочисленные примеры тех или иных военных приёмов, среди которых в разделе V

первой книги — «Как выбраться из самых трудных позиций» — есть и такой: «Лакедемонянин Лисандр со всем своим флотом был осаждён в афинской гавани. Сняв корабли неприятеля в том месте, где море вливается по очень узкой горловине, он приказал солдатам тайно выйти на берег и, подложив катки, перевёл корабли в ближайший порт Мунихию»⁴⁵. Мунихия — восточная гавань Пирея, где стояла крепость, а Лисандр — спартанский полководец, воевавший с Афинами в конце V века до нашей эры. Даже если Фронтин не совсем точно излагает события, историчность самой этой уловки вряд ли подлежит сомнению. Кстати, в тексте Фронтинина с этим примером соседствует и другой, не менее интересный с точки зрения истории эпохи викингов: «Консул Г. Дуеллий оказался запертым протянутой при входе цепью в Сиракузской гавани, куда он неосторожно заехал. Тогда он перевёл всех солдат на корму, а гребцы изо всех сил стали гнать наклонившиеся суда: облегченные носовые части прошли над цепью. Когда эта часть прошла, солдаты, перейдя на другую сторону, надавили на носовую часть, и под их тяжестью корабли соскользнули поверх цепи». Точно так же прорвался через цепь Золотого Рога спустя тысячу лет норвежский конунг Харальд Суровый (Хардрада), бежавший из Константинополя в начале 1040-х годов⁴⁶ (потом он стал мужем одной из дочерей Ярослава Мудрого, Елизаветы).

Сами викинги тоже пользовались приёмом перетаскивания судов по суше. В средневековой латиноязычной хронике Регинона Прюмского, написанной на рубеже IX—X веков, рассказывается о войнах франкских правителей с норманнами и, в частности, об осаде Парижа в 888 году. Хронист отмечает, что норманны «сделали удивительное дело и неслыханное, не только в наши времена, но даже и в самые древние. Убедившись, что нельзя взять город силою, они начали употреблять все хитрости, чтобы, оставив город в стороне, перевести флот и всё войско в Сену выше Парижа, и потом по реке Ионне, без всякого препятствия, вторгнуться в бургундские страны. Но так как жители города не допускали подняться вверх по реке, то норманны вытащили корабли на берег, проволокли их шагов 2000 по суше, и, избегнув таким образом опасности, снова спустили их в реку; после краткого плавания они оставили Сену, поспешно вошли в Ионну и расположились при г. Сеноне. Там они разбили свой лагерь, осаждая город шесть месяцев, и опустошили Бургундию огнём и мечом»⁴⁷.

Так с помощью волока норманны решили военную задачу. События 888 года — это как раз время первых древнерусских князей-варягов, в том числе Олега. Такая аналогия прямо показывает, что все возможности для осуществления своего константинопольского рейда по суше у Олега были.

Подобного рода манёвры осуществлялись и позднее. Византийская принцесса Анна Комнина в своём произведении «Алексиада», написанном в 1130—1140-х годах и посвящённом истории царствования её отца, императора Алексея I Комнина, свидетельствует, что этот государь в 1097 году во время осады крестоносцами и византийцами находившейся в руках сельджуков Никеи, «зная прочность стен Никеи, считал, что латиняне не смогут овладеть городом. Когда же он узнал, что султан по прилегающему к Никее озеру легко доставляет туда большие военные силы и всевозможное продовольствие, он решил овладеть озером. Построив такие челны, какие могли держаться на воде озера, он доставил их на повозках и спустил на воду у Киоса. На челны же он погрузил вооружённых воинов»⁴⁸. Здесь, впрочем, речь идёт не о волоке, а о судах, которые перевозятся на повозках, так что эта аналогия приблизительная.

Зато именно волоком воспользовался при осаде Константинополя турецкий султан Мехмед II в 1453 году, повторив, по сути дела, манёвр Олега. Причём его корабли были при этом оснащены парусами и точно так же использовали силу попутного ветра⁴⁹. Таким образом, суда оказались всё в том же заливе Золотой Рог. Высказывалась, однако, и иная версия пути Олега. Согласно традиционным представлениям, суда руси были перетащены по земле севернее константинопольского предместья Галата, расположенного на северном берегу Золотого Рога. Таким образом они оказывались как бы замкнутыми в бухте, ведь выход из бухты в Босфор преграждала та самая цепь, в обход которой и был совершён манёвр. Поход Мехмеда II состоялся в иных условиях, чем поход Олега — это была длительная и масштабная операция, целью которой было взятие города. Олег же сильно рисковал, оказавшись со своим флотом фактически запертым в бухте. Опираясь на эти соображения и на розу ветров Босфора, исследователь М. Ф. Мурьянов предположил, что Олег двинулся на Константинополь с юго-запада, то есть со стороны Мраморного моря. Поставив суда на колёса, он уже не спускал их снова на воду, а прямо подошёл к стене Феодосия, защищавшей город с европейской стороны (там же находятся и парадные Зо-

лотые ворота). Впрочем, сделав определённые расчёты, учёный отказал в достоверности сообщениям о попутном ветре, который в любом случае не мог двигать суда руси⁵⁰. Но эти наблюдения не вполне обоснованы. Для того чтобы подойти к городу с юго-западной стороны, Олегу пришлось бы проплыть весь Босфор и часть Мраморного моря непосредственно у стен Константинополя. Кроме того, абсурдным выглядит перетаскивание судов по суше к стенам города — из летописного рассказа вполне очевидно следует, что Олег перетащил суда, чтобы снова спустить их на воду, приблизившись к городу. И как бы ни выглядело странным дальнейшее «запирание» судов в бухте, эффект внезапности и неожиданности, по-видимому, и был тем, на что рассчитывал князь.

Если даже корабли не шли под парусами, у Олега имелся опыт их перетаскивания волоком — достаточно сказать, что пройти по Пути из варяг в греки на участке от Ловати до Днепра можно было только таким способом. Совершенно ясно, что, двигаясь из Новгорода на юг с относительно крупными силами, Олегу пришлось преодолеть этот водораздел именно таким способом⁵¹. Поэтому для варягов перетаскивание судов по суше не было экстраординарным делом и неудивительно, что Олег воспользовался этим способом, когда подойти к городу по воде сразу оказалось невозможным. Для греков же, незнакомых с этим способом (видимо, античные стратагемы уже забылись), это стало настоящим потрясением.

Византийцы, однако, не были бы византийцами, если бы не попытались каким-то образом устранить вражеского предводителя. «Греки же, увидев это (корабли на колёсах. — *Е. П.*), испугались и сказали, послав к Олегу: “Не губи города, дадим тебе дань, какую захочешь”. И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки, и сказали: “Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас Богом”. И приказал Олег дать дани на 2000 кораблей: по 12 гривен на человека, а было в каждом корабле по 40 мужей»⁵². И так, византийцы попытались отравить князя, но Олег разгадал их замысел, проявив свой ум и хитрость — ещё одна деталь в общую копилку фундамента его «вещего» образа. О том, что он был прозван «вещим», говорится в заключительной фразе всего летописного известия о походе на Царьград, а следовательно, и в качестве итога всего предания об этом событии. Ясно, что Олег получил прозвище за свой ум, в

том числе и за предвидение своей возможной гибели от отравленных вина и еды (впрочем, в следующей легенде — о гибели Олега — эта «вещь» оказывается недейственной).

Показательно, что язычник Олег сопоставляется христианами-византийцами со святым Дмитрием Солунским. Одним из важнейших чудес Дмитрия (соответствующие сказания о них сложились в VII веке) считалось спасение им Фессалоники (Салоник, Солуни) от нашествий славян и аваров (в 615 и 618 годах)⁵³. Возможно, на соотнесение Олега с Дмитрием Солунским повлияло то, что Дмитрий, как и Олег, являлся воином и изображался всегда в воинских доспехах и вооружённым. Олег, подобно Дмитрию Солунскому, выступает в качестве орудия Божьего гнева, обрушившегося на греков⁵⁴.

Можно упомянуть и ещё один аспект в соотнесённости Олега со святым Дмитрием Солунским. Сопоставление возникает после того, как Олег разгадывает замысел византийцев отравить его — такое под силу только святому; однако упомянутые в летописном тексте «брашно и вино», равно как и имя святого, позволили исследовательнице Яне Малингуди предложить следующее объяснение. Не имелась ли на самом деле в виду античная богиня Деметра — покровительница плодов и земледелия? Её имя могло находиться в греческом тексте новости, сопровождавшей заключение мирного договора (использование этого документа летописцем при реконструкции событий 907 года вполне вероятно), в качестве некоего объяснения начала переговоров. В этом случае славянский переводчик или же сам летописец могли интерпретировать имя богини как имя святого Димитрия⁵⁵. Мысль интересная, хотя и недоказуемая (тем более что сопоставление Олега с женским божеством выглядит сомнительно).

Наконец, на сопоставление Олега с Дмитрием Солунским мог повлиять тот факт, что к северу от константинопольских стен, на европейском берегу Босфора стояла церковь Святого Димитрия (бывший византийский квартал Анаплюс) — с её стороны как раз и подошёл к городу флот русов. Южнее был расположен монастырь Святого Маманта («Мамы»), в квартале которого, по-видимому, останавливались русские купцы, приезжавшие в Константинополь по условиям договоров Олега и Игоря. Таким образом, значимые пункты, связанные с походами русов и их активностью, располагались один за другим к северу от городских стен — по водному пути из Чёрного моря. Приход

Олега с севера топографически соответствовал расположению церкви Святого Димитрия, гнев которого покарал тем самым в образе Олега греков.

Сообщение о дани, безусловно, имеет некую реальную основу, хотя её размер летописцем явно преувеличен. Несложно подсчитать, что таким образом дань составляла 960 тысяч гривен серебра, что равнялось, по мнению исследователей, 8 тысячам пудов⁵⁶ (более 130 тонн) — совершенно фантастическая цифра. Поэтому если считать реальной цифру в 12 гривен на человека, то необходимо учитывать и количество кораблей русов, которое было, скорее всего, на порядок меньше. Число же гребцов в 40 человек для одного корабля следует считать вполне реальным⁵⁷ (по условиям мира, заключённого в 907 году, дань давалась по 12 гривен «на ключину»). Примечательно, что подобного рода «дани» воспринимались византийской стороной совсем иначе. По наблюдениям видного историка М. В. Бибикова, «византийцы были уверены в том, что всё на земле, в том числе и в государственной и международной сферах, не говоря уже о человеческом индивидууме, будь он ремесленник или эмир или вождь соседней страны, — имеет свою цену. С другой стороны, лояльность по отношению к Империи — такая же вещь, тоже стоящая немалых и определённых расходов. В соответствии с этим, даже очевидные выплаты, вырванные у Византии оружием в виде дани, рассматривались как благодетельные дарения василевса, одаривающего партнёра в обмен на его определённые обязанности»⁵⁸. Нет сомнения, что именно в этом ключе и воспринималась дань руси в Константинополе.

«Цари же Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и присягали друг другу: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили присягать по рускому закону, и клялись те своим оружием и Перуном, своим богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир»⁵⁹. В Византии в это время царствовали императоры Лев VI Мудрый (умерший в мае 912 года) и его брат и соправитель Александр⁶⁰. С ними-то Олег и заключил мир. Присяга осуществлялась и по христианскому обряду, и по языческому. В летописном тексте упоминается некий «русский закон» (в историографии закрепилось наименование «закон Русский», в соответствии с текстом договора Олега с греками 911 года), в связи с чем возникло представление о некоем неписаном своде юридических норм языческого времени — своего рода древнерусском «обычном праве», из

которого потом выросло последующее законодательство, прежде всего Русская Правда. Положения этого «закона» с опорой на конкретные статьи договора 911 года реконструируются исследователями⁶¹. Между тем слово «закон» именно в контексте летописного сообщения 907 года не обязательно могло означать юридическую норму — речь могла идти о законе как о вероисповедании — византийцы целуют крест (то есть клянутся по христианскому закону), а Олега и его воинов ведут к присяге по русскому (языческому) закону. Хотя, разумеется, это не отменяет существование в тогдашней Руси правовых обычаев.

Важным фактом, отмеченным летописью, является языческая клятва воинов Олега — оружием, Перуном и Волосом. При этом летописец считает необходимым пояснить, что Волос — это бог скота. Функции Перуна не объясняются: вероятно, современники летописца знали их достаточно хорошо. Точно такая же ситуация и в договоре Святослава с византийцами, заключённом в 971 году (там в самом тексте договора упомянуты Перун и Волос — «скотий бог»). В договоре Игоря 944 года упоминается только Перун. Клятва же оружием присутствует при заключении всех мирных договоров с греками. Такая клятва была широко распространена и у степных народов, и на Северном Кавказе, и у скандинавов⁶². Суть её заключалась в том, что нарушивший клятву должен погибнуть от своего же оружия. В качестве такового для русов выступали, прежде всего, мечи, копья и стрелы. Скандинавские параллели ясно показывают викингские истоки соответствующего ритуала варягов-русов.

С оружием и воинским делом был связан и Перун, считавшийся главным божеством языческого древнерусского пантеона (во всяком случае, в том виде, как он представлен в Повести временных лет в рассказе об идолах, установленных Владимиром Святославичем). Перун, безусловно, выполнял функции «дружинного» бога («и клялись те своим оружием и Перуном, своим богом»⁶³), выступая, как бог-громовержец, аналогом скандинавского бога Тора. Неоднократно отмечался тот факт, что варяжская дружина Олега, в основе своей скандинавская, приносила клятву не Тором, а именно Перуном и Волосом — богами местных древнерусских племён. По-видимому, сходство образов и функций с Тором позволило варягам принять Перуна в качестве и своего божества. Во всяком случае, варяжская русь сравнительно быстро вошла в местный религиозный кон-

текст, хотя культ Тора среди варягов на Руси продолжал сохраняться, о чём свидетельствуют археологические находки (подвески в виде молоточков Тора, граффити на дирхемах, наконец, сами фигурки этого божества)⁶⁴.

Образ второго бога, которым клянётся русская сторона, Волоса, более сложен для понимания. Была высказана гипотеза об отражении в образах славянских Перуна и Волоса (Велеса) так называемого «основного мифа» индоевропейцев о борьбе громовержца со змеем, небесного бога с хтоническим божеством, мифа, в котором нашли воплощение дуальные структуры и архетипические культурные оппозиции (верх — низ, добро — зло и т. д.)⁶⁵. Эта оппозиция «Перун — Волос» требует, тем не менее, объяснения их совместного упоминания в ритуале древнерусской клятвы: каким образом проходило в данном случае это разграничение, почему необходимо было клясться обоими богами и притом только ими?

Высказывались разные предположения⁶⁶. Среди них, например, противопоставление Перуна как бога людей Волосу как богу скота (что, впрочем, не объясняет, почему нужно было клясться последним). Высказывалось мнение о том, что Волос — именно неваряжский бог: его связывали как с финно-уграми⁶⁷, так и с балканскими славянами⁶⁸. Одна из гипотез, восходящая к трудам Е. В. Аничкова, соотносит Перуна с княжеской дружиной, а Волоса — со всей остальной Русью, при этом культ Перуна может быть приурочен к крупным административным центрам, а Волоса — к северу восточнославянской территории⁶⁹.

В развитие этой идеи Волос соотносился с новгородскими словенами, жителями севера Руси, в то время как культ Перуна охватывал южные земли, в том числе Киев (именно поэтому Волос не упомянут в договоре 944 года, в известии о котором описывается клятва Игоря и его дружины в Киеве, а не в Константинополе)⁷⁰. В. Я. Петрухин связывает с этой дихотомией даже миниатюру Радзивилловской летописи XV века, сопровождающую текст об утверждении мира 907 года. На ней в правой части изображён стоящий на колонне идол (так художник изобразил Перуна), к которому подходит человек в красном одеянии до пят и шапке, а за ним стоит воин в более короткой одежде, с копьём и без головного убора. У ног воина извивается змея. По мнению учёного, «вероятно, на миниатюре отражено противопоставление словен и руси, клянущихся Волосом и Перуном. Место змеи у ног левого простоволосого пер-

сонажа (“словенина”) соответствует реконструируемой позиции “противника” громовержца: на миниатюре змея — внизу и слева, идол — вверху и справа»⁷¹. Тем не менее миниатюра относится к концу XV века и отражает скорее представления художников того (или немногим более раннего) времени о языческих божествах (Перун, к примеру, изображен в виде античной статуи), нежели историческое противопоставление варягов-руси и словен (если оно вообще подразумевается в сообщении о клятвах). Кроме того, змея, пририсованная позднее, могла быть связана и с последующей легендой о смерти Олега⁷², хотя изображённый воин с копьём — явно не Олег, который стоит перед идолом Перуна⁷³. Следует также иметь в виду, что среди лиц, заключавших мир с греками при Олеге, славянских имён нет вообще⁷⁴. Поэтому, если словене и клялись особым образом (Волосом), то представляли их при заключении мира всё равно варяги-русь.

Наконец, следует отметить ещё одну версию. Дело в том, что слово «скот» в древнерусском языке имело несколько значений, и, помимо привычного для нас (домашние животные), оно также могло означать «имущество», «богатство», «деньги». Это заимствование от древнескандинавского слова *skatt*⁷⁵. Таким образом Волос мог выступать в качестве бога богатства и также быть связанным со скандинавским влиянием, соотносясь со схожим по функциям богом Фрейром. Клятва богом войны Перуном, с одной стороны, и богом богатства Волосом — с другой, выглядит абсолютно естественной для варягов, в среде которых существовал (как и во всей Скандинавии эпохи викингов) культ богатства как материального воплощения удачи, залога успеха и благополучия. Богатство это воплощалось, прежде всего, в драгоценных металлах, особенно в золоте.

Сакральное отношение к золоту проявляется и при заключении договоров 944 и 971 годов. По тексту договора 944 года некрещёная русь кладёт на землю свои щиты, обнажённые мечи, «обруччє свое» и прочее оружие. В «обруччєх» видят золотые шейные гривны, хотя это и неочевидно⁷⁶. При описании же клятвенного ритуала, совершённого в 944 году, русы «покладоша оружье свое, и щиты, и золото» на холм, где стоял идол Перуна⁷⁷. В договоре 971 года угроза клятвопреступления со стороны русов сопровождается словами: «И да будемь золоти, яко золото, и своимь оружьемь да исечени будемь» (не очень ясное место в начале фразы, которое переводится как «и да будем желты, как

золото», то есть, по-видимому, заболеем смертельной болезнью и умрём⁷⁸).

Это показывает, что кроме клятвы оружием осуществлялась также и клятва золотом (то есть собственной удачей и благополучием), а Волос вполне мог в данном контексте восприниматься как бог богатства⁷⁹. Тем самым возникала определённая дихотомия: «Перун — оружие, Волос — золото»⁸⁰ (однако высказывалось и мнение, что в клятвах зафиксированы разные элементы — религиозный (проклятие богов) и магический (заклятие предметами или магическими формулами) — не сопоставленные между собой в виде какого бы то ни было параллелизма⁸¹).

Правда, и при такой интерпретации возникают сложности. Ведь золото при заключении договора 944 года клалось на киевский холм к идолу Перуна (киевский идол Волоса в летописных текстах не упоминается). Впрочем, этот факт может свидетельствовать и о реконструкции самого ритуала клятвы, описанного летописцем. В этом случае автор Повести временных лет опирался непосредственно на текст договора, в котором упоминаются только Перун и «обручи», соотносимые с золотом. Поскольку Волос в договоре не был упомянут, то и в сюжетном «обрамлении» заключения договора он отсутствует⁸².

В то же время о дуализме (противопоставлении) руси и словен ясно говорится в следующем, после описания заключения мира, пассаже Повести временных лет: «И сказал Олег: “Сшейте для руси паруса из паволок, а словенем копринные”. — и было так. ... И подняла русь паруса из паволок, а словене копринные, и разодрал их ветер; и сказали словени: “Возьмём свои толстины, не даны словенем паруса из паволок”»⁸³. Русь — это княжеская дружина, словене же — федераты-«данники» («пактиоты росов», по терминологии императора Константина Багрянородного)⁸⁴. Смысл эпизода в том, что словене, занимавшие подчинённое положение, оказываются недостойными парусов из дорогих тканей, которые может использовать только варяжская русь. Паволоки — это дорогие шёлковые ткани (они были одним из военных трофеев Олега в этой кампании и высоко ценились в международной торговле), копринные — также сделанные из шёлка, но, по-видимому, худшего качества (о конкретном значении этих терминов высказывались различные догадки), а толстины — грубые, толстые ткани из льна. Этот эпизод соотносится с установлением Олегом дани, которую должны были выплачивать новгородцы ва-

рягам. В любом случае варяжская дружина занимала в военных действиях князя ведущее положение⁸⁵.

Паруса из дорогих тканей упоминаются в сагах как пример и символ богатой добычи, захваченной конунгом. Так, норвежец Олав Трюггвасон, живший на Руси (в Гардах) при дворе князя Владимира Святославича (конунга Вальдамара), «после одной великой победы повернул домой в Гарды; они плыли тогда с такой большой пышностью и великолепно, что у них были паруса на их кораблях из драгоценных материй, и такими же были и их шатры. А из этого можно сделать заключение о том богатстве, которое он приобрёл в результате тех подвигов, которые он совершил»⁸⁶. Так что и эта деталь отвечает общему кругу скандинавских представлений, зафиксированных в устной традиции эпохи викингов. Интересно, что в самом летописном тексте слова словен могут точно отражать устный источник: «Имемся своим толстинам, не даны суть словеном пре паволочиты», на что указывает слово «пре», то есть «паруса»⁸⁷. В то же время, как в собственно тексте летописца, употребляется более привычное слово «парус». Эта особенность подтверждает, что слова, вложенные летописцем в уста словен, могли являться своего рода древнерусской поговоркой.

Ещё один известный эпизод константинопольской «одиссеи» Олега связан со «щитом на вратах Царьграда». «И повеси щит свой въ вратех, показуа победу, и поиде от Царьграда» («И повесил щит свой на вратах в знак победы, и пошёл от Царьграда»)⁸⁸. Олег повесил свой щит на воротах города (на каких, точно не указано, поэтому необязательно полагать, что подразумевались парадные Золотые ворота), демонстрируя свою победу. Существовал ли подобный обычай? Е. А. Рыздзевская указала на некоторые аналоги, подтверждающие существование этого мотива со времён глубокой древности, и обратила внимание на скандинавские параллели⁸⁹. Одна из них, наиболее близкая по времени, содержится в «Саге об Олаве Трюггвасоне» в составе свода саг «Круг Земной», созданном Снорри Стурлусоном в первой половине XIII века. Здесь речь идёт о необыкновенной ловкости и силе этого конунга: «Олав конунг был самым сноровистым из людей, о которых в Норвегии рассказывают. Он был необычайно силён и ловок, и многие рассказы об этом записаны. В одном из них говорится, что он влез на Смальсархорн и укрепил свой щит на вершине этой скалы. Рассказывают также, как он помог одному из своих дружинников, который влез на ту скалу и не мог ни

взобраться выше, ни спуститься вниз. Конунг поднялся к нему и, обхватив его рукой, спустился с ним вниз на землю»⁹⁰. Олав забирается на высокую норвежскую гору и в знак этого (по сути, своей победы) укрепляет там свой щит. Когда же его дружинник пытается повторить этот подвиг, у него ничего не получается, и Олав спасает его. Параллель, конечно, неточна, поскольку этот мотив в саге никак не связан с военными действиями. Однако он показывает возможность существования подобного обычая в скандинавской среде⁹¹.

Было высказано и предположение о том, что под щитом Олега подразумевалась якобы некая доска (возможно, золотая), на которую был нанесён текст мирного договора с греками⁹². Но эта версия совершенно неубедительна по нескольким причинам. Во-первых, её автор исходит из априорного утверждения о том, что слово «щит» в древнерусском языке могло употребляться в значении «доска», что само по себе сомнительно (таковых примеров нет, а ссылки на позднее, метафорическое употребление этого слова в таком смысле не спасают). Во-вторых, нет оснований считать, что сразу же после заключения мира с византийцами в 907 году был заключён какой-либо письменный договор (об этом ниже). Тем более странно предполагать, что текст такого договора (даже если бы он существовал), написанный совершенно очевидно по-гречески, мог иметь какое-либо практическое значение для Олега и его руси.

Ещё менее убедительно сопоставление щита Олега со щитами воинов, повешенными на стены Тира в библейской Книге пророка Иезекииля: «Перс и Лидиянин и Ливиец находились в войске твоём и были у тебя ратниками, вешали на тебе щит и шлем; они придавали тебе величие» (27:10). И далее: «Сыны Арвада с собственным твоим войском стояли кругом на стенах твоих, и Гамадимы были на башнях твоих; кругом по стенам твоим они вешали колчаны свои; они довершали красу твою» (27:11). Не говоря уже о том, что щиты в этом тексте — лишь один из предметов вооружения, и вешались они не на ворота (по-видимому, в знак защиты города⁹³, если только это не было обычным явлением, когда воины вешают своё вооружение в мирное время, соотнесённое с образом города в целом), сопоставление на основании одного, вырванного из контекста слова не кажется убедительным⁹⁴. Тем более нет никаких оснований интерпретировать вывешивание Олегом щита на

воротах Царьграда (реальное или мифическое) в качестве знака того, что князь завоевал город. Летописный текст не оставляет сомнений в том, что это — знак победы, как понимал это сам составитель Повести временных лет (и как, возможно, считалось и в её устном источнике). Хотя город и не был захвачен, но Олег, бесспорно, мог считать себя победителем, принудив византийцев к миру и получив богатый выкуп.

Интересная гипотеза относительно Олегова щита связывает его символическое водружение с народной этимологией родового прозвания скандинавской династии Скьёльдунгов, где исходный компонент мог пониматься в значении «щит» (*skjold*). Поскольку с большой вероятностью возможно происхождение из рода Скьёльдунгов Рюрика (которого можно отождествлять с конунгом Рориком Ютландским), а Олег назван в летописи «родичем» Рюрика, то он мог также принадлежать к этой династии. Такая интерпретация символического смысла Олегова щита сомнительна, но вполне возможна⁹⁵.

Добыча Олега, судя по летописному сообщению, была действительно большой: «И приде Олегъ к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье». Золото, ткани (паволоки), вина и плоды упоминаются в качестве предметов византийской торговли и в известии Повести временных лет под 969 годом. Упоминания о них вложены летописцем в уста князя Святослава Игоревича, рассуждающего о преимуществах Дунайского региона и захваченного им города Переяславца. Эти перечисления, по всей видимости, отражают реальность — золото и дорогие ткани были любимыми трофеями викингов, судя по скандинавским сагам. Олег действовал вполне в традиционном русле норманнской военной активности своего времени.

Весь летописный рассказ о походе на Константинополь заканчивается как бы итоговой фразой: «И прозваша Олга — вещей: бяху бо людие погани и невеигласи» («И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещёнными»)⁹⁶. Основанием для этого послужили военная хитрость Олега (корабли на колёсах), позволившая добиться главного результата похода, и разгадка коварного замысла греков (отказ от отравленных еды и питья). Эта заключительная фраза ясно обнаруживает устный источник всего повествования о царьградской кампании в виде предания, бытовавшего в дружинной среде. Но поход 907 года сопровождался, судя по летописи, ещё одной, очень важ-

ной деталью, а именно установлением предварительных условий мирного договора.

Вообще подлинный текст мирного договора Олега с Византией включён в Повесть временных лет в статью 6420 года, а поскольку эта датировка сентябрьская, то этот год соответствует промежутку с 1 сентября 911 года по 31 августа 912 года. Действительно, текст договора содержит точную дату его заключения — 2 сентября 6420-го, то есть 911 года. Но в статье 907 года также говорится об условиях некоего мирного договора. Мир был заключён в Константинополе, и летопись перечисляет имена Олеговых послов — Карла, Фарлафа⁹⁷, Вермуда, Рулава и Стемида. Те же имена перечислены и в преамбуле договора 911 года — это первый, третий, четвёртый, пятый и пятнадцатый (последний) послы от руси. Цари, с которыми заключает мир Олег — это Лев и Александр, договор же 911 года составлен при императорах Льве, Александре и Константине, что точно соответствует политической ситуации в Византии именно в этот момент (что понятно, поскольку текст договора — подлинный, переведённый с греческого языка). Константин (а это известный император Константин VII Багрянородный) был венчан своим отцом Львом VI на царство ещё младенцем 9 июня 911 года или даже 15 мая 908 года (он родился в 905-м), став тем самым третьим императором⁹⁸.

В 907 году Олег берёт дань по 12 гривен на уключину, а затем приказывает «даяти уклады на руския грады: первое на Киевъ, та же на Чернигов, на Переяславль, на Полтескъ, на Ростов, на Любеч и на прочаа города; по тем бо городомъ седяху велиции князи, под Олгом суще». Перечислены Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и упомянуты «другие города», «ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу». Далее в летописном тексте приводятся две договорные статьи о послах и о купцах. Выглядят они следующим образом: «Когда приходят русы, пусть берут содержание для послов, сколько хотят; а если придут купцы, пусть берут месячное на 6 месяцев: хлеб, вино, мясо, рыбу и плоды. И пусть устраивают им баню — сколько захотят. Когда же русы отправятся домой, пусть берут у царя на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что и нужно». Это требование сформулировано как бы от лица Олега.

Ответ греков был таков: «И обязались греки, и сказали цари и все бояре: “Если русы явятся не для торговли, то пусть не берут месячное; пусть запретит великий князь

указом своим приходящим сюда русам творить бесчинства в сёлах и в стране нашей. Приходящие сюда русы пусть живут у церкви святого Маманта, и пришлют к ним от нашего царства, и перепишут имена их, тогда возьмут полагающееся им месячное, — сперва те, кто пришли из Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из других городов. И пусть входят в город только через одни ворота в сопровождении царского мужа, без оружия, по 50 человек, и торгуют, сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов»⁹⁹. Иными словами, речь идёт о беспошлинной торговле, но строго регламентированной в смысле прихода, контроля и размещения русских купцов. Особенно подчёркиваются безоружность русов и требование защитить византийцев от их возможных «бесчинств». Таким образом эти тексты выстроены в летописном повествовании в форме некоего диалога. Олег выдвигает определённые требования, византийцы соглашаются, но уточняют условия, оговаривая свои предложения. Уже это свидетельствует о том, что за летописным текстом стоит некий реальный документ, отражающий сам процесс переговоров.

Между тем текст, аналогичный второму пассажи («ответу» греков), приводится также в начальной части договора с греками 944 года. А в тексте договора 911 года есть заголовок статьи «О взимающих куплю руси» («О русских торгующих»¹⁰⁰), который является пустым, и далее следует другая статья. Этот факт позволил исследователям предполагать, что фрагменты, помещённые в статье 907 года, на самом деле взяты из пропущенной в договоре 911 года статьи о купцах-русах. Правда, в общем тексте договора 911 года эта статья находится не в начальной части договора (как в договоре 944 года), а в конечной, будучи предпоследней. Содержание же статей договора 911 года касается конкретных вопросов взаимоотношений русов и греков в Византии: наказания за определённые преступления (убийство, грабёж и т. д.), случаев кораблекрушения, отношения к пленным, найма русов на военную императорскую службу. Иными словами, эти статьи носят более частный характер, нежели те общие договорённости, которые зафиксированы в статье 907 года. Это дало возможность М. В. Левченко заметить, что «под 907 г. летописцем записаны основные статьи, регулирующие русско-византийские торговые отношения, а в договоре 911 г. идут статьи разнообразного содержания, которые мы могли бы назвать дополнительными»¹⁰¹. С этим мнением можно согласиться.

Однако ещё такой крупный источниковед, как А. А. Шахматов обосновывал гипотезу об искусственном характере «договора» 907 года. Якобы летописец сконструировал условия мирного соглашения на основе договорных статей 911 года. Он перенёс два фрагмента (заметим, неравноценных по своему содержанию), механически вычленив их из текста договора 911 года и оставив пустой заголовок. Из того же договора взял имена послов Олега, сократив их список. Из тех же договорных статей заимствовал названия древнерусских городов, упомянув их в начале, перед самими вычлененными статьями, как те города, для которых должна была выплачиваться дань¹⁰². Между тем далеко не все учёные согласились с этим выводом. В итоге возобладали две версии. Согласно одной, «договор» 907 года является искусственной реконструкцией событий, осуществлённой составителем Повести временных лет (по сути, «попавшим не на своё место фрагментом договора 911 г.»), согласно другой, этот договор был предварительным (возможно, даже устным) соглашением, за которым последовало заключение более детального договора в 911 году¹⁰³.

Рассмотрим подробнее летописное сообщение о договоре 907 года. Имена пяти послов, заключавших мир от имени Олега, действительно повторяются в преамбуле договора 911 года. Но это отнюдь не механическое соответствие. Как уже упоминалось, это первый, третий, четвёртый, пятый и последний из послов 911 года. Почему, если летописец искусственно «skonструировал» сведения о послах 907 года, опираясь на этот перечень, он оставил именно пять имён и взял имена не подряд, а вразнобой? Не означает ли это, что за именами послов 907 года стояла какая-то документально зафиксированная реальность (ясно, что в устной традиции такие подробности не могли сохраниться)? Второй момент — в тексте статей, помещённых под 907 годом, упоминаются в качестве древнерусских городов Киев, Чернигов и Переяславль. А в летописном рассказе перед этими статьями — те же Киев, Чернигов, Переяславль, а кроме того, Полоцк, Ростов, Любеч и «другие города». Те же три города — Киев, Чернигов и Переяславль — обозначены в качестве городов, из которых приходят в Византию купцы-русы и в договоре Игоря 944 года. Здесь возникает закономерный вопрос о достоверности этой информации — ведь, согласно той же Повести временных лет, Переяславль был основан при Владимире Святославиче только в 992 году («Володимерь же радъ бывъ, заложи городъ на броне томъ,

и нарече и Переяславль»). Однако наличие двух вариантов перечня городов в статье 907 года противоречит предположению об искусственности «краткого» перечня. В самом деле, «если бы и упоминание городов в договорах 907 и 944 гг., и перечень городов — получателей “укладов” — были вставками, сделанными летописцем, они, вероятно, совпали бы, т. е. либо в текстах договоров назывались бы после Киева, Чернигова и Переяславля Полоцк, Ростов и Любеч, либо во фрагменте об “укладах” были названы, как и в договорах, только три первых города»¹⁰⁴. Следовательно, скорее всего, перед нами документально зафиксированные фрагменты подлинных договорных текстов.

Упоминание Переяславля в первой половине X века может объясняться по-разному. Или на месте Переяславля до того, как город был «заложен» Владимиром (это слово может означать не только собственно основание, но и «обновление» города, обнесение его крепостными стенами), уже существовало некое поселение (хотя археология вроде бы противоречит этому предположению¹⁰⁵). Или Переяславль был построен Владимиром на новом месте, а старый город был к этому времени разрушен, например, печенегами¹⁰⁶ (подобного рода случаи были нередкими в древнерусской истории). Или же под Переяславлем в тексте договоров имелся в виду вообще какой-то другой город. Поскольку эти тексты представляют собой перевод с греческого языка, то в них могло содержаться упоминание о каком-то древнерусском городе, которое в обратном переводе было не распознано переводчиком (или летописцем) и отождествлено с Переяславлем¹⁰⁷. Возникает вопрос: почему летописец не обратил внимания на противоречивость собственного текста — упоминание Переяславля до того, как он был основан? Причина может заключаться только в чрезвычайно бережном отношении летописца к тексту договоров¹⁰⁸, что лишний раз свидетельствует в пользу подлинности «документальных» текстов, включённых в известие 907 года.

Упоминание в договорах прежде всего южных городов вполне отвечало реальным условиям навигации Древней Руси. Очевидно, что купеческие суда отправлялись в Константинополь несколькими «партиями» — «первыми в начале—середине мая отплывали ладьи, принадлежавшие князьям и боярам, правившим городами в бассейне Среднего Днепра (Киевом, Черниговом, Переяславлем, Вышгородом и др.), а месяцем позже отправлялись в путь ладьи из северных городов (Новгорода, Смоленска, Полоцка,

Ростова и др.), куда весна приходила на 3—4 недели позже. Соответственно первая прибывала в Константинополь в начале июня, а вторая (её путь до столицы империи был к тому же вдвое длиннее и труднее) в конце июля — начале августа»¹⁰⁹. Да и в квартале Святого Маманта, как полагают, не могли одновременно разместиться все русские купцы и послы. Но если в самих договорах упоминаются только южные города Руси — Киев, Чернигов и Переяславль (составившие собственно «Русскую землю» в узком смысле слова; именно такая ситуация сложилась на момент создания Повести временных лет), то в более «пространном» перечне городов, получивших византийскую дань, фигурируют также Полоцк, Ростов и Любеч. Это «продолжение» считается сомнительным, соединённым летописцем из упоминаний этих городов в предшествующем летописном тексте (статьи под 862 и 882 годами) и отвечающим его представлениям «о структуре подвластной русскому князю территории»¹¹⁰. Противоречивым кажется и упоминание Полоцка, ведь в той же Повести временных лет говорится о завоевании этого города Владимиром только в 980 году.

Однако мнение об искусственности перечисления городов наталкивается на другие вопросы. Полоцк и Ростов действительно называются в качестве городов, подчинённых Рюрику, в летописной статье 862 года. Но дальше там следуют Белоозеро и Муром, а их в тексте 907 года нет. Летописец мог взять название Любеча из рассказа о походе Олега на Киев (приуроченном к 882 году), но почему, в таком случае, он не взял оттуда же и название Смоленска? Чем определялся именно такой выбор? Полоцк же мог выйти из-под контроля киевского князя позже — то, что в нём в 980 году княжил Рогволод, не означает, что «местные» князья правили там и в предшествующее время. Детальная история Полоцка в IX—X веках нам неизвестна. Мне кажется, что, напротив, за упоминаниями конкретных древнерусских городов, получивших «греческую дань», стояли не менее конкретные указания источника, которым для летописца мог послужить какой-либо документ, отражавший ход мирных переговоров. Об этом же свидетельствуют и договорные условия — «статьи», представленные в летописном известии 907 года. Их документальный характер не вызывает сомнений. Более того, как уже отмечалось, они даже построены в форме некоего обсуждения условий мира — Олег выставляет свои требования, греки в ответ предлагают свои ограничения.

Всё это демонстрирует документальную основу информации о заключении мира в 907 году, которую летописец не мог получить из устных источников. Следовательно, возможно несколько вариантов. Летописец перенёс «статьи» договора 911 года в сообщение о мире 907 года, в результате чего в договоре остался пустой заголовок (версия А. А. Шахматова). Эти статьи (или две части одной статьи) могли также находиться на одном листе, каким-то образом отделённом от основного текста договора, в результате чего летописец расценил этот текст как особый договор, приурочив его к 907 году (версия М. Д. Присёлкова)¹¹¹. Наконец, нельзя исключить и иной вариант. Летописец при рассказе о заключении мира в 907 году пользовался каким-то документальным источником, в котором отражался ход переговоров, и в нём упоминались эти статьи (или статья), повторявшиеся также в договоре 911 года. Составитель Повести временных лет оставил этот текст в известии 907 года, но исключил его повторение (полное или частичное) из текста договора 911 года, в результате чего там остался лишь заголовок.

Но что же представляет собой сам договорный текст 911 года? Это текст, составленный от лица древнерусской стороны. Именно он должен был храниться в Константинополе и в переводе с греческого дошёл до нашего времени. Вообще не сохранилось международных договоров Византии того (или более раннего) времени, да и договоры руси с греками известны только потому, что их тексты вошли в Повесть временных лет. Тексты тех международных соглашений Византии, которые нам известны, относятся уже к более позднему времени. Это грамоты XI—XII веков, связанные со взаимоотношениями империи с итальянскими государствами — Пизой, Генуей и Венецией. Именно сопоставление с этими документами позволило понять, что же представляют собой русско-византийские договоры¹¹².

Само по себе заключение международного договора проходило несколько этапов и сопровождалось разными документами. Договор 911 года по своей форме представляет собой «заключительную грамоту», которая маркировала второй этап этого процесса. Исследовательница Я. Малингуди даже предприняла в ряде мест его обратный гипотетический перевод на греческий язык, который помог прояснить некоторые непонятные ранее выражения и пассажи. Этому второму этапу (выработке заключительного соглашения) предшествовал первый, сопровождавшийся

устной клятвой — в данном случае князя Олега со своими «мужами». Этот этап и зафиксирован, по всей видимости, в летописном сообщении под 907 годом. Можно думать, что его суть отражала «нотиция», текст которой также, по видимому, оказался известным летописцу. Отсюда он взял сведения о деталях заключённого соглашения, поместив их в летописную статью 907 года. Но это был не какой-то отдельный, самостоятельный договор, а первый этап того договорного процесса, который завершился составлением заключительных грамот в 911 году. «Иными словами, договор между князем Олегом и византийскими императорами был осуществлён в два этапа; в 907 г. имели место переговоры, включая подтверждение достигнутых соглашений под присягой, тогда как засвидетельствование текста договора задержалось во времени и произошло только в 911 г. Несмотря на то, что эти два акта процесса заключения договора были разделены четырьмя годами, договор приобрёл законную силу только через осуществление второго акта»¹¹³. Такой временной разрыв на самом деле не был для Византии чем-то экстраординарным.

Заключительная грамота была составлена в двух экземплярах для обеих сторон. Об этом ясно говорится в самом тексте договора — он был составлен на «двою харатью», то есть имел два пергаменных экземпляра (слово «харатья» означало пергамент и грамоту, написанную на нём). В тексте также говорится, что «миръ сотворихом Ивановым написанием», откуда возникли даже предположения о писце — некоем Иоанне. Но на самом деле оказалось, что это неправильно понятое древнерусским переводчиком слово «вечным», то есть «мир сотворили вечным, написанием на двою харатью»¹¹⁴. Первая «харатья» составлялась от византийской стороны, она была удостоверена Львом VI посредством знака креста в начале грамоты и тринитарной инвокации, то есть начального обращения к Троице (о чём сказано и в сохранившемся тексте русского противня). «Первая грамота, отправленная императорам к русам, содержала прежде всего материальные обязательства греческой стороны и включала как инсерт (вставку. — *Е. П.*) обязательство русов хранить мир. В её начале имелись крест и тринитарная инвокация. Отправителями второй грамоты были 15 русов-посланников, а её адресатом — император. Грамота содержала, в первую очередь, обязательство русов хранить мир, затем — в качестве инсерта — следовали материальные обязательства греков вместе с заявлением о

засвидетельствовании и законности договора. Эта грамота не имела ни креста, ни инвокации, так как русы были ещё язычниками; однако в её конце находилось сообщение о клятве, которой они заверяли грамоту»¹¹⁵.

Эта «вторая» грамота и сохранилась в древнерусском переводе в составе летописного текста. Византийский экземпляр, подписанный императором, был отдан русам и отправился в Киев, где и «пропал безвестно». Экземпляр русской стороны остался на хранение в Константинополе. Причём обе «заключительные грамоты» были составлены по инициативе Олега, о чём прямо говорится в летописи («После мужи вои Олегъ...»)¹¹⁶. Текст экземпляра с русской стороны был написан на греческом. Вряд ли можно сомневаться, что по-гречески был написан и текст грамоты от императоров. Это снимает вопрос о всяких спекуляциях по поводу «языческой» письменности Древней Руси. Нам неизвестно ни одного вразумительного источника, который свидетельствовал бы о наличии у славян какой бы то ни было оригинальной письменности в дохристианское время. Кириллица и глаголица, разумеется, в начале X века существовали, но это были христианские системы письма. Разумеется, не мог быть написан экземпляр договора и руническим письмом, совершенно не пригодном для таких нужд.

Каким же образом текст договора 911 года и тексты договоров 944 и 971 годов оказались на Руси? Они стали известны не благодаря подлинникам, которые также со временем исчезли, а благодаря включению их в канцелярские копийные книги, куда переписывались тексты важных документов. Об этом свидетельствуют те слова, которыми предваряются тексты договоров в летописи — «равно другого свещения, бывшего при...», означающие перевод греческой фразы «копия другого соглашения, которое состоялось при...»¹¹⁷. Следовательно, тексты договоров, имевшихся в распоряжении византийской стороны, вносились в копиянные книги, которые составлялись при императорской канцелярии, и уже оттуда (ясно, что из разных книг, поскольку договоры заключались в разные годы, разделённые большими промежутками времени) были скопированы в какой-то общий сборник — целенаправленно и, по-видимому, одновременно. В этот момент оригиналов грамот в Константинополе уже не было. Следовательно, копирование пришлось на время много позже самих соглашений, то есть после 971 года. Оно осуществлялось явно по

какому-то специальному заказу, поскольку касалось официальных документов императорской канцелярии, и, более того, с помощью особого поиска в этих документах¹¹⁸. Я. Малингуди предположила, что переписка договоров произошла до 1046 года, поскольку тогда был заключён последний русско-византийский договор (после неудачного похода 1043 года), текст которого вообще не сохранился¹¹⁹. Возможно, такое копирование было осуществлено во времена Ярослава Мудрого¹²⁰. Заказчиком мог выступать и Владимир Святославич, при котором отношения с Византией вступили на качественно новый уровень, благодаря крещению князя и женитьбе его на сестре императора.

Высказывалось предположение и о более поздней датировке копирования текстов договоров. Видный историк-источниковед С. М. Каштанов полагает, что копии договоров были созданы не ранее последней четверти XI века, поскольку только начиная со времени правления императора Никифора III Вотаниата (1078—1081) дата года и число индикта писались в копиях документов не словами, а буквенной цифирью (именно так датировка обозначена и в Повести временных лет). Поскольку текст договоров отсутствует в реконструируемом Начальном своде, составленном, по версии А. А. Шахматова, в начале 1090-х годов, а появляется впервые в Повести временных лет, то учёный приурочил создание копий и их перевод на древнерусский язык именно к этому промежутку. По его мнению, копирование могло быть осуществлено для киевского митрополита Никифора I, грека, прибывшего на Русь в 1104 году. Митрополит был известен антилатинской пропагандой, и сборник русско-византийских договоров (а также, возможно, и каких-то других текстов) был составлен по его указанию накануне отъезда в Киев как «доказательство благотворности русско-византийского альянса»¹²¹. Высказывалась даже мысль, что именно текст договоров вызвал составление самой Повести временных лет и пересмотр всей летописной картины ранней русской истории¹²².

Между тем дата буквенной цифирью необязательно могла присутствовать в греческой копии — её мог таким образом записать летописец, поскольку сам пользовался именно таким способом обозначения хронологических вех. С другой стороны, отсутствие текстов договоров в Начальном своде не может однозначно указывать, что к тому времени ещё не существовало славянских переводов договоров и тем более греческого оригинала, с которого они

делались. Создание самих копий (копийного сборника?) и перевод текстов могли отстоять друг от друга на значительный промежуток времени. Лингвистический анализ древнерусских текстов договоров вроде бы показывает, что их переводы делались не одновременно¹²³. Тем не менее датировка переводов временем конца XI — начала XII века представляется наиболее предпочтительной (хотя копийный сборник мог быть составлен и раньше).

Очень интересная особенность переводов, наблюдаемая и в случае договора 911 года, — это форма передачи личных имён послов. Как уже отмечалось, в известии 907 года перечислено пять имён, а в договоре 911 года — 15. Эти лица представляли Олега и «всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих боярь», то есть, очевидно, «архонтов» греческого оригинала, которые, возможно, возглавляли отдельные городские центры «Русской земли»¹²⁴, подчинявшиеся власти Олега. Имена русов следующие: «Мы от рода рускаго: Карлы, Инегелд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карнь, Фрелавь, Руарь, Актеву, Труань, Лидул, Фость, Стемид»¹²⁵. Они имеют такие прототипы¹²⁶:

Карлы — *Karli*

Инегелд — *Ingjaldr*

Фарлоф — *Farulfr*

Веремуд — *Vermundr*

Рулав — *Hróðleifr, Hrólf*

Гуды — *Guði*

Руалд — *Hróaldr*

Карн — *Karni, Kárr*

Фрелав — *Friðleifr, Hjörleifr*

Руар — *Hróarr*

Актеву — *Angantyr?*

Труан — *Þróndr*

Лидул — *Leiðulfr*

Фост — *Fastr, Fasti*

Стемид — *Steinvíðr, Steinmarr*.

Как видим, практически все эти имена (кроме не вполне ясного «Актеву») являются скандинавскими. Но поразительный факт, на который обратили внимание исследователи — форма этих имён в летописном тексте (переводе договора?) свидетельствует о фонетической передаче, то есть соответствует их реальному звучанию¹²⁷. Скандинавские имена должны были претерпеть некоторую трансформацию при их передаче в греческом языке, а затем изме-

ниться уже при переводе с греческого — однако славянский текст даёт формы, близкие скандинавским, без следов греческой трансформации. Это может свидетельствовать о том, что переводчик текста знал древнескандинавский язык или же пользовался помощью кого-то из варягов (возможно, это произошло на этапе составления Повести временных лет, хотя сложно ожидать знания скандинавского языка от летописца). Варяги, сохранившие устные предания о первых русских князьях, могли также помочь прояснить непонятные имена из русско-византийских договоров.

Договор 911 года был, безусловно, одной из важнейших вех в ранней древнерусской истории¹²⁸. Он призван был открыть свободную торговлю для древнерусских купцов, отправлявшихся в Константинополь, установить регулярные отношения Руси с Византией. Русы базировались в квартале монастыря Святого Маманта. Его идентификация вызывает споры. Традиционно считается, что это монастырь вне городских стен, к северу от Константинополя, расположенный на европейском берегу Босфора¹²⁹. Он находился как раз на пути русов, плывших из Чёрного моря к столице империи. Недавно прозвучало иное предположение — это монастырь внутри константинопольских стен¹³⁰ (что вроде бы противоречит тексту договоров, где говорится, что далее русы входят в городские ворота). Показательно, что договор 911 года датирован 2 сентября — это день памяти мученика Маманта в православном календаре¹³¹.

Повесть временных лет рассказывает, что после заключения договора император «почтил русских послов дарами — золотом, и шелками, и драгоценными тканями — и приставил к ним своих мужей показать им церковную красоту, золотые палаты и хранящиеся в них богатства»¹³². То есть показывал им, по мнению летописца, «истинную веру». Этот пассаж обычно связывается с летописным повествованием о крещении Руси и о поездке посланцев Владимира Святославича в Византию. Однако в демонстрации «варварам» богатства и величия императорского двора не было ничего удивительного. Византийцы всегда стремились поразить воображение иноземных послов своим неимоверным богатством и роскошью. «Обращалось внимание на эстетическое, эмоциональное воздействие на гостей увиденного в византийской столице. С этой целью демонстрировались императорские и церковные сокровища, памятники искусства, драгоценности. Этой же целью служили и богатые, часто ошеломляющие подарки визитёрам,

поднесение которых сопровождалось особым ритуалом»¹³³. Так что и эта деталь летописного повествования находит подтверждение в исторической реальности.

Торговля Руси с Византией после заключения договора должна была получить новый импульс. Археологические находки, например в Гнёздове, пока говорят о не слишком интенсивных контактах в это время — связи заметно активизируются уже после следующего русско-византийского договора 944 года¹³⁴. В то же время после 912 года уровень Днепра поднялся, что, безусловно, облегчило навигацию по этой важнейшей артерии. Русь вывозила, напомним, пушнину, воск и мёд, следы обмена которых на другие товары вряд ли можно обнаружить археологическими методами¹³⁵.

После похода Олега русы стали всё более и более заметны в Византии. В начале X века упоминание о судах русов содержится в военном трактате императора Льва VI, того самого, с которым заключал мир Олег — «Тактика»¹³⁶. В XIX книге этого сочинения, посвящённой морским походам («Навмахия» или «О войне на море»), содержатся следующие наставления: «Тебе следует подготавливать малые или же большие дромоны в зависимости от особенностей народов, с которыми ведётся война. Ведь флот варваров-сарацин и флот так называемых бореиских скифов не один и тот же: варвары используют большие и тихоходные кумбарии, а скифы — небольшие, лёгкие и быстроходные челны, поскольку реки, впадающие в Понт Эвксинский, не позволяют использовать крупные корабли — всё это обуславливает соответствующие боевые построения»¹³⁷. Под сарацинами подразумеваются арабы, а под северными скифами — русы.

Время создания «Тактики» точно неизвестно, да и вряд ли трактат составлялся одномоментно. По всей видимости, «Тактика» была создана после 904 года¹³⁸. Эта датировка позволяет связать сведения о русских судах с предполагаемым походом русов на Византию в 904 году¹³⁹. Но это, исходя из самого текста Льва, совершенно необязательно. Во-первых, этот пассаж трактата мог быть написан и после 907 года. Во-вторых, сведения о военных действиях против русов могли сохраняться и со времён похода 860 года — трактат предполагает обобщение всего возможного опыта военных действий, тем более со вполне реальным противником. Наконец, в тексте прямо не говорится о военных столкновениях с русами — описываются их суда и

навигация по рекам, впадающим в Чёрное море. А это явно было известно византийцам и в мирное время.

Одна из статей договора 911 года определяла условия службы русов в качестве наёмников в византийском войске. Упоминания об этом относятся ещё к концу 860-х годов, когда «тавроскифы» даже принимали участие в политической жизни столицы¹⁴⁰. Теперь же, согласно договору, «если будет набор в войско и русы захотят почтить вашего царя, и сколько бы ни пришло их в какое время, и захотят остаться у вашего царя по своей воле, то пусть так будет»¹⁴¹. Договор разрешал русам поступать на византийскую службу без всяких ограничений (в том числе и со стороны киевского князя). Часть русов воспользовалась этим, по-видимому, сразу же после заключения мира 907 года, оставшись на службе у императоров¹⁴². Во всяком случае, к 910 году относятся сведения о русских наёмниках, участвовавших в военных действиях в составе византийского войска. В трактате «О церемониях византийского двора», который приписывается императору Константину Багрянородному, упоминается 700 русов, участвовавших в военной экспедиции против арабов на Крит во главе с патрикием Имерием (II, 44). Византийский флот состоял тогда из 187 кораблей, на которых служили 34 тысячи гребцов, флот перевозил 12 с половиной тысяч солдат и 700 русских наёмников. Русы получили за службу один кентинарий золота, что составляло 100 литр или 7200 номисм. Следовательно, каждому полагалось почти по 10,3 номисм — сумма, превышающая стоимость двух быков¹⁴³. Содержание же всего флота обошлось в 17 кентинариев 59 литр и 42 номисмы. Русы получили $\frac{1}{17}$ часть этой суммы и, таким образом, «ценились» дороже византийских солдат¹⁴⁴. Это был не единственный пример, когда русы в качестве наёмников участвовали в войнах, которые вела империя. Впрочем, в тот раз византийский флот, несмотря на всю свою мощь, потерпел в 911 году сокрушительное поражение от арабов у острова Самос. Это поставило крест и на карьере патрикия Имерия.

Глава четвёртая

КАСПИЙ

Н. А. Римский-Корсаков. Симфоническая сюита «Шехеразада». Море и Синдбадов корабль

Ещё одним следствием похода Олега на Византию и мирного договора с греками можно считать военную активность русов на Востоке, сведений о которой в древнерусских летописях нет. Между тем события эти были весьма значительны, а их размах охватил большие пространства акватории Каспия и его побережья. Каспийское море было знакомо русам, по крайней мере, с начала IX века. По сообщению персидского автора Ибн Хордадбега, которое относится к 840-м годам, русы активно торговали с Востоком по Волжскому пути. Судя по описанию Ибн Хордадбега, они спускались к Чёрному морю, затем заходили в устье Дона, поднимались по его течению до волока в Волгу, перетаскивали суда в эту реку и плыли по ней вниз к Каспию. Хотя, разумеется, мог использоваться и прямой путь по Волге, связывавший эту важнейшую водную артерию с севером Руси и Балтикой (в этом случае мог быть переход волоком с Волги на Дон и далее к Чёрному морю). Ибн Хордадбех отмечает, что русы высаживались на «каком-либо облюбованном его берегу»¹, что в принципе означает возможность русов плавать вдоль всего побережья. Однако их конечной целью были города на южном побережье Каспия, откуда открывался прямой (уже сухопутный) путь в Рей и Багдад. Разумеется, плавание вдоль берега моря от устья Волги до берегов Персии было невозможно без остановок на берегу. Не приходится сомневаться, что к началу X века русы хорошо ориентировались в Каспийском регионе, что облегчало их военные предприятия.

При описании похода русов на Каспий, который произошёл в начале X века, выдающийся арабский учёный-географ и историк ал-Масуди, которого именуют «арабским Геродотом», лично побывавший в тех краях спустя не-

сколько десятилетий (что, бесспорно, повышает ценность сообщаемых им сведений), отмечает, что жители прикаспийских областей «не знали в прежние времена врага, [который] вторгся бы к ним (в это море. — *Е. П.*). Действительно ходили по нему суда купцов и рыбаков»². Поэтому они оказались фактически беззащитными перед опасностью. Из этого можно сделать ещё и тот вывод, что до начала X века отношения русов с местными жителями были исключительно мирными.

Однако персидский учёный Ибн Исфандийар в своей «Истории Табаристана», написанной в 1216—1217 годах, рассказывая о событиях начала X века, сделал важную оговорку о том, что нападение русов на город Абаскун произошло, «как и во время Хасана [ибн] Зайда Алида, когда русы прибыли в Абаскун и вели войну, а Хасан ибн Зайд отправил войско и всех их перебил»³. Абаскун (Абесгун) был важным портовым центром, находившимся в юго-восточном «углу» Каспийского моря и имевшим большое торговое значение (а значит, и бывшим закономерным объектом для грабежа). Поскольку правление Хасана ибн Зайда в государстве Алидов в Табаристане на южном побережье Каспия датируется 864—883 годами, то, следовательно, и первое нападение русов на Абаскун должно относиться к этому времени. Между тем на первый взгляд это противоречит информации ал-Масуди, почему ряд исследователей и отрицали реальность данного набега. Но нападение это могло носить локальный характер, забыться к началу 910-х годов и поэтому не отразиться на страницах обобщающих историко-географических трудов, таких как работа ал-Масуди, оставшись фактом местной табаристанской традиции. Поэтому и отрицать реальность первого нападения русов на юго-восточное каспийское побережье уже во второй половине IX века достаточных оснований нет⁴.

Исследователи давно обратили внимание на тот факт, что походы русов на Каспий были каким-то образом связаны с их походами на Константинополь — во всяком случае каждый раз военная активность на каспийском направлении разворачивалась после походов на Византию и заключения мира. Так было в 940-х годах при князе Игоре; так, возможно, было и в 860-х годах — во времена императора Михаила III и патриарха Фотия, когда русь напала на Константинополь в 860 году, и при Хасане ибн Зайде на Каспии. Если и эти походы связаны между собой, то первое нападение русов на Абаскун следует датировать серединой

860-х годов, то есть начальными годами правления Хасана, вскоре после византийского похода 860 года. Поход же русов на Каспий в начале X века был также осуществлён после похода Олега на греков 907 года и начала процесса заключения мирного договора. От предшествующего набега на Абаскун на этот раз каспийская военная экспедиция русов отличалась большим размахом, немногим уступавшим константинопольской эпопее. Но прежде чем перейти к рассказу об этом событии, необходимо кратко сказать о том, что представляло собой каспийское побережье в те времена.

Северо-западное побережье Каспия, включая прямой выход в море из Волги, находилось в руках хазар. Сами хазары по Каспийскому морю не плавали, флота у них не было. Они предоставляли такую возможность другим, собирая за это соответствующие пошлины, что было немаловажным элементом местной экономики. В хазарском войске служили также русы и славяне — об этом в середине X века пишет вышеупомянутый ал-Масуди⁵. Южнее по каспийскому побережью находился город Дербент, контролировавший так называемый Дербентский или Каспийский проход — прибрежную полосу между морем и отрогом Большого Кавказского хребта. Это были ворота на юг, связывавшие Северный Кавказ и степную полосу с Закавказьем и Персией. В начале X века Дербент был опорным пунктом арабского влияния на Кавказе, крупным портом, соперничавшим с Итилем — столицей Хазарского каганата на южной Волге. В этот период происходил интенсивный процесс распада Арабского халифата, и на его окраинных землях возникали фактически независимые государства. В Дербенте с 869 года правила династия эмиров Хашимитов. Естественно, отношения каганата и Дербента были враждебными. Для защиты от нападений в городе был построен мол, продолжавший крепостные стены — исследователи полагают, что тем самым с моря Дербент защищался от нападений русов, служивших у хазар или действовавших с их согласия⁶.

Южнее Дербента по Каспию находился Ширван, земли которого простирались на юге до впадающей в Каспий реки Куры. Это было государство ширваншахов, как и Дербент, обособившееся от Арабского халифата. Здесь с 861 года правила династия Йазидидов. Центром Ширвана был город Шемаха (отсюда, кстати, пушкинская Шемаханская царица), на территории этого государства находился и Баку. Ширваншахи также враждовали с хазарами, что

отразилось и в произведениях персидских поэтов второй половины XII века Хагани и Низами, где русы и хазары выступают в качестве союзников. Ясно, что эта традиция относится к более ранним временам, близким к X веку⁷. В поэме великого Низами «Искандер-наме», написанной на рубеже XII—XIII веков и посвящённой истории Александра Македонского, Искандер вступает в Кипчакские степи и затем сражается с войском русов⁸, которым помогают хазары, бургасы (жившие на средней Волге) и аланы (населявшие земли к северу от Кавказских гор, предки современных осетин).

Далее к югу от Ширвана к Каспийскому морю выходила территория одной из провинций Арабского халифата — Азербайджана. Наследственным наместником там на рубеже 900-х и 910-х годов был Юсуф (Йусуф) ибн Абу-с-Садж, представитель династии Саджидов, стремившийся к независимости от Багдада. Центр его владений находился в городе Ардебиль. Южное побережье Каспийского моря занимали Гилян и Табаристан (который позднее именовался Мазендараном). Их горная часть именовалась Дейлем (это название употреблялось также для обозначения всего Гиляна). Эти территории занимало государство, возглавлявшееся эмирами из династии Алидов и также представлявшее собой одну из окраинных провинций халифата, правители которых стремились к самостоятельности. Административным центром Табаристана был город Амоль, на его территории находился также город Сари. С Табаристаном соседствовала область Гурган, в которой, на крайнем юго-востоке Каспийского побережья, располагался уже упоминавшийся Абаскун. Абаскун и Сари имели важное торговое значение, поскольку открывали путь на юг, в земли халифата. В политическом плане южное побережье Каспия в начале X века оказалось под контролем среднеазиатского государства Саманидов, столицей которого в это время была Бухара. Саманидское государство также образовалось в процессе распада Арабского халифата. Саманиды посылали в Табаристан своих наместников. Со всеми этими землями и государственными образованиями и оказался связан поход русов на Каспий, состоявшийся в начале X века.

О военных действиях сообщает несколько арабских и персидских авторов. Вначале процитируем «Историю Табаристана» уже упомянутого Ибн Исфандийара. Его известие имеет относительно точную датировку. Итак, персидский историк рассказывает: «В этом году в море появилось

16 кораблей, принадлежавших русам, и пошли они в Абаскун... В это время, когда появилось 16 кораблей русов, они разрушили и разграбили Абаскун и побережье моря в той стороне, многих мусульман убили и ограбили. Аб-л-Заргам Ахмад ибн ал-Касим, [который] был правителем Сари, написал об этом Абу-л-Аббасу (вали, то есть наместнику Табаристана. — *Е. П.*), а он выслал помощь. [Тем временем] русы высадились в Анджиле, который в наше время называется Кале (деревня к северу от Сари. — *Е. П.*); он (Ахмад ибн ал-Касим. — *Е. П.*) ночью атаковал их, многих убил, взял в плен и отправил в округи Табаристана»⁹. Итак, целью русов были Абаскун, который им удалось захватить и разграбить, и Сари, который удалось отстоять. Сари находился в некотором отдалении от побережья (к нему можно было спуститься по реке, впадающей в Каспий), к юго-западу от Абаскуна, поэтому русы двигались вдоль Каспийского побережья с востока на запад. Но к северо-западу от Сари у прибрежной деревни Кале они были остановлены с помощью присланных на подмогу наместником Табаристана войск.

На следующий год поход возобновился: «В следующем году русы прибыли в большом числе, подожгли Сари и округи Пянджах хазара, увели в плен людей и поспешно удалились в море. Дойдя до Чашм-руда в Дейлемане, часть их вышла на берег, а часть осталась в море. Гилы ночью пришли на берег моря, сожгли корабли и убили тех, кто находился на берегу; другие, находившиеся на море, убежали (вернее, уплыли. — *Е. П.*). Поскольку царь Ширваншах получил об этом известие, он приказал устроить в море засаду и в конечном счёте ни одного из них не оставил в живых, и так частое появление русов в этой стране было приостановлено»¹⁰.

Следовательно, на следующий год русы пришли с большими силами, но число их кораблей Ибн Исфандийар на этот раз не указывает (замечу, что точность первого указания, 16 судов, говорит в пользу достоверности самого известия). Русы сразу обрушились на Сари и округи, расположенные к северу от него (в местности, которая называлась Пянджах хазар — по-персидски «пятнадцать тысяч»). Быстрым набегом они захватили добычу и отплыли назад в море. Далее, они двинулись вдоль побережья на запад, к Гилян (Дейлему), и дошли до реки Чешме-аб (Чашим-руд у Ибн Исфандийара), которая также впадает в Каспий¹¹. Тут, по-видимому, им пришлось вынужденно задержать-

ся — возможно, для пополнения запасов пресной воды. Во всяком случае, гилянцы («гилы») воспользовались этим и напали на русов. Часть кораблей с русами уплыла, как можно думать, на северо-запад к берегам Ширвана, где и была перебита судами ширваншаха, которым в то время был Али ибн Хайсам¹². Итак, русы дважды нападали на южное побережье Каспия, причём двигались с востока на запад: первый раз на Абаскун и потом западнее, к Сари, второй — захватили Сари и двинулись западнее, дойдя до Гиляна, а затем были разбиты ширваншахом. Очень маловероятным, однако, представляется в связи с этим движение кораблей русов из устья Волги сразу к юго-восточному «углу» Каспия или к восточной части его южного побережья. Для этого русам пришлось бы переплыть Каспий «насквозь», как бы по диагонали. Гораздо более предпочтительной кажется мысль, что эти набеги происходили не сразу из устья Волги, а откуда-то из других прикаспийских областей, где ранее русы могли закрепиться. И такое предположение находит некоторые подтверждения.

Однако когда же произошли упомянутые Ибн Исфандийаром события? Традиционно считалось, что первый набег русов относится к 297 году хиджры, то есть к 909—910 годам. Следовательно, второй приходится на 910—911 годы. Но более детальное рассмотрение последовательности разных событий, о которых пишет Ибн Исфандийар, позволяет определить, что первый набег произошёл во время последнего правления в Табаристане саманидского наместника Абу-л-Аббаса (Абу-л-Аббаса Абдаллаха ибн Мухаммада ибн Нуха). Он стал наместником в начале 298 года хиджры, а уже во втором месяце этого года, сафаре, скончался¹³. 298 год хиджры начался 9 сентября 910 года по юлианскому календарю. Продолжительность его первого месяца, мухаррама, составляет 30 дней. Из этого можно заключить, что набег русов на Абаскун произошёл в сентябре—октябре 910 года. Второй набег (или вторая часть предыдущего) случился, как указывает Ибн Исфандийар, «в следующем году». 299 год хиджры приходится на период с 29 августа 911 года по 17 августа 912 года юлианского календаря. Логичнее предположить, что этот набег также имел место осенью, но только 911 года.

Помимо Ибн Исфандийара упоминания о нападении русов сохранились и в более поздних «Историях» последователей персидского автора. В «Истории Руйана» (Руйан — это часть Табаристана) Маулана Аулийа Аллаха

Амули, написанной на персидском языке в 1362 году, сказано кратко: «Тогда толпа русов с моря появилась на кораблях и произвела опустошения в Табаристане. Род Самана всех их истребил». Ему вторит «История Табаристана, Руйана и Мазандарана» Захир ад-Дина Мар'аши: «В то время толпа русов, которая сидела на кораблях, высадилась с моря и произвела опустошения в Табаристане. Род Самана сделал усилия для их истребления и полностью тот народ уничтожил»¹⁴. Под «родом Самана» подразумеваются Саманиды. Труд Мар'аши был написан во второй половине XV века. Может показаться необычным, что информация о набеге начала IX века продолжала столь долго сохраняться в историографии¹⁵, но такова была традиция мусульманской научной литературы.

Но каким же образом произошли набеги русов на Табаристан и Гилян? По-видимому, они были лишь частью более масштабного военного предприятия. Более подробные сведения на сей счёт приводит ал-Масуди в своём труде «Золотые копи и россыпи самоцветов» («Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавахир»). Эта книга представляет собой свод исторических и географических сведений энциклопедического характера и была написана в середине X века. Ценность сообщаемым ал-Масуди сведениям придаёт и тот факт, что автор лично побывал в Абаскуне и плывал по Каспийскому морю. Рассказ о нападении русов на Каспий вплетён ал-Масуди в этнографический и, что ещё более важно, географический контекст. Дело в том, что автор приводит его в опровержение мнения о том, что Каспийское море (называемое ал-Масуди Хазарским) соединяется с Азовским (море Меотис) и Чёрным (море Понт) через пролив. Ал-Масуди несколько раз на протяжении своего сочинения возвращается к этой проблеме, и деятельность русов становится одним из аргументов при её обсуждении. Этот немаловажный факт существен, как увидим далее, и для датировки событий, о которых рассказывает ал-Масуди.

Сам рассказ начинается с информации о русах¹⁶. «Русы — многочисленные народы, имеющие отдельные виды. У них есть вид, называемый Луда'ана. Они самые многочисленные, посещают для торговли страну Андалусию, Италию, Константинополь и хазар». «Луда'ана» представляет собой искажённое название норманнов, которых обычно в арабоязычной литературе именовали «ал-урдуманийа». Таким образом, подобно другим современным ему арабским авторам, ал-Масуди однозначно отождествляет русов

и норманнов. «После 300 /912—913 года прибыло около 500 кораблей, в каждом корабле 100 человек». Количество людей на корабле русов, как уже неоднократно отмечалось, не вполне соответствует действительности — традиционно считается (см. указание Повести временных лет в рассказе о походе Олега на греков в 907 году), что корабль русов-варягов вмещал 40 человек, но если принять на веру число кораблей, указанных ал-Масуди, цифра участников похода всё равно выглядит весьма внушительной — около 20 тысяч человек¹⁷. Как помним, число кораблей Олега в походе на Константинополь, по сведениям Повести временных лет, составляло две тысячи. Вряд ли это число достоверно, но даже в соотношении с ним силы, прибывшие на Каспий, представляли собой большое войско — следовательно, и весь поход был не просто набегом, а серьёзной военной операцией.

«Вошли в залив моря Понт, соединённый с морем Хазар». Тут ал-Масуди отдаёт дань представлению о том, что Чёрное море соединяется с Каспийским через пролив, но дальнейшее изложение детализирует эту версию. Итак, флот русов первоначально спустился в Чёрное море (как можно думать, по Днепровскому пути, если он выдвигался из Киева — в этом случае, чтобы достичь Дона, русы огибали Крымский полуостров). «Там — люди, назначенные царём хазар, с сильным вооружением, сопротивляются тем, кто идёт с этого моря, и тем, кто идёт от той стороны суши, ответвление которой от моря Хазар примыкает к морю Понт. Это потому, что кочевые тюрки-огузы приходят к этой суше и зимуют там. Иногда замерзает вода, соединяющая реку хазар с заливом моря Понт, переходят по ней огузы на своих конях, а это — великая вода, не проваливается под ними [из-за того, что становится] твёрдой, как камень. И так переходили тюрки в страну хазар. Иной раз выходил к ним царь хазар, если не могли те, кто там был из его людей поставлен, отразить их, и препятствовал им переправиться по этому льду. Летом же нет [здесь] пути тюркам для переправы». Рекой хазар ал-Масуди называет Волгу, которая, как он прекрасно осведомлён, впадает в Каспий. Но каким же образом Волга соединяется с «заливом моря Понт», под которым, очевидно, следует подразумевать море Меотис, то есть Азовское? Ясно, что под этой соединяющей «водой» имеется в виду Дон. Как видим, движение по его течению контролировалось хазарами, опасавшимися зимних переправ огузов на свою территорию по льду реки.

Русы, однако, смогли договориться с хазарами. «Когда же прибыли корабли русов к людям хазар, поставленным у начала пролива, то они послали к царю хазар [просьбу], чтобы им пройти по его стране, спуститься в его реку, войти в реку хазар и дойти до моря Хазар, которое [и есть] море Гиркании (Гургана. — *Е. П.*), Табаристана и других земель иноземцев..., с тем, чтобы предоставить ему половину того, что захватят у людей там, у того моря». Здесь уже путь русов представлен более подробно — из «пролива» они идут по реке (то есть по Дону. — *Е. П.*), входят в реку Хазар (Волгу. — *Е. П.*) и далее плывут в Каспийское море. Условием пропуска древнерусского флота через земли Хазарского каганата была половина добычи, которая достанется русам на каспийском побережье. Царь хазар «позволил им это, и [руссы] вошли в пролив и достигли устья реки, стали подниматься по этому ответвлению воды, пока не вошли в реку хазар, и спустились по ней в город Атил (то есть Итиль. — *Е. П.*), а это река большая, прошли мимо него (Итиля), дошли до устья реки к месту впадения в море Хазар. А от того места до города Атил это река великая и воды её обильны». Так русы поднялись по Дону, а затем по сухопутному волоку перешли в Волгу и вышли в Каспийское море. О волоке ал-Масуди не знал и полагал, что Дон и Волга непосредственно где-то соединяются.

«Рассыпались корабли русов по этому морю, совершали нападения на Гилян, Дейлем, страну Табаристан и Абаскун, а он — на берегу Гиркании, и на страну нефти, и на [области] около Азербайджана. От округа Ардебиль из Азербайджана до этого моря — 3 дня [пути]. И проливали русы кровь, и давали себе полную свободу в отношении женщин и детей, захватывали имущество, совершали набеги и жгли. И вопили люди вокруг этого моря...» Иными словами, набеги русов охватили очень большую территорию по западному и южному побережью Каспия. Среди подвергнувшихся нападениям — земли по всему южному побережью, от Азербайджана до Гургана, включая Абаскун. На западном побережье пострадали Азербайджан и «страна нефти», под которой следует понимать Баку и окружающие его земли государства ширваншахов. Таким образом, военными действиями русов были охвачены практически все мусульманские области Прикаспия. Как мы помним, для местных жителей, привыкших только к торговым и рыболовным судам, это было полной неожиданностью. Нападения с моря никто не ожидал.

«Была у них (русов) битва с Гиляном и Дейлемом, и с военачальником Ибн Абу-с-Саджем (наместником Азербайджана. — *Е. П.*). Перешли к “берегу нефти” государства Ширван, известному как Баку. А прятались русы при возвращении с берегов моря на островах, находившихся близко от [“берега] нефти”, на милю от него. Царём Ширвана был Али ибн ал-Хайсам. Приготовились люди и поплыли в лодках и на кораблях, [предназначенных] для торговли, и подошли к тем островам. [Напали] на них русы, и мусульмане были убиты и потоплены. Оставались русы много месяцев на этом море, как мы описали; не было возможности ни у кого из народов пройти этим морем к ним. Люди были начеку из-за них (русов), ведь море населяют вокруг [разные] народы».

Те подробности, которые сообщает ал-Масуди, чрезвычайно важны. Набеги, охватившие такое большое пространство прибрежных районов, были бы невозможны, если бы у русов не было какой-либо своей «базы» на Каспии. Таковой могли быть только острова, расположенные в море у бакинского берега. Именно здесь и базировались основные силы русов, именно отсюда и посылались с целью грабежа корабли на западное и южное побережье. Информация ал-Масуди объясняет, каким образом русы смогли напасть на Абаскун и другие южные каспийские города. Конечно, они совершали эти набеги не сразу из устья Волги, пройдя Каспийское море насквозь — сначала они закрепились на прибрежных островах Ширвана, а уже оттуда отправляли корабли в Абаскун, Табаристан, Гилян, Азербайджан... Русы пробыли на островах много месяцев, и этот факт объясняет двойное появление древнерусских кораблей на южном побережье Каспия, описанное у Ибн Исфандийара. Это, конечно, были не два самостоятельных похода, а два этапа одного и того же военного предприятия. Русы просто переждали какое-то время на островах, чтобы затем снова обрушиться на южнокаспийское побережье. То число кораблей, которые, согласно Ибн Исфандийару, напали на Абаскун — 16, кажется незначительным по сравнению с основными силами русов, описанными ал-Масуди. Однако, возможно, первое нападение на Абаскун было своего рода разведкой, сопровождавшейся, впрочем, взятием города (по-видимому, благодаря эффекту внезапности). Второе же нападение, на этот раз на Сари и далее по южному побережью, было более масштабным и тщательно подготовленным.

В изложении дальнейших событий возникает некоторое противоречие. Ибн Исфандийар пишет, что ширваншаху, устроившему засаду на море, удалось разбить русские суда. Ал-Масуди, напротив, отмечает, что сделать это не удалось — торговые корабли ширванцев оказались не ровней военным судам русов, и потому ширваншах потерпел поражение. Присутствие русов на Каспии, как ясно следует из рассказа ал-Масуди, по сути дела блокировало всю торговлю каспийского региона на долгое время («много месяцев» у ал-Масуди в соотнесении со сроками, указанными Ибн Исфандийаром, могут означать промежуток времени более года).

Однако столь удачный поход русов закончился для них трагически. Вновь предоставим слово ал-Масуди: «Когда русы захватили добычу и им наскучило быть на нём (море), они отправились к устью реки хазар и к месту её впадения, послав к царю хазар [вестников], понесли ему богатство и добычу так, как и было договорено с ними. У царя хазар нет кораблей и нет людей, привычных к ним, а если бы такое было, то мусульманам [были бы] от этого великие беды. Узнали об их (русов) злодеяниях ал-арсийа (мусульманская гвардия при дворе хазарского хакана. — *Е. П.*) и те, кто в их царстве из мусульман, и сказали царю: “[Ты] — друг наш и этого народа, а они напали на страну наших братьев-мусульман, проливали кровь, полонили женщин и детей”. Не мог им помешать [царь хазар], но послал к русам и сообщил им о том, что мусульмане решили воевать с ними. Собрали мусульмане войско, вышли искать их (русов), спустившихся по воде. А когда расположились лицом к лицу, отошли русы от судов. А было мусульман 15 000, на конях, с оружием. Были с мусульманами некоторые христиане, из [числа] живущих в городе Атил. Продолжалась битва между ними 3 дня, и с помощью Аллаха мусульмане одержали победу над ними, предали их мечу, и иные были убиты и утоплены. Спаслось их около 5000, и поплыли [они] на судах к той стороне, которая граничит с землёй бургасов; оставили свои суда и двинулись по суше, но некоторые из них были убиты народом бургасов, а некоторые — в стране булгар, у мусульман, они убили их. Счёт тех, кто попал к ним, из тех, кого убили мусульмане на берегах реки хазар, был около 30 000. И не возобновляли русы с того времени того, что мы описали».

Ал-Масуди сообщает, таким образом, что русы сами ушли с Каспия, по-видимому, достигнув «предела» по-

сильной для них военной добычи. Как можно думать, хазарский правитель получил обещанную половину. Однако вмешалась мусульманская гвардия, движимая чувством мести за погибших собратьев. Хакан не смог помешать ей, но постарался предупредить русов о готовящемся нападении. Тут, конечно, можно обвинить хазарского властителя в лицемерии и хитрости (как обычно и делается на страницах исторических трудов). Мол, хакан, любитель загребать жар чужими руками, хотел избавиться от опасных русов и использовал недовольство мусульманской гвардии в своих целях. Но в реальности всё могло быть и так, как описывает ал-Масуди. Гнев мусульман вполне объясним, а нежелание хакана портить отношения со своими гвардейцами абсолютно понятно — в противном случае это грозило непредсказуемыми последствиями для него самого. Так что, возможно, хакан сам стал жертвой сложившихся обстоятельств.

Сражение мусульман с русами было, конечно же, сухопутным — русы стремились сохранить свои корабли, и потому их основная часть отошла от судов. Количество же нападавших, по-видимому, приближалось к числу самих русов, если исходить из условной численности всего военного контингента русов в этом походе в 20 тысяч человек (разумеется, в продолжении всей кампании русы также несли потери, о чём, в частности, говорит и Ибн Исфандийар). Тем не менее пяти тысячам русов удалось спастись. Не веря хакану, в руках которого находился путь по Дону, русы не могли вернуться прежним путём и поплыли вверх по Волге. Движение против течения (возможно, с какой-то частью добычи, оставшейся на судах) было сложным и могло осуществляться только гребным способом. Вероятно, какая-то часть русов решила идти сухопутным путём и на средней Волге подвергалась нападению буртасов. Другая часть двинулась севернее и оказалась в земле волжских болгар, которые, будучи мусульманами, расправились с ними. Из рассказа ал-Масуди отнюдь, впрочем, не следует, что погибли все русы. Можно думать, что какое-то их число, несмотря на нападения буртасов и болгар, смогло вернуться на Русь. Как бы то ни было, результат этого похода оказался неудачным. Ал-Масуди неточен, когда говорит, что русы с того времени не возобновляли нападений на Каспий. Напротив, другие восточные источники свидетельствуют, что в первой половине 940-х годов, ещё при жизни ал-Масуди, русы вновь появились в прикаспийских

землях, поднявшись из Каспия по течению Куры и захватив город Бердаа. Однако труд ал-Масуди составлялся не одновременно, и соответствующие сведения, тем более относящиеся не к южному побережью Каспийского моря, а к западному, могли до него попросту не дойти.

Далее, столь подробно описав всю историю каспийского похода русов, ал-Масуди делает замечательное заключение: «Мы рассказали эту историю в опровержение высказываний тех, кто утверждает, будто море Хазар соединяется с морем Меотис и Константинопольским проливом со стороны Меотиса и Понта. Но если бы это было так, то русы вышли бы в него, так как это море (Понт, то есть Чёрное море. — *Е. П.*) — их, как мы сказали, и нет разногласий между тем, что мы сказали, и [тем, что говорят] народы, находящиеся по соседству с этим морем, что море иноземцев (Каспий) не имеет пролива, соединяющегося с другими морями, потому что это море небольшое, хорошо известное». Оказывается, весь этот блестящий рассказ был нужен ал-Масуди только для того, чтобы опровергнуть мнение о соединении Азовского моря с Каспийским через пролив — ведь если бы это было так, русы спокойно вышли бы с Каспия в Чёрное море (Понт), которое, по свидетельству ал-Масуди, есть «море болгар, русов, печенегов» и некоторых других народов. Затем учёный делает важную оговорку: «А то, что мы рассказали о кораблях русов, распространено в этой стране у всех людей, и год известен, и было [это] после 300 / 912—913 года, но я упустил [из памяти] дату». Подтверждением истинности рассказа, в свою очередь подтверждающего отсутствие пролива между Азовским морем и Каспием, служат его распространённость у всего населения прикаспийских областей (напомним, что ал-Масуди сам побывал в тех краях и лично слышал об этих событиях) и точная дата нападения русов, которую, однако, сам учёный запомнил лишь приблизительно. И здесь нужно отдать должное тщательности и скрупулёзности автора, относящегося к своей аргументации с точностью истинного человека науки.

Казалось бы, рассказы ал-Масуди и Ибн Исфандийара не противоречат друг другу и могут описывать одно и то же событие, что называется, с «разных сторон». Однако в историографии сложились разные точки зрения на само количество каспийских походов русов в начале X века. Одни исследователи полагали, что можно говорить о нескольких походах (двух или даже трёх)¹⁸ и что, следовательно-

но, ал-Масуди и Ибн Исфандийар описывали разные походы; другие — что речь идёт об одном и том же событии¹⁹. Главным камнем преткновения оказывалась хронология. Датировки набегов, упомянутых Ибн Исфандийаром, относятся, как мы видели, к 910—912 годам, а даты, приводимые ал-Масуди, соотнесены с 300 годом хиджры, то есть с 912—913 годами.

Применительно к походу русов ал-Масуди трижды указывает на эту дату. Первый раз, при обсуждении вопроса: соединяется ли Каспий проливом с Азовским морем — он пишет: «Мы упомянем об этом при нашем рассказе о горе Кавказ, городе Дербент и государстве хазар, и как вошли русы на кораблях в море Хазар, а это [случилось] после 300 года». Ещё два раза — в непосредственном рассказе о походе, в начале и в конце. В начале: «После 300 г. прибыло около 500 кораблей». В конце он допускает примечательную оговорку: «Год известен, и было [это] после 300 г., но я упустил [из памяти] дату»²⁰. Этот факт показывает, что ал-Масуди всё-таки не помнил, когда точно состоялся поход, в его памяти он хронологически был приурочен к 300 году, и поэтому датировку ал-Масуди нельзя считать абсолютной. Следовательно, и хронологическое противоречие в известиях Ибн Исфандийара и ал-Масуди оказывается мнимым²¹.

Однако упоминание ал-Масуди именно 300 года хиджры как даты набега русов находит объяснение в самом труде учёного. Дело в том, что в другом месте своего труда он пишет: «Около 300 года пришли по морю к Андалусии корабли, на них — какие-то люди, и напали на её побережье. Жители Андалусии думали, что это были маджусы, которые приходят в это море каждые 200 лет, и прибывают они к их стране через пролив, вытекающий из моря Океан, но не через тот пролив, на котором медный маяк. Я же думаю, а Аллах лучше знает, что этот пролив соединяется с [морями] Понт и Меотис, и этот народ — русы, о котором мы уже упоминали, ибо никто, кроме них, не ходит по этому морю, соединяющемуся с морем Океан»²². Ал-Масуди приурочивает к 300 году нападение на Андалусию, то есть южное побережье Испании (хотя словом ал-Андалус именовался и весь Пиренейский полуостров), и, как можно думать, соотносит это событие с набегом маджусов (то есть язычников) на Севилью, который, по данным арабских авторов, произошёл в 844 году (229 году хиджры)²³. Если те маджусы и правда были русы, то, конечно, не восточноевропейские русы, а

западноевропейские норманны, пришедшие с севера. На этот раз маджусы пришли также не со стороны Гибралтара (пролива, «на котором медный маяк»), а со стороны «моря Океан», то есть Атлантического океана. Следовательно, они так же были, скорее всего, западноевропейскими норманнами. Но, по мнению ал-Масуди, это были всё-таки русы, поскольку Океан якобы соединён проливом с Азовским и Чёрным морями через северную часть Атлантики²⁴.

Таким образом, набег норманнов на Андалусию ал-Масуди связал с русами и их походом на Каспий. В начале рассказа о каспийском походе он говорит о норманнах, как одном из «видов» русов, и вновь упоминает о посещении ими Андалусии и других стран. А это значит, что 300 год хиджры был для ал-Масуди хронологической вехой, к которой так или иначе (датировки имели неопределённый характер — «около 300 года» о набеге на Андалусию и «после 300 года» о набеге на Каспий) приурочивались оба набег русов — и на Испанию, и на Прикаспийские области. Ал-Масуди связал эти события единой логикой, полагая, что как в том, так и в этом случае действовали именно русы. Только в первом они прошли в Андалусии через Понт и пролив, соединяющий его с окружающим мир Океаном, а во втором — на Каспий через систему рек между Азовским морем и Каспийским (поскольку ал-Масуди отрицал существование аналогичного пролива между ними). Исходной точкой обоих набегов был, по мысли ал-Масуди, Понт, то есть Чёрное море, которое он считал «морем русов»: «Нет на нём никого другого, и они [живут] на одном из его берегов»²⁵. Такое представление было естественным образом связано с тем, что к середине X века, благодаря активно действовавшему Пути из варяг в греки по Чёрному морю действительно плавало немало русских судов²⁶.

Итак, 300 год хиджры в качестве некоей хронологической вехи для каспийского похода, действительно, можно считать условным. В таком случае хронологическое несоответствие снимается — события, упомянутые Ибн Исфандийаром, как видим, чрезвычайно близки к этой условной дате. Каковы иные аргументы, позволяющие считать описанные восточными авторами набег этапами одного и того же крупного события? Как мы помним, ал-Масуди утверждает, что до набег русов жители прикаспийских областей не подвергались военным нападениям. О локальном набеге на Абаскун в 860-х годах (или позже, но, во всяком случае, до 884 года) он мог и не знать, но вряд ли походы,

совершённые за несколько лет до описанного им, могли стереться из памяти местных жителей. Другой аргумент ещё более весом²⁷. Вряд ли можно предположить, что хазары пропускали флот русов на Каспий практически ежегодно, тем более, как пишет ал-Масуди, условием пропуска была половина захваченной в будущем добычи. Логичнее предположить, что и упомянутые Ибн Исфандийаром два набега были двумя эпизодами одного и того же похода — русы просто перезимовали на островах близ Баку, чтобы на следующий год продолжить начатое.

Учитывая все эти обстоятельства, в описаниях восточных авторов можно действительно усматривать рассказы об одной и той же масштабной кампании, осуществлённой русами на Каспии на рубеже 900-х и 910-х годов. Именно поэтому вряд ли можно согласиться с мнением, что набеги, описанные Ибн Исфандийаром, были лишь нападениями «небольших полукупеческих, полуразбойничьих шаек», а поход, описанный ал-Масуди, «не был официальным предприятием Русского государства, а был организован, так сказать, на свой риск и страх варяжско-русской дружиной, нанятой для войны с Византией и отпущенной киевским князем после того, как надобность в ней миновала»²⁸. Наоборот, этот поход был, очевидно, весьма хорошо подготовлен и, хотя в нём не участвовал сам киевский князь, это предприятие никак нельзя считать «самостийным». Напротив, оно вполне ясно вписывается в ситуацию международных отношений того времени.

На связь каспийских походов русов с византийскими давно указывали многие исследователи. «Создаётся впечатление, что русы старались решить с наименьшей затратой сил и средств сразу двуединую задачу — добиться успеха и в империи, и на Кавказе — обе цели лежали друг от друга недалеко, сравнительно с расстоянием, уже преодолённым до Южного Причерноморья»²⁹. Однако военное движение на Каспий было теснейшим образом связано со взаимоотношениями с Хазарским каганатом и отнюдь не представляется простой с международной точки зрения задачей. Какие же цели преследовали хазары и как были связаны каспийские походы с русско-византийскими отношениями?

Поход был в определённой степени выгоден Византии, поскольку в это время обострились отношения империи с халифатом в Закавказье. Противником Византии здесь выступал тот самый наместник Азербайджана Юсуф ибн Абу-с-Садж, с которым у русов произошло сражение. Та-

ким образом, объективно поход русов отвечал византийским интересам, и, возможно, обязательство его совершить каким-то образом проистекало из условий того мирного русско-византийского договора, начало заключения которого относится к 907 году. В самих текстах, приведённых в Повести временных лет, впрочем, ничего о взаимоотношениях с халифатом не говорится, однако «вовсе не обязательно, чтобы такой договор отражал все аспекты соглашения двух сторон. Могли быть и секретные статьи, устные обязательства»³⁰. С другой стороны, для осуществления такого похода необходимо было и согласие Хазарии. Отношения Византии с каганатом в этот период были мирными, поэтому сложностей не возникло³¹. Но и сам каганат был заинтересован в военных действиях русов против мусульманских правителей Прикаспия. Отношения Хазарии с Дербентом и Ширваном были откровенно враждебными и сопровождались даже военными столкновениями³². Торговое соперничество мусульманских портов с Итилем вызывало явную напряжённость. Не лучше обстояло дело и во взаимоотношениях хазар с владениями Саманидов на южном Каспии. Саманиды подстрекали огузов к набегам на Хазарию, и в этих обстоятельствах военные действия против них объективно ослабляли противников каганата³³. Таким образом, хазары были готовы поддержать любые действия, направленные против своих мусульманских соседей в прикаспийских землях, тем более нападения с моря (ведь сам каганат, как уже упоминалось, своего флота не имел). Важное торговое значение Абаскуна также не могло не привлечь внимания хазар, стремившихся, по-видимому, взять под свой контроль всю каспийскую торговлю. Совпадением интересов Византии, Хазарии и Руси на Каспии и можно объяснить столь серьёзную военную кампанию, которую организовали русы и которая продолжалась относительно долгий период времени.

Между тем конец похода для Руси оказался трагическим. Не только мусульманская гвардия кагана, но и христиане Итиля, а ими были, по всей видимости, купцы, обеспокоенные блокадой русами каспийской торговли³⁴, выступили против русского войска. Довершили дело буртасы и болгары, находившиеся с хазарами в напряжённых отношениях и, вероятно, воспринимавшие русов как союзников хазар³⁵. Поход между тем был первым столь значительным, но отнюдь не последним военным появлением русов в прикаспийских краях.

Практически одновременно с событиями на Каспии Олег направляет своих послов в Константинополь для окончательного заключения договора, что и произошло в начале сентября 911 года. Ясно, что сам князь в каспийской эпопее участия не принимал, но имя некоего Олега тем не менее оказалось связанным с каспийскими берегами, и это упоминание вызвало большой отклик в исторической науке.

Речь идёт о так называемом Кембриджском документе — очень интересном источнике, связанном с историей Хазарии, написанном на еврейском языке еврейским письмом и обнаруженном в начале 1910-х годов. История этого открытия вкратце такова. В городе Фустате, который в Средние века был столицей арабского Египта и является историческим предшественником Каира (сейчас это одна из частей города), при синагоге существовало огромное хранилище старых рукописей (гениза), в которой хранились документы (в значительной части в виде отрывков) начиная с конца IX века. Еврейская религиозная традиция запрещает уничтожение священных текстов, как и вообще текстов, содержащих сакральные имена. Этот архив имеет уникальный характер, благодаря как сохранности документов (из-за соответствующего подходящего климата), так и их объёму (каирская еврейская община была одной из самых крупных и значимых в период Средневековья). Документы каирской генизы начали активно изучаться со второй половины XIX века и попали в разные собрания (некоторая их часть имеется даже в Российской национальной библиотеке в Петербурге). Самый крупный их комплекс был в 1896 году перевезён в библиотеку Кембриджского университета выдающимся учёным-гебраистом профессором Соломоном Шехтером (1847—1915). Среди этих документов Шехтер обнаружил и опубликовал в 1912 году и интересующий нас источник, который по месту своего хранения обычно именуется Кембриджским документом.

Текст этот представляет собой отрывок послания, причём сам сохранившийся документ написан на бумаге в конце XI века и является копией оригинального письма. Исследование других документов того же собрания показало, что дошедшие до нас листы (всего их два, и текст занимает таким образом четыре страницы) являлись частью некоего кодекса, который включал копии и других писем, близких по времени и содержанию³⁶. Сами же послания, исходя из их содержания, относятся к середине X века. На русский

язык первый перевод Кембриджского документа был осуществлён знаменитым востоковедом и гебраистом Павлом Константиновичем Коковцовым (1861—1942), посвятившим комплексу хазарско-еврейских источников X века специальную монографию³⁷. Коковцов, впрочем, сомневался в исторической подлинности самого документа, полагая, что он был составлен не раньше конца XI века (а может быть, даже и в XII—XIII веках) с использованием некоторых исторических данных, относящихся к X веку, но в форме письма, как бы синхронному тому времени³⁸.

Новое исследование Кембриджского документа, осуществлённое профессором Чикагского университета Норманом Голбом в контексте иных документов каирской генизы того же времени, позволило не только существенно уточнить прочтение самого текста (физическая сохранность документа, разумеется, отнюдь не идеальна), но и снять вопрос о его подлинности. Теперь вряд ли можно сомневаться в том, что Кембриджский документ представляет собой копию письма, написанного подданным хазарского царя Иосифа, неким иудеем, по-видимому, в Константинополе³⁹. Поскольку начало письма утрачено, адресат его неизвестен. Однако ещё в самом начале научного исследования этого источника он был соотнесён с так называемой Еврейско-хазарской перепиской X века, известной в публикациях ещё с конца XVI века. Эта переписка представляет собой два письма, которыми обменялись Хасдай ибн Шапрут (Шафрут), иудей, служивший при дворе кордовского халифа Абд ар-Рахмана III, и хазарский царь Иосиф (ответное послание Иосифа сохранилось в двух редакциях).

Хасдай ибн Шапрут был придворным врачом и советником кордовского халифа, а затем руководил также финансами и занимался иностранными делами, пользуясь большим доверием и уважением своего правителя. Он был очень образованным человеком и, в частности, занимался переводом на арабский язык греческого медицинского сочинения античного автора Диоскорида «О лекарственных веществах», текст которого на рубеже 940—950-х годов был послан византийским императором кордовскому халифу. Хасдай узнал о существовании на Востоке государства, где официальной религией был иудаизм, и обратился к хазарскому царю с вопросами об истории хазар, принятии ими иудаизма, географии и государственном положении Хазарского каганата. Результатами этого интереса и оказались те документы, которые в настоящее время именуется «еврей-

ско-хазарской перепиской». Правление хазарского царя Иосифа относится к 930—960-м годам; возможно, это был последний правитель Хазарии до того, как каганат в середине 960-х годов был разгромлен князем Святославом. Хасдай занял высокое положение при дворе халифа в начале 950-х годов (сам халиф скончался в октябре 961 года)⁴⁰. Следовательно, и переписка между Хасдаем и Иосифом может датироваться 950-ми — началом 960-х годов. Наличие других дипломатических писем Хасдая позволило считать его адресатом также и Кембриджского документа. Поскольку составитель Кембриджского документа писал во времена царя Иосифа, а в тексте упоминаются события первой половины 940-х годов, то датировка самого документа относится, скорее всего, также к середине X века (возможно, к тому же промежутку: 950-е — начало 960-х годов).

По своему содержанию Кембриджский документ или письмо (вернее, та его часть, которая дошла до нас) носит чисто информационный характер. По сути, он отвечает на круг вопросов, близкий тому, которые были затронуты и в послании царя Иосифа. Содержание документа можно условно разделить на три части. Первая касается истории взаимоотношений евреев и хазар, принятия в Хазарии иудаизма и создания царства. Вторая посвящена взаимоотношениям хазар с соседями и различным военным столкновениям между хазарами и другими странами и народами. Именно в этой части содержится интересующий нас рассказ. Третья часть носит этногеографический характер и описывает страну в целом, пределы хазарских владений, а также перечисляет народы, которые воюют с хазарами. Ещё раз отмечу, что ни начало, ни конец текста этого послания неизвестны. Обратимся к фрагменту, связанному с Русью⁴¹:

Автор рассказывает о войне хазарского царя Аарона, отца Иосифа, с царём алан, окончившейся победой хазар: «И с того дня напал страх пред казарами на народы, которые (живут) кругом них. [Также и] во дни царя Иосифа, моего господина... [ему подмогой], когда было гонение (на иудеев) во дни злодея Романа». Под «злодеем» подразумевается византийский император Роман I Лакапин, который был коронован 17 декабря 920 года и свергнут 16 декабря 944 года. Его царствование действительно ознаменовалось гонениями на иудеев в Византии. «[И когда стало известно это] дел[о] моему господину, он ниспроверг множество необрезанных (избавился от многих христиан). А Роман [злодей послал] также большие дары X-л-гу, царю (“ме-

лех”) Руси, и подстрекнул его на его (собственную) беду. И пришёл он ночью к городу С-м-к-раю (имеется в виду причерноморская Таматарха (Самкерц, Тмутаракань), которая в то время принадлежала хазарам. — *Е. П.*) и взял его воровским способом, потому что не было там начальника, раб-Хашмоная (вероятно, эпитет военного командира. — *Е. П.*). И стало это известно Бул-ш-ци (по-видимому, обозначение должностного ранга — возможно, начальник города. — *Е. П.*), то есть досточтимому Песаху, и пошёл он в гнев на города Романа и избил и мужчин и женщин. И он взял три города, не считая большого множества пригородов. И оттуда он пошёл на (город) Шуршун (византийский Херсонес в Крыму. — *Е. П.*)... и воевал против него... И они вышли из страны наподобие червей... Израиля, и умерло из них 90 человек... Но он заставил их платить дань (в тексте лакуны, поэтому полностью восстановить содержание невозможно. — *Е. П.*). И спас ... [от] руки русов и [поразил] всех оказавшихся из них (там) [и умертвил ме]чом. И оттуда он пошёл войною на Х-л-гу и воевал ... месяцев (Н. Голб предлагает реконструкцию «четыре месяца». — *Е. П.*), и Бог подчинил его Песаху. И нашёл он... добычу, которую тот захватил из С-м-к-рая. И говорит он: “Роман подбил меня на это”. И сказал ему Песах: “Если так, то иди на Романа и вой с ним, как ты воевал со мной, и я отступлю от тебя. А иначе я здесь или умру или (же) буду жить до тех пор, пока не отомщу за себя (или пока жив, буду мстить за себя)”. И пошёл тот против воли и воевал против Кустантины (Константинополя. — *Е. П.*) на море четыре месяца. И пали там богатыри его (мужи доблестные), потому что македоняне (то есть византийцы. — *Е. П.*) осилили (его) огнём. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, а пошёл морем в Ф-р-с, и пал там он и всё его войско. Тогда стали русы подчинены власти хазар».

Итак, император Роман Лакапин с помощью даров склонил на свою сторону некоего русского князя, которого звали Хелгу или Хельги, иными словами, Олег. Кстати, скандинавская форма этого имени, зафиксированная в современном источнике, показывает нам, что в этот период имя «Олег» звучало по-скандинавски (во всяком случае, именно в этой форме было известно окрестным народам). Хелгу назван в документе «царём» Руси, но этот титул совершенно необязательно означает именно верховного, киевского князя⁴². Так мог именоваться, в принципе, любой из князей. Подстрекаемый Романом, Хелгу ночью взял

хазарский город Самкерц (Тмутаракань) в то время, когда там не было военачальника-коменданта, и захватил богатую добычу. Здесь нужно иметь в виду, что Тмутаракань-Таматарха была портовым центром у Керченского пролива, контролируя, по сути, проход из Азовского моря в Чёрное, что обеспечивало ей важное торговое положение. Об этом узнал хазарский военачальник Песах, который, возможно, и был тем самым отсутствовавшим какое-то время наместником города или всей Боспорской области. Песах захватил некие три города, принадлежавшие византийцам, а затем пошёл на Херсонес. Очевидно, что все описанные военные действия разворачивались в Северном Причерноморье, в районе Крыма и Тамани, как раз в зоне соперничества Византийской империи и Хазарского каганата.

Разгромив византийцев, Песах начал воевать с Хелгу. Удача сопутствовала хазарскому полководцу, которому в конечном итоге удалось даже отбить захваченную в Тмутаракани (Самкерце) добычу. После этого Хелгу пришлось признаться, что он действовал по наущению Романа Лакапина. Под угрозой дальнейшей войны с Песахом Хелгу пошёл войной на Константинополь, но был разбит византийцами с помощью «греческого огня» — специальной горючей смеси, которая разливалась по воде и которую греки использовали для того, чтобы сжечь на море вражеские корабли. После этого поражения Хелгу с войском не вернулся на Русь, а двинулся морем в Ф-р-с, где и погиб. Под названием Ф-р-с традиционно и вполне справедливо усматривают Персию⁴³. «Тогда стали русы подчинены власти хазар» — эту фразу, конечно, нельзя понимать буквально; имеется в виду их военное поражение⁴⁴.

Далее в Кембриджском документе говорится о названии страны и её столицы, границах хазарского государства и перечисляются народы, воюющие с хазарами⁴⁵. К ним относятся: «Асия, Баб-ал-Абваб, Зибус, турки, Луз-ния». Далее текст обрывается. Под названием «Асия» подразумеваются асы, то есть аланы, о войнах с которыми рассказано в документе ранее; «Баб-ал-Абваб» — это арабское название Дербента; «Зибус» означает, вероятно, соседей аланов, зихов, живших на северо-западе Кавказа; «турки» (тюрки) — возможно, огузы или венгры. Последнее наименование «Луз-ния», по-видимому, восходит к слову «норманны»⁴⁶, которые в арабоязычной традиции (под именем «ал-урдуманийун» у продолжателей ал-Йа'куби или «луда'ана» у ал-Масуди) последовательно отождествляются с русами.

Таким образом, речь идёт о русах-варягах (норманнах), военное столкновение с которыми описывает выше тот же Кембриджский документ.

Рассказ анонимного еврейского автора о взаимоотношениях Хазарии, Византии и Руси обнаруживает яркие параллели с некоторыми событиями древнерусской истории первой половины 940-х годов. Прежде всего, морской поход русов на Константинополь, закончившийся гибелью флота от греческого огня, можно с уверенностью соотнести с походом Игоря на греков в 941 году. Повесть временных лет, опираясь на византийские источники, красочно описывает сожжение кораблей русов с помощью греческого огня, решившего исход всей кампании. Поход точно датируется 941 годом, то есть временем правления Романа Лакапина. Византийская хроника Продолжателя Феофана сообщает, что русы подошли к Константинополю 11 июня, а последнее сражение с ними произошло в сентябре⁴⁷. Следовательно, продолжительность похода 941 года практически совпадает с его сроками, указанными в Кембриджском документе. Правда, предводителем русского войска был Игорь. Это известно не только из Повести временных лет, но подтверждается и данными его современника Лиудпранда (который впоследствии стал епископом итальянского города Кремоны), побывавшего в византийской столице почти по «горячим следам» — в 949 году. В своей «Книге воздаяния» («Антаподосис») Лиудпранд упоминает короля русов Ингера (Игоря), который и возглавлял поход⁴⁸. Об Ингоре, отце князя Святослава (Сфендослава), приплывшем к Константинополю «с огромным войском», упоминает и византийский историк конца X века Лев Диакон⁴⁹. Поэтому нет никаких оснований сомневаться в том, что именно князь Игорь возглавлял поход. Ничего неизвестно и о причинах похода в том плане, как их описывает Кембриджский аноним. Вряд ли локальные стычки в Северном Причерноморье могли послужить реальным поводом для столь масштабной военной кампании киевского правителя.

Дальнейший поход разгромленного войска Хелгу в страну Ф-р-с, под которой подразумевается Персия, можно соотнести с известным походом русов на город Бердаа (Бардаа, находившийся в западном Прикаспии), который произошёл в 332 году хиджры, то есть в 943—944 годах. Подробное описание этого похода оставил персидский автор Ибн Мискавайх, писавший по-арабски в конце X — первой трети XI века⁵⁰. Он говорит о том, что русы вошли

в Каспий с Волги, но каким образом добрались до неё, не сообщает. Кембриджский аноним пишет, что Хелгу пошёл в Персию морем, то есть, очевидно, через Понт (Чёрное море). Возможно, русы снова двинулись на Каспий уже известным путём — через Чёрное море, Дон и затем Волгу. То, что этот поход был каким-то образом связан с походом Игоря в 941 году, вряд ли подлежит сомнению. Кембриджский документ описывает его как прямое продолжение неудачного похода на Византию. На самом же деле новый каспийский поход произошёл спустя какое-то время после похода 941 года, но, разумеется, эти подробности могли ускользнуть от внимания еврейского автора. По сведениям анонима, Хелгу и его войско погибли в Персии. Ибн Мискавайх также упоминает о гибели главы русов в одном из сражений, а кроме того, сообщает и о неудачном для русов завершении похода — потери русов, в том числе по причине некоей эпидемии, и постоянные стычки с воинами местного правителя заставили захватчиков уйти из Бердаа с богатой добычей и уплыть восвояси. В целом, как видим, информация Кембриджского документа находит прямые соответствия в других источниках.

Но имя, которое носит царь русов у Кембриджского анонима — Хелгу, то есть Олег, заставляло исследователей каким-то образом сопоставлять его с летописным Вещим Олегом. При этом дополнительными аргументами выступали обычно два обстоятельства. Во-первых, очевидная условность ранней летописной хронологии (тем не менее одна дата — 911 год — всё-таки надёжно связывается с Олегом). Во-вторых, рассказ и датировки Новгородской первой летописи, под которой (в этой её части) априори подразумевался Начальный свод, а следовательно, как бы и первоначальный, а значит, и якобы более достоверный информационный пласт. Замечу, что логическая связь «первоначальный — значит более достоверный» в принципе некорректна. Как раз, наоборот, именно рассказ Повести временных лет после проведённой летописцем тщательной исследовательской работы следует признать более достоверным, чем в значительной степени отрывочное и явно основанное на фрагментах устной традиции повествование Новгородской первой летописи.

Напомню, что согласно её рассказу, неудачный поход Игоря на греков имел место в 6428, то есть 920 году, что заведомо неверно. Под следующим годом говорится о сборе войска Игорем и Олегом (который по летописи, видимо,

всё продолжал оставаться воеводой киевского князя), а под 6430, то есть 922 годом рассказывается о победоносном походе Олега, вернувшегося «ко Игорю» с богатыми дарами. Год этого похода следовал из указания устного, очевидно, источника о том, что новый поход произошёл на третье лето после первого — по «включающему» счёту это и должен был оказаться 922 год. Но поскольку дата первого похода неверна, то и датировка «второго» также ошибочна. Итак, на даты Новгородской первой летописи можно полагаться ещё в меньшей степени, чем на даты Повести временных лет. Ясно, что неверна и изложенная в Новгородской первой последовательность событий, поскольку княжения Олега и Игоря, согласно текстам русско-византийских договоров, отделял значительный промежуток времени. Следовательно, неверные в принципе данные Начального свода не могут служить каким-либо аргументом для отождествления «каспийского» Хелгу с Вещим Олегом.

Если условно сгруппировать выдвигавшиеся по поводу личности Хелгу в науке версии, то можно выделить несколько «вариантов»⁵¹:

Хелгу — второе имя Игоря, которое он якобы мог носить или в качестве «основного» (Хельги Ингвар), или как своеобразный титул⁵². Этой версии противоречат два обстоятельства. Мы ничего не знаем о существовании традиции двойных скандинавских имён у первых древнерусских князей, поэтому предположение о втором имени Игоря носит чисто умозрительный характер. А информация о гибели Хелгу в Персии противоречит тому, что известно о гибели Игоря во время полюдья у древлян согласно Повести временных лет, чьи сведения подтверждает (и даже конкретизирует) «История» Льва Диакона.

Хелгу — это Олег Вещий. В этом случае возможны два варианта. Или автор Кембриджского документа механически соединил имя известного ему древнерусского князя с событиями, отношения к нему не имевшими (что объясняется самим характером этого послания, сведения которого представлены в определённом идеологическом ключе и некоем обобщающем виде)⁵³. Или же Хелгу — действительно Вещий Олег, участвовавший во всех описанных в документе событиях. Во втором случае может быть два пути решения хронологических несообразностей. Или за основу берётся хронология Новгородской первой летописи и поход Олега (Хелгу) на Византию, как и дальнейшая его гибель «за морем» (по сведениям Новгородской первой летописи; под

этим морем в данном случае подразумевают Каспий) датируются началом 920-х годов⁵⁴, или время правления Олега «продлевается» до начала 940-х годов⁵⁵. В этом случае Олег и Игорь оказываются соправителями, но самостоятельно княжить Игорь начинает только после неудачного похода 941 года и гибели Олега «за морем» (на Каспии). Следовательно, продолжительность самостоятельного правления Игоря оказывается минимальной (между 941 и 945 годами), а правление Олега искусственно сдвигается на период от 911 (когда был заключён договор с греками⁵⁶) до 941 года (походов, описанных в Кембриджском документе).

Первый путь выглядит совершенно искусственным, поскольку и хронология Новгородской первой летописи очевидно ошибочна, и никаких сведений о каком-либо походе руси на греков в 920-х годах не имеется (как нет оснований сдвигать к началу 920-х годов упомянутый ал-Масуди поход русов на Каспий, в этом случае сопоставляемый с походом Хелгу в Ф-р-с). Вторая версия опирается на главное основание — в Кембриджском документе в качестве предводителя воинства русов назван именно Хелгу (который и есть Вещий Олег) и этот Хелгу именуется «царём» («мелех») Руси. Между тем совпадение имён Хелгу и Олег не может само по себе служить основанием для отождествления Хелгу именно с Олегом Вещим. Имя «Олег» нельзя считать чем-то исключительным, и ничего невероятного в том, что в начальный период русской истории существовал ещё какой-то Олег (Хельги), нет. В том же договоре Игоря с греками 944 года упоминаются, например, два Игоря — дядя (киевский князь) и его племянник (от сестры)⁵⁷.

Сложнее обстоит дело с титулом «царь». С одной стороны, в Кембриджском документе не говорится, что Хелгу был именно киевским князем⁵⁸. С другой — вполне достаточно было обозначения киевского правителя в качестве «царя Руси» (как названы «великими князьями рускими» Олег и Игорь в договорах с греками). В источниках, написанных на древнееврейском языке, слово «царь» обозначает именно верховного правителя⁵⁹. В то же время Кембриджский аноним описывает события в сравнительно локальном пространстве, где действовал «царь» Хелгу, совершенно не затрагивая при этом и не подразумевая всю Русь (и остаётся неясным, каковы были его представления о Руси в целом). Титул «мелех Руси» может обозначать не обязательно верховного русского правителя, но любого «князя русского» — представителя правящей династии⁶⁰. Прини-

мая такую трактовку, мы снимаем главное противоречие, которое остаётся неизбежным при любых попытках увязать деятельность Хелгу с образом Олега Вещего и походом на Византию 941 года — в Кембриджском документе поход возглавляет Хелгу, во всех остальных источниках, включая и Новгородскую первую летопись (то есть Начальный свод) — только и исключительно Игорь. Итак, Хелгу-Олег мог быть русским князем, но совершенно необязательно киевским. Ещё меньше оснований отождествлять Хелгу именно с Олегом Вещим, основываясь, прежде всего, на совпадении имён.

Но если Хелгу — это не Вещий Олег, то кем он мог быть? На этот счёт также высказано несколько предположений. Гипотезу о том, что существовало два киевских князя с именами Олег, правивших один за другим до событий 941 года и до начала княжения Игоря, можно отвергнуть как чисто спекулятивную. Часть историков склонялась к мысли, что Хелгу-Олег был воеводой Игоря, военным предводителем, который после поражения в византийском походе не вернулся с Игорем на Русь, а отправился на Каспий, где и погиб⁶¹. М. И. Артамонов считал этого Хелгу предводителем варяжской дружины, нанятой Игорем для участия в походе⁶². Будучи сравнительно независимым и считая свою задачу выполненной, Хелгу мог «отколоться» от основного войска и отправиться на Каспий за новой добычей. Существование подобных полунезависимых дружин известно и в дальнейшем (например, дружина Свенельда). Правда, не вполне ясной остаётся датировка самого похода на Бердаа — есть большая вероятность его связи не столько с походом 941 года, сколько с заключением мирного договора 944 года⁶³, что, впрочем, не исключает каспийской активности русов независимо от успеха военной кампании против Византии. Предположению о том, что Хелгу возглавлял какую-то из русских дружин и был воеводой Игоря, противоречит, однако, наименование его в Кембриджском документе «царём Руси» (если только, конечно, автор был точен).

Если Хелгу действительно был одним из русских князей, то возникает вопрос — каким? Предположения о том, что он возглавлял некую Причерноморскую (Приазовскую) или Тмутороканскую Русь, умозрительны⁶⁴. Обосновывалась версия, что Хелгу мог быть каким-то местным князем на Руси — в качестве его возможного княжения называлась Черниговская земля⁶⁵. Это предположение ос-

новывается преимущественно на специфике дружинных древностей Черниговщины, в которых прослеживаются элементы степной, «хазарской» культуры, и постулируемой связи Черниговской земли с Хазарией и Тмутараканью до конца XI века. Правда, политическая связь Тмутаракани и Чернигова возникла только при князе Мстиславе Владимировиче в начале 1020-х годов, поэтому экстраполировать её на более ранний период не вполне корректно. Специфика же материальной культуры, имеющая некоторые хазарские влияния, вряд ли может быть надёжным основанием для сопряжения Хелгу именно с Черниговской землёй (напомним, что данниками хазар, согласно летописи, были не только северяне, но и другие восточнославянские общины; сам же Чернигов выступает как один из главных городов, подчинённых киевскому князю, уже в летописном рассказе о походе 907 года — там сидел некий князь, «под Олгом» сушией).

Поэтому более обоснованной кажется версия о том, что Хелгу-Олег «был одним из представителей правящего в Киеве княжеского рода»⁶⁶. Именно он был направлен Игорем в район Керченского пролива, захватил Самкерц, но остался зимовать в Причерноморье, возможно, в районе Днепровского устья⁶⁷. Как бы то ни было, Песаху удалось возратить захваченную Хелгу добычу и заключить мир с условием, что русы нападут на Византию. Сложно, однако, сказать, насколько военные события в Причерноморье могли послужить поводом для масштабного похода Игоря. Тем не менее Хелгу присоединился к этой кампании, а потерпев поражение, в отличие от Игоря, не вернулся на Русь, а ушёл на Каспий. В этом случае версия, учитывающая как сведения Кембриджского анонима, так и данные других источников (древнерусских, арабских, византийских, западноевропейских), оказывается наименее противоречивой. Можно согласиться с мнением о том, что «данные “Кембриджского документа” оснований для пересмотра политической истории Руси второй четверти X века не дают»⁶⁸, а упомянутый в этом источнике русский князь Хелгу никакого отношения к Вещему Олегу не имеет.

Глава пятая

КОНЬ

Р. Вагнер. «Гибель богов». Рагнарёк

Согласно тексту Повести временных лет, после похода на Константинополь Олег был прозван «Вещим» (что являлось до некоторой степени переосмыслением его скандинавского имени на славянской почве). Поводом к этому послужил, вероятно, отказ от отравленной пищи и вина, которые поднесли ему византийцы¹. Олег разгадал их коварные замыслы, чем вызвал у них изумление (второе, после перехода кораблей по суше, что, заметим, для русов вовсе не было удивительным) — равно удивляться могли и подданные Олега. Летописец, отрицательно, разумеется, относившийся к языческим предрассудкам, оправдывает прозвище тем, что люди были «погани и невеигласи», то есть язычниками и непросвещёнными. Поэтому предвидение и предусмотрительность Олега казались им сверхъестественными. Однако вещи способности Олега подверглись испытанию и оказались на самом деле фикцией, будучи «пересилены» «настоящим» ведовством — их «развенчанию» посвящена знаменитая легенда о смерти князя. Язычник Олег² принял кончину, предсказанную язычником-волхвом. В Повести временных лет рассказ об этом следует сразу же после рассказа о заключении договора с греками в сентябре 911 года.

«И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого прежде поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо спрашивал он волхвов и кудесников: “От чего я умру?” И сказал ему один кудесник: “Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездешь, — от него тебе и умереть!” Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: “Никогда не сяду на него и не увижу его больше”. И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько

лет, не видя его, пока не пошёл на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, — на пятый год помянул он своего коня, от которого волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: “Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?” Тот же ответил: “Умер”. Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: “Неверно говорят волхвы, но всё то ложь: конь умер, а я жив”. И приказал оседлать себе коня: “Да увижу кости его”. И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: “От этого ли черепа смерть мне принять?” И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемую Шековица; есть же могила его и доньше, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три»³.

Итак, перед нами цельный рассказ о смерти князя, связанной с предсказанием. Очевидно, что в его основе лежит устный источник, вписанный в структуру Повести временных лет, причём вписанный без корректировки самим летописцем — об этом говорит и повторение одних и тех же формул как в начале приведённого отрывка, так и в самом повествовании («помяну Олег конь свой, иже бе поставил кормити и не вседати на нь» — «Николи же всяду на нь, ни вижю его боле того. И повеле кормити...», «на пятое лето помяну конь»)⁴. Кроме того, обращалось внимание и на тот факт, что предсказание кудесника произошло за несколько лет до похода 907 года — а говорится о нём только в рассказе о смерти Олега. Этот аргумент, правда, довольно сомнителен: сложно было бы предположить, чтобы летописец поместил рассказ о предсказании волхва под какой-нибудь из «пустых» годов начала X века. Ведь сколько прошло лет от предсказания до похода, ему было неизвестно, а выдумками он явно не занимался, напротив, летопись во многих случаях демонстрирует предельно внимательное отношение составителя к имевшимся у него сведениям.

Границы устного предания о смерти Олега отделены от летописного повествования фразами «и помяну Олег конь свой, иже бе поставил кормити и не вседати на нь» («и вспомнил Олег коня своего, которого прежде поставил кормить, решив никогда на него не садиться») в начале и «И плакашася людие вси плачем великим...» («Оплакивали его все люди плачем великим...») в конце. Иными словами, начало и конец всего рассказа о смерти представляют

собой обрамления, сделанные летописцем для того, чтобы вписать предание в контекст летописи. Почему можно сделать такое предположение?

Со времён А. А. Шахматова замечено, что фраза, предваряющая легенду о смерти Олега в Повести временных лет — «И живяше Олегъ миръ имеа ко всем странамъ, княжа в Киеве. И приспе осень, и помяну...», — буквально повторяет фразу, с которой в летописи начинается рассказ о гибели преемника Олега, князя Игоря: «Игорь же нача княжити въ Киеве, миръ имеа ко всемъ странамъ. И приспе осень, и нача мыслити на деревляны...» А. А. Шахматов полагал, что такое повторение было механически перенесено летописцем в рассказ о смерти Олега из рассказа о смерти Игоря (читавшегося в гипотетическом Начальном своде)⁵. Игорь действительно погиб осенью во время полюдья, и этот факт можно считать вполне достоверным. С другой стороны, слова о княжении, «мир имеа ко всем странам», и в случае Игоря, и в случае Олега стоят в тексте летописи после рассказов о заключении мирных договоров с греками в 911 и 944 годах (и соответственно до рассказов о смерти обоих князей). Стандартный характер формулы в данном случае обусловлен самой структурой летописного повествования. Но если в гибели Игоря именно осенью сомневаться не приходится, то насколько достоверно аналогичное известие применительно к Олегу?

Весь рассказ о смерти Олега помещён составителем Повести временных лет в летописную статью 6420 года. В начале этой статьи говорится о заключении договора с греками и приводится его текст, затем рассказывается о пребывании русских послов в Константинополе и их возвращении на родину и потом следует легенда о смерти Олега. Статья 6421 года открывается словами: «Поча княжити Игорьъ по Олзе», то есть «после Олега начал княжить Игорь». Договор датирован 2 сентября 6420 года, то есть 911 года от Рождества Христова. Нет сомнения, что летописная статья 6420 года также подразумевает именно сентябрьский стиль эры от Сотворения мира (год начинался 1 сентября). Поскольку сентябрьский 6420 год длился с 1 сентября 911 года по 31 августа 912 года, а Олег умер осенью, то, значит, время его смерти следует датировать осенью 911 года. Это, со всей очевидностью вытекающее из летописного текста, наблюдение сталкивается, однако, с некоторыми противоречиями, отмечавшимися исследователями. Но противоречия эти на самом деле мнимы.

Историк литературы Аркадий Иоакимович Ляшенко (1871—1931), посвятивший легенде о смерти Олега специальную работу, отмечал, что «на пребывание послов в Царьграде после подписания договора (они осматривали святыни византийской столицы. — *Е. П.*), переезд их в Киев, доклад князю, наконец — на самый короткий период миролюбивой политики Олега в конце его княжения требовалось бы никак не меньше месяцев четырёх-пяти. Таким образом, если вполне следовать сообщению летописца, то придётся отнести время смерти Олега не на осень, а скорее на начало зимы. Но этому противоречит самая обстановка смерти Олега, которого могла ужалить змея не зимою, а скорее осенью или летом. Что Олег умер осенью, и говорилось, по всей вероятности, в народном предании»⁶. Примерно так же рассуждал и Дмитрий Сергеевич Лихачёв в своём комментарии к Повести временных лет: «Русские послы оставались в Царьграде некоторое время для его осмотра. Затем послам Олега требовалось некоторое время на возвращение в Киев. ... Ясно отсюда, что слова “и приспе осень” относятся к следующей осени — не 911 г., а 912 г. н. э. того же 6420 г. от “сотворения мира”»⁷. В последнем рассуждении учёный априори исходит из предположения, что летописец при описании событий IX—X веков использовал исключительно мартовский календарный стиль эры от Сотворения мира, согласно которому 6420 год продолжался с 1 марта 912 года по 28 февраля 913 года. В этом случае смерть Олега действительно можно отнести к осени 912 года, но тогда остаётся непонятным, почему летописец включил текст точно датированного договора с греками в статью 6420 года, а не предшествующего 6419-го, если действительно пользовался мартовским стилем. Только из-за того, что такая дата стояла в оригинале и он был не в состоянии перевести сентябрьский стиль на мартовский, действуя чисто механическим образом?

Однако и А. И. Ляшенко, и Д. С. Лихачёв слишком буквально понимают летописный текст. Осмотр послами константинопольских святынь наверняка входил в сам церемониал посольства и мог занимать не так много времени. Осенняя навигация до Киева, конечно, была небыстрой, но послы могли вернуться до наступления зимы (в противном случае им пришлось бы зимовать в устье Днепра). Фразу же о том, что Олег княжил, имея мир со всеми странами, вряд ли стоит понимать иначе, нежели некий риторический приём, которым летописец завершал информацию о

заключении русско-византийских договоров. Датировка начала княжения Игоря следующим, 6421 годом отвечает общей летописной традиции. Год смерти князя считался последним годом его правления, соответственно, начало нового правления отсчитывалось со следующего года (точно так же в Повести временных лет датировано начало княжения Святослава Игоревича). Однако летописец приурочил смерть Олега к 6420 году вовсе не случайно. Устное предание сохранило (как это следует из текста летописи) относительную датировку смерти князя — «на пятое лето» после похода на греков. Поскольку поход летописец датировал 6415 (907) годом, то и пятое лето после этого приходилось на 6420 год. Если же в устном предании действительно говорилось, что Олег умер осенью (а фольклорный вид зачина «и приспе осень» может в какой-то степени подтверждать это), то и летописную датировку смерти князя вряд ли можно считать случайной. Другое дело, насколько правдоподобно приурочение смерти от укуса змеи к осеннему периоду — но это уже следует отнести на счёт устной, фольклорной традиции.

Осень в качестве времени смерти Олега могла иметь и некоторые конкретные коннотации: «Смерть Олега осенью, во время осеннего полюдья, после заключения договора с греками, наводит на предположение о том, что и здесь (как и в случае с Игорем, убитым древлянами во время полюдья. — *Е. П.*) имел место конфликт с подвластными племенами, приобретший в предании мифологическую концовку: смерть — уход культурного героя»⁸. Предположение любопытное, хотя и недоказуемое (в какой-то степени оно согласуется с символическим значением змеи, как возможного атрибута Волоса, о чём пойдёт речь далее). В этом случае легенда о смерти Олега «затмила» его реальную историю — что, впрочем, характерно для всей истории этого князя.

Заключительное обрамление летописного рассказа о смерти Олега включает три компонента: плач подданных, захоронение в сохранившейся до времени летописца могиле и хронологический подсчёт продолжительности правления (от 6388 до 6420 года, включая последний). «Великий плач» по Олегу можно понимать как обычный элемент погребального обряда, тем не менее отразившийся в устной традиции⁹. Но такой же «великий плач» сопровождает летописное известие о смерти княгини Ольги: «И плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людьє вси плачемъ великомъ,

и несоша, и погребоша ю на месте». Летописец буквально повторяет практически те же «формульные» слова (то, что это литературная формула, подтверждает отсутствие указания на точное место захоронения Ольги)¹⁰. Но одинаковые словесные «штампы», использованные при описании погребения Олега и Ольги, лишний раз демонстрируют некоторую взаимосвязанность этих персонажей летописного повествования. «Мудрую» Ольгу и «вещего» Олега, несмотря на противоположность вероисповеданий, летописец провожает в последний путь одним и тем же словесным «обрамлением».

Указание на сохранившуюся могилу Олега на горе Щековица следует поставить в ряд других аналогичных указаний летописи (как, например, могилы Аскольда и Дира), представляющих собой своего рода «реальные» топографические и физические источники летописного текста. Эти указания выполняли также функцию подтверждения правдивости рассказа летописи. В то же время сами сюжеты увязывались с конкретными объектами, которые молва связывала с теми или иными историческими деятелями и событиями. Однако киевская «могила» Олега на Щековице не была единственной.

В Новгородской первой летописи содержится такое сообщение о смерти Олега (датированное условным 6430 годом): «Иде Олегъ к Новугороду, и оттуда в Ладогу. Друзии же сказуютъ, яко идущю ему за море, и уклюну змиа в ногу, и с того умре; есть могыла его в Ладозе»¹¹. Итак, Олег «ушёл» в Новгород, а потом в Ладогу, другие говорят, что за море, и «клюнула» (укусила) его змея в ногу, и от этого он умер, и в Ладоге сохранилась его могила. А. А. Шахматов, полагавший, что в тексте Новгородской первой летописи отразились более ранние этапы древнерусского летописания, нежели Повесть временных лет, считал, что первоначально существовало два варианта предания о месте смерти Олега — одно «за морем» и второе в Ладоге, а в тексте Новгородской первой оба варианта были искусственно совмещены: «Иде Олегъ к Новугороду и оттуда за море, и уклюну змиа в ногу, и с того умре» и «Иде Олегъ к Новугороду и оттуда в Ладогу и тамо умре, есть могыла его в Ладозе». Указание же на Щековицу было привнесено в летописную традицию составителем Повести временных лет¹².

Заметим, что в сообщении Новгородской первой летописи ничего не говорится о пророчестве, а сообщается только о том, что Олега укусила змея и от этого он умер.

Получается, что предание сохранило варианты места смерти князя и указание на её причину, в то время как сам сюжет о пророчестве стал известен только составителю Повести временных лет, приурочившему описываемые события к Киеву. Таким образом, «в рассказе Новгородской летописи сюжет смерти Олега свёрнут до одного мотива — укуса змеи; уже поэтому нельзя считать её текст первоначальным»¹³. И с этим наблюдением можно согласиться. По-видимому, местная традиция связывала с именем Олега разные локусы, что и нашло отражение в летописании. В Киеве — это была гора Щековица¹⁴, в Ладоге — другая «могила», вариант же со смертью за морем можно, по-видимому, считать принадлежностью устной традиции, связавшей древнерусскую легенду с древнескандинавской¹⁵ (об этом ниже). Кстати, курган, называемый «Олеговой могилой», в Ладоге существует и в наше время.

Наличие у Олега сразу двух «могил» — в Ладоге и на киевской Щековице — может объясняться не только местными легендами. Под словом «могила» в Древней Руси могло подразумеваться не только захоронение, но и поминальный холм, насыпь для совершения тризны. Когда в древнерусские города «дошла весть о смерти князя за морем, то в честь его должна была быть совершена тризна, для которой необходимо было насыпать “могилу”». Эти могилы и сохранили названия Олеговых до времён летописцев киевского и новгородского, которые, исходя из факта существования этих могил, и пришли к утверждению, что Олег умер на Руси (в Киеве или в Ладоге). В словах летописца новгородского чувствуется, однако, какое-то сомнение и недоумение, как согласовать два известных ему свидетельства: рассказ о смерти Олега за морем и существование его могилы в Ладоге; в тексте своей летописи он сохранил оба свидетельства»¹⁶.

Замечу, что этот момент лишний раз свидетельствует в пользу внимательного отношения летописцев к имевшемуся у них фактическому материалу, который сводился воедино. Между тем «могилы», представлявшие собой особые по размерам и/или значению погребальные насыпи, могли обозначать и крайние пределы владений Олега: «Одна из них — в Киеве, стольном городе, другая — в Ладоге или рядом с ней, первоначальным стольным городом». Следует иметь в виду, что именно Ладога и Рюриково городище являлись первоначальными экономическими и политическими центрами нарождавшейся Руси на севере, именно

отсюда начинались важнейшие торговые пути, в том числе и Путь из варяг в греки. Известие о существовании «могилы» Олега в Ладоге свидетельствует о древности этого явления, поскольку уже в середине X века роль ведущего центра на севере переходит к Новгороду. Следовательно, «могилы» маркировали две важнейшие точки «государствообразующей оси» на Пути из варяг в греки, север и юг, как раз и объединённые властью Олега¹⁷. Это наблюдение чрезвычайно существенно для понимания символического значения курганных сооружений, выполнявших важные коммеморативные функции.

Необходимо подчеркнуть и факт захоронения (реального или символического) князя именно на горе. Возвышенные места, видимо, выполняли определённую роль, наделяясь символическим смыслом и подчёркивая статус погребённого. На горе хоронят Аскольда, на горе же устраивают и «могилу» Олега. Первые киевские князья, Кий, Щек и Хорив, также «сидят» на горах. Именно горы в народной традиции сопрягались с образами князей и правителей. Итак, на летописные сообщения о месте смерти (и захоронения) Олега могли повлиять не только устные предания, но и конкретная топография. Именно такое топографическое указание и находится в заключительной части рассказа о кончине князя в Повести временных лет.

Присмотримся повнимательнее к самому этому рассказу, к его легендарному «ядру». Олег, сам будучи «вещим», спрашивал волхвов и кудесников, отчего он умрёт. Один из кудесников ответил, что князь умрёт от своего любимого коня. При этом, каким образом произойдёт смерть, кудесник не указал. Перед нами типичный для подобного рода фольклорных сюжетов мотив скрытого предсказания¹⁸ — предсказания, которое само по себе таит загадку. Отметим также, что это не просто какой-то конь, а любимый, княжеский — то есть потенциальная смертельная угроза исходит от существа, особенно близкого и «родного» для человека. Олег поверил предсказанию (как «вещий» князь он и должен был поверить, ибо люди были «погани и невеигласи») и сказал, что никогда не сядет на коня и даже не увидит его. Происходит удаление коня, при этом Олег не приказывает, к примеру, убить своего любимца, напротив, он велит кормить его и холить, но не приводить к нему. Угроза смерти вступает в противоречие с отношением Олега к коню, однако же удаление того, кто несёт эту угрозу, означает стремление отвести предсказанное, обезопасить себя от его

свершения. Далее несколько лет Олег не видит коня, пока не идёт в поход на греков. Возвратившись, на пятое лето он вспоминает о коне. Исследователи усматривают здесь эпизод «деяний героя»¹⁹. Мне же представляется, что указание на поход выполняет чисто хронологическую функцию — предание донесло сведения о смерти Олега вскоре после его похода, и поэтому летописец упомянул поход. Никаких иных «деяний» в легенде нет, а само время предсказания отнесено к неопределённому прошлому.

Вспомнив о коне, Олег призывает главного конюха и спрашивает, где его конь. Оказывается, что конь умер. И здесь Олег допускает глумление над сакральным — он смеётся и укоряет кудесника, заявляя о том, что волхвы лгут. При этом Олег не радуется тому, что удалось избавиться от угрозы, а отрицает саму её реальность, правдивость волхования в принципе. Это отрицание и приводит в конечном итоге к его гибели. Смех над сакральным, неверие в пророчества наказываются смертью героя. Олег решает самостоятельно убедиться в лживости пророчества. Он едет на место, где лежат кости и череп коня, и, увидя их, снова надсмехается над пророчеством — «От сего ли лба (то есть черепа. — *Е. П.*) смерть было взяти мне?». Происходит второе поругание сакрального. Не удовлетворившись словами, Олег совершает и прямое действие — он наступал ногой на череп. Таким образом он в третий раз глумится над волхованием, буквально попирая его «атрибут». Оскорбление действием уже не проходит безнаказанным. Из черепа «выникнувши» змея и «уклюну» Олега в ногу, то есть в то самое место, которым и совершено действие. После этого Олег разболелся и умер.

Троекратное надругательство над пророчеством, неверие в истинность предсказания оборачиваются его исполнением. При этом дважды Олег словесно смеётся над волхвами, а в третий раз совершает реальное действие. Тернарная структура ясно подчёркивает фольклорный характер всего рассказа. Точно такой же тернарный характер оказывается, по сути, у самого предсказания — Олег должен умереть от коня, но угрозу несёт его череп, из которого в свою очередь выползает змея. Конь — череп — змея обозначают, таким образом, триаду смертельных символов, связанных друг с другом как бы через функцию «вмещения», подобно фольклорной смерти в игле, которое находится в яйце и т. д. Примечательно и то, что смерть Олега наступает от мёртвого коня. Умерший конь приносит смерть и своему хозяину.

Сопряжение коня и всадника в некое единое целое в данном случае чрезвычайно показательно.

Итак, предание о смерти Олега состоит из целого ряда мотивов: предсказания, высказанного в неявной форме; попытки избежать угрозы путём удаления несущего эту угрозу объекта; мнимого устранения угрозы (в виде смерти этого объекта); троекратного надругательства над предсказанием, то есть сферой сакрального; осуществления предсказания после надругательства действием через неочевидную цепочку объектов, восходящих к первоначальному объекту (то есть собственно коню). Эта цепочка также троична по своему составу. Предание сохраняет и некую хронологическую веху, приурочивая смерть Олега к главному событию его княжения, оставшемуся в памяти — походу на греков.

После рассказа о смерти Олега в Повести временных лет идёт ещё один большой пассаж, посвящённый пророчествам библейской и античной истории, который начинается примечательными словами: «Се же не дивно, яко от волхования собывается чародейство» («Неудивительно, что от волхования сбывается чародейство»). Поскольку этот отрывок восходит к византийской хронике Георгия Амартола, практически дословно повторяя её славянский перевод, на него обычно не обращают большого внимания. Приводя рассказ о смерти Олега, летописец тем самым как бы оказывается в сложном положении — языческое предсказание всё-таки сбылось, значит, оно имело силу. И этот факт он пытается объяснить с христианской точки зрения²⁰. Неудивительно, что пророчество волхвов могло сбыться, пишет он и продолжает тему многочисленными примерами из древности. Первый пример — это Аполлоний Тианский, живший во времена римского императора Домициана (конец I века н. э.). Он всюду творил «бесовские чудеса»: изгнал из Византии множество змей и скорпионов, «и ярость конскую обуздal на глазах у бояр». Также он избавил Антиохию от скорпионов и комаров и предсказал землетрясение. При этом эти чудеса на самом деле были творимы бесом, «чтобы обольщать жалких людей, часто уловляемых на них дьяволом», а следовало бы не совершать действий, ожидаемых от него. «То всё попоушением Божиим и творением бесовским случается — всеми подобными делами испытывается наша православная вера, что тверда она и крепка пребывая подле Господа и не увлекаема дьяволом, его призрачными чудесами и сатанинскими делами». Далее упоминается о пророчествующих именем Господа Валааме,

Сауле, Каиафе и других библейских персонажах. При этом подчёркивается, что «и на недостойных многократно действует благодать», среди которых названы, в том числе, и правители — Фараон и Навуходоносор. Иными словами, летописец противопоставляет бесовское колдовство Аполлония Тианского (реального античного философа, якобы творившего чудеса и в этом смысле даже противопоставлявшегося Христу) пророчествам, исходящим от Бога и данным библейским персонажам, даже «недостойным». И так, пророчества могут исходить как от Бога, так и от дьявола, ради прельщения чудесами «не знающих доброго» людей. И в том, и в другом случае пророчество может сбыться, в чём нет ничего удивительного.

В хронике Георгия Амартола соответствующий пассаж находится в разделе о правлении императора Домициана²¹ — отсюда он и был взят летописцем. Что же привлекло его внимание? Очевидно, толкование языческих предсказаний и чудес в качестве бесовских. Но ясно и другое — упоминаемые чудеса Аполлония Тианского (не являющиеся, кстати, пророчествами) связаны со скорпионами и конями. Здесь «действуют» те же самые атрибуты, что и в легенде о смерти Олега. Кроме того, в тексте содержится увещание не совершать действий, ожидаемых дьяволом, при подобных пророчествах. Поскольку сами языческие чудеса имеют дьявольскую природу и посланы людям ради искушения. Язычник Олег, по сути, «поддался» пророчеству, первоначально поверив ему, и совершил некие действия, с ним связанные. За это его постигла смерть. Видимо, этот аспект хотел подчеркнуть летописец, вводя в заключение своего повествования отрывок из Георгия Амартола. Чародейство может сбыться от волхования, но это волхование имеет бесовскую природу. В какой-то степени смерть язычника Олега может неявно сопоставляться и со смертью язычника «Доментиана» (Домициана)²², хотя о самой смерти римского императора (и предсказании Аполлония в связи с ней) летописец не упоминает.

Интересно, что «скоропии» (то есть скорпионы) из рассказа об Аполлонии Тианском в позднем летописании перешли в известие о смерти Олега. В ряде летописей второй половины XV века известие о смерти Олега представлено следующим образом: в Ермолинской летописи — «В лето 420. Во осенине умре Олегъ, уядень скоропиею из главы мертваго коня своего, княживъ летъ 33 и погребень бысть на Щековице горе»²³; в «Летописце о 72-х языкъ»: «В лето

420. В осени Олег оумре оуяден скоропиєю из главы коня своего, княжив лет 33, погребен на Щековице горе»²⁴; в Сокращённых летописных сводах 1493 года: «В лето 6420. Умре Олегъ, уяден скоропиєю из главы коня своего, княживъ лет 33»²⁵, — и 1495 года: «Оумре Олегъ в лето 420, оуядень скорпиєю из главы коня своего, княживъ лет 33»²⁶. Очевидна общая летописная традиция этих известий, восходящая тем не менее к Повести временных лет, о чём свидетельствует указание на погребение в Киеве. В этой традиции легенда о смерти редуцировалась до краткого сообщения о том, что Олег умер от укуса «скоропии», вышедшей из главы коня.

Ещё один поздний мотив заставляет Олега приказать не просто отослать коня, а убить его. Эта деталь зафиксирована в Устюжской летописи, которая объединяет в данном случае и традицию Новгородской первой, и традицию Повести временных лет. Вот как изложена здесь история смерти князя: «И по сем (рассказ следует за сообщением о походе на греков. — *Е. П.*) иде Ольг к Новуграду и оттуду в Ладугу. Се же Ольг княжить лет 33, и умре от змия уяден, егда иде от Царяграда, перешед море и поиде полем на конех. Прежде сих лет призва Ольг волхвы своя и рече им: “Скажити ми, что моя смерть?” Они же реша ему: “Смерть твоя от любимого коня твоего”. Бе же у Ольга конь любим, на нем же всегда ездяше. И повеле отроком своим: “Да изведше его далече в поле и отсекут главу его, а самого повергнут зверем земным и птицам небесным”. Егда же от Царяграда иде полем, и наеха главу коня своего суху, и рече боляром своим: “Воистинну солгаша волхвы наша, да пришед в Киев, побию волхвы, яко изгубиша любимаго коня”. И слес с коня своего, хотя взяти главу коня своего сухую кость, и лобзат ю, понеж зжались по коне своем. И абие изыди из главы из коневы ис сухии кости змии, уязви Ольга в ногу по словеси волхвовы, ему ж они прорекоша: “Умре от своего любимаго коня”. И оттоле же розбалеса и умре. И могила его в Ладозе. Игорь же нача княжить»²⁷. Устюжская летопись была создана в первой четверти XVI века, её вторая редакция (так называемый Архангелогородский летописец) — в начале XVII века. В этой редакции известие о смерти Олега приведено без изменений²⁸.

Как видим, устюжский летописец добавляет сразу несколько деталей: Олег велит своим слугам убить коня, отсечь ему голову, а тело бросить на съедение зверям и птицам. «Встреча» Олега с конским черепом происходит на обратном пути из царградского похода (Олег идёт к Новгороду,

а оттуда в Ладугу). Убедившись в ложности предсказания, Олег намеревается казнить волхвов, ставших причиной гибели его любимца. Он жалеет убитого коня, берёт в руки его череп и даже целует его. В этот момент из черепа выползает змея, которая жалит Олега в ногу. Умершего Олега хоронят в Ладогe. Нет никакого сомнения в творческой работе летописца. Легенда о смерти превращена в трогательное повествование, расцвеченное некоторыми «бытовыми» деталями. Это уже не бережное сохранение устной легенды как в Повести временных лет, а литературное творчество позднего древнерусского историописания. Подобными подробностями изобилуют повествования и других летописей того же времени. Поэтому видеть в рассказе Устюжской летописи отголоски какого-то варианта первоначальной легенды абсолютно невозможно²⁹.

Сама по себе смерть Олега от укуса змеи во исполнение предсказания волхва выглядит необычной, чудесной. Это сближает её с другими, известными нам кончинами древнерусских князей языческого времени³⁰. Как умер Рюрик, неизвестно, и предание не сохранило этого рассказа. А начиная с Аскольда и Дира, русские князья умирают отнюдь не тривиально (гибнут в битвах, например), напротив, рассказы о их смерти представляют собой весьма запоминающиеся и любопытные случаи. Аскольд и Дир предательски убиты Олегом и его воинами, представлявшимися купцами. Олег умирает от укуса змеи, выползшей из черепа коня, что ему предсказывали в неявном виде волхвы. Игорь гибнет от рук древлян, во время осеннего полюдья. Из «Истории» Льва Диакона известно, что его привязали к двум наклонённым стволам деревьев и разорвали надвое. Святослав гибнет из-за печенежской засады на днепровских порогах, а из его черепа делают чашу. Притом все эти примечательные сюжеты находят типологические аналогии в рассказах древнескандинавской «Саги об Инглингах», открывающей масштабный свод саг «Круг Земной» Снорри Стурлусона³¹.

«Сага об Инглингах» рассказывает о нескольких поколениях этого рода, одного из самых знаменитых в Скандинавии — рода правителей Швеции и Норвегии. О большинстве этих конунгов неизвестно ничего, кроме обстоятельств их смерти. И эти обстоятельства столь же странны, необычны, а иногда и нелепы, как обстоятельства гибели древнерусских князей. Один из конунгов пьяным падает в чан с мёдом и тонет в нём, другой входит вслед за карликом в ка-

мень, третьего убивает вилами какой-то раб и т. д. Такие подробности показывают, что обстоятельства смерти сохраняются в устной традиции и зачастую являются единственными «фактами» жизни героев-правителей. То, как наступает смерть, особенно существенно и, как правило, это выглядит весьма своеобразно. По-видимому, уход в иной мир оказывался важнее конкретных деяний — во всяком случае, такова традиция мифоисторического повествования о древних временах. Та же особенность, следы которой сохранились и в летописном рассказе, роднит легенды о древнерусских князьях с легендарной историей скандинавских конунгов, отразившейся в сагах. Это показывает, что и предания о древнерусских князьях формировались на Руси в славяно-скандинавской среде, для которой были характерны определённые черты древнескандинавского историко-эпического восприятия.

Символичны и «атрибуты» смерти Олега. Как уже говорилось, их три — конь, череп (коня) и змея. Бесспорно, они носят хтонический характер. С одной стороны, конь представляет собой как бы символическое воплощение своего хозяина (недаром известны захоронения с конями в разных культурах, в том числе древнескандинавской и древнерусской). «Конь изначально является единосущным воину созданием, и в качестве самостоятельного персонажа конь может выступать лишь как маркёр всадника»³². С другой — конь во многих культурах Евразии, включая индоевропейцев, выступает и в качестве связующего звена между разными мирами — в этом отношении он, безусловно, связан с загробным миром³³. В славянской традиции конь также сопряжён с погребальным культом. Он являлся одним из жертвенных животных на похоронах. В фольклоре с его помощью герой преодолевает границу между мирами, попадая в далёкие волшебные страны и иные места (например, в Тридевятое царство). Согласно народным представлениям, конь даже может видеть смерть, что выражается в его беспокойном поведении. Очевидна связь коня с персонажами «низшей» славянской мифологии, в частности, с вилами (женскими духами, которые могли иметь конские ноги), русалками, домовым и т. д.³⁴ Конь использовался в гадательных практиках, существовали приметы и обряды, с помощью которых по поведению коня предсказывали будущее, усматривали предзнаменования в том или ином случае. Это касалось и смерти³⁵. Поэтому в легенде о смерти Олега конь, связанный с волхованием, выглядит чрезвычайно показательно.

Особый мотив — споткнувшийся конь как дурная примета, знак будущей беды или гибели. Ближайший по времени к Олегу пример можно найти в той же Повести временных лет³⁶. «Глеб тотчас же сел на коня и отправился с малою дружиною, потому что был послушлив отцу. И когда пришёл он на Волгу, то в поле споткнулся конь его на рытвине, и повредил Глеб себе немного ногу»³⁷. Речь идёт о князе Глебе Владимировиче, убитом в 1015 году по приказу Святополка Окаянного. Существенно, что в этом рассказе не только спотыкается конь, но и повреждается нога князя — всё это знаки скорой смерти, роднящие данный мотив с преданием об Олеге (конь как предзнаменование смерти и нога как её начало). Загробный мир у индоевропейцев нередко представлялся в виде пастбища, лугов, на которых пасутся божественные кони³⁸. Отправка Олегом коня на своего рода вольный выпас в какой-то степени также соотносится с этим образом. В гаданиях использовался и конский череп, который мог выступать и символом смерти, и выставленным напоказ оберегом (конский череп на шесте сопровождает жилище Бабы-яги в русских сказках, выполняющая важную сюжетную функцию)³⁹.

Связь со смертью и с нижним, загробным миром змеи, явного хтонического существа, ещё более очевидна⁴⁰. При этом возможно как противопоставление символов коня и змеи (единоборство всадника со змием-драконом), так и их сопряжение, известное со времён верхнего палеолита⁴¹. Соотнесённость змеи с миром мёртвых характерна и для славянской культуры⁴². Существенно, что именно змея выполняет роль «проводника» смерти в легенде об Олеге. В реконструкции «основного мифа» со змеёй/змием связан противник громовержца — в славянской традиции эту роль, по-видимому, играл Велес/Волос. В этом контексте смерть Олега от змеи, тем более приуроченная к Русскому Северу (Новгород, Ладога), может трактоваться как своеобразная месть со стороны Волоса, «скотьего бога», культ которого (в отличие от «дружинного» Перуна) связан со словенами. «Восприятие культа громовержца Перуна как дружинного культа божества... упрочивало позиции княжеской дружины — руси как господствующего слоя в формирующемся государстве. Но если признать, что Олег был первым, кто оказал предпочтение Перуну, обосновавшись в Киеве и оторвавшись от изначальной столицы в Новгороде, от опоры на словен, то его “мифопоэтическая” смерть от змеи, атрибута Волоса, может выглядеть как некая “расплата” со

стороны словенского бога»⁴³. Этот символический аспект важно иметь в виду, тем более что золото (богатство, в качестве атрибута Волоса) также традиционно связывалось со змеей/змеем, как и с загробным миром⁴⁴. «Мифологизированная смерть Олега в контексте социального и ритуального противостояния руси (княжеской дружины) и словен может быть соотнесена с ритуализированной смертью его наследника Игоря, казнённого восставшими древлянами» (также конфликт дружины-руси и славян)⁴⁵.

Рассматривая сюжет легенды в целом, нельзя не отметить его распространённости и аналогов. В самом общем смысле он отвечает хорошо известной фольклорной схеме — предсказание судьбы или смерти и попытки избежать её, как правило, безуспешные. Сказки такого сюжетного типа распространены очень широко, при этом зачастую смерть появляется из неожиданного места. Среди таких сказок и легенд можно обнаружить почти точные аналоги легенды об Олеге: смерть наступает от черепа животного (это может быть, к примеру, его рог), от укуса змеи, смерть жалит в ногу (или хватает за ногу). Герой, думая, что он избавился от «агента смерти», пинает или наступает на него (например, на тот же череп). Иными словами, сюжетная схема повествования о смерти Олега имеет фольклорный источник, а её детали можно обнаружить в сказках и преданиях довольно большого ареала (вплоть до Индонезии)⁴⁶. Нас, однако, должны интересовать схожие сюжеты в древнерусской традиции и культурах, близкого к ней ареала.

В русском фольклоре череп, несущий герою смерть, встречается в былинах о Василии Буслаеве. Так, былинный персонаж пинает лежащий на дороге человеческий череп, после чего тот предсказывает ему смерть. На Сорочинской горе Василий, несмотря на предостережение, скачет вдоль высокого камня и погибает: «Захотелось Василью вдоль скакать, / Разбежался, скочил вдоль по камню — / И не доскочил только четверти / И тут убился под камнем. / Где лежит пуста голова, / Там Василья схоронили»⁴⁷. Такие детали, как череп (правда, человеческий и говорящий), гора и пинок героя, сближают сюжет былины с легендой об Олеге, хотя полной аналогии здесь нет. Скакание вдоль камня, несмотря на предостережение, встречается в фольклоре и применительно к былинному Вольге (Олегу), при этом камень задевает подковами конь⁴⁸. Однако всё это лишь похожие примеры, показывающие фольклорную основу сказа о смерти от коня.

В западноевропейских легендах вроде бы встречаются близкие к летописному пассажию мотивы. Так, в немецком предании человек, которому предсказана смерть от коня, приказывает его убить и вывешивает шкуру во дворе. Когда же она высыхает, то герой сдёргивает её со словами: «Проклятая скотина, ведь не убила же ты меня!» — после чего шкура сваливается ему на голову и убивает. Этот рассказ служит объяснением одной немецкой поговорки⁴⁹ и явно создан непосредственно с этой целью (когда появилось само предание, не вполне ясно).

Более близкая, казалось бы, аналогия — кентская легенда «Серый дельфин»⁵⁰. Здесь колдунья предсказывает барону смерть от коня и барон убивает «Серого дельфина» (так звали коня). Спустя три года он снова видит колдунью, сидящую на лошадином черепе, которая исчезает. После этого раздосадованный тем, что поверил в предсказание, барон пинает ногой череп, который катится и падает в море. Но тут барон чувствует боль в ноге и оказывается, что зуб от черепа поранил ему палец правой ноги. От этой занозы барон умирает. Легенда была опубликована английским писателем Ричардом Бархамом (1788—1845) в его сборнике «Легенды Инголдсби» (Инголдсби — псевдоним литератора), опубликованном в конце 1830-х годов, и имеет подзаголовок «Легенда острова Шеппи» (остров у побережья графства Кент). Обративший внимание на это произведение уже упоминавшийся историк литературы А. И. Ляшенко считал его вполне аутентичным и, возможно, связанным с эпохой викингов, затронувшей средневековую Англию. Однако важно иметь в виду, что сборник Бархама представляет собой литературный памятник эпохи романтизма, когда создавались многочисленные стилизации и подражания средневековым легендам. Поэтому совершенно необязательно видеть в них «отголоски» фольклорной традиции — скорее, это литература по мотивам фольклора, столь популярная в период романтического отношения к национальному прошлому⁵¹.

Итак, следует признать, что прямых, непосредственных и достоверных аналогов летописной легенде о смерти Олега в фольклорной традиции Древней Руси и средневековой Европы не находится, за одним лишь, но принципиально важным исключением. Речь идёт о древнескандинавской «Саге об Одде Стреле» («Орвар-Оддс сага»).

«Сага об Одде Стреле» относится к числу так называемых «саг о древних временах» — одного из типов исландских саг, выделяемых в науке. Сам термин «саги о древних

временах» условен и был введён в научный обиход датским историком и филологом, публикатором произведений древнескандинавской литературы К. К. Равном (1795—1864) в конце 1820-х годов. «Саги о древних временах» повествуют о легендарной древнескандинавской истории — преимущественно героическом прошлом до эпохи викингов (хотя целый ряд саг этого типа затрагивает и её) и созданы сравнительно поздно, не ранее середины XIII века (существуют, впрочем, предположения и о более раннем времени их создания). Эти саги представляют собой в значительной степени произведения литературного, нежели исторического характера, они наполнены массой вымышленных персонажей, занимательных историй, зачастую сказочного типа, а реальное историческое прошлое отражено в них столь опосредованно, что в науке долгое время господствовало скептическое отношение к ним, как к источникам по истории древней Скандинавии (да и в самой скандинавской культуре такие саги даже называли «лживыми»). Тем не менее во многих из них отразились интересные сюжеты, связанные с Древней Русью. Такова и «Сага об Одде Стреле», которую причисляют к «викингским сагам» — одному из видов «саг о древних временах». «Викингские саги повествуют о странствиях своих героев в чужих странах в поисках богатства и приключений. Время действия в них обычно отнесено к эпохе викингов»⁵².

Создание «Саги об Одде Стреле» датируется концом XIII — началом XIV века (наиболее ранняя датировка — между 1265—1275 годами). Повествует же она о событиях X века. Самый ранний дошедший до нас список саги датируется началом XIV века (рукопись хранится в Королевской библиотеке в Стокгольме). В нём представлена так называемая краткая редакция памятника. Ко второй половине XIV века относится и ещё одна рукопись, содержащая промежуточную редакцию саги (отличающуюся от краткой). Однако известны и более поздние рукописи (две — XV века, одна — конца XVII века), в которых представлена пространная редакция. Эта редакция включает ряд интерполяций, повествующий как раз о событиях в Гардарики, то есть на Руси⁵³. Поразительный факт (хотя при более глубоком знании истории отечественной исторической науки ему и не приходится удивляться) заключается в том, что до сих пор отсутствует академический перевод саги (с комментариями) на русский язык, несмотря на то, что это один из важнейших источников, связанных с начальной историей Руси.

Ещё в конце XIX века был опубликован пересказ саги на русском языке в замечательном издании «Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращённых переводах с подлинных текстов», осуществлённом двумя выдающимися деятельницами русской культуры и науки рубежа веков — филологом, литератором и специалистом в области библиотечного дела Екатериной Вячеславовной Балобановой (1847—1927) и литературоведом Ольгой Михайловной Петерсон (1856—1919)⁵⁴. Отдельные фрагменты саги были переведены и опубликованы выдающимся скандинавистом Галиной Васильевной Глазыриной (1952—2016)⁵⁵. Наконец, полный перевод саги осуществлён Т. В. Ермолаевым и опубликован на интернет-сайте «Северная слава» («Norrœn Dúgð»), где представлен и древнескандинавский текст⁵⁶. В дальнейшем при цитировании я буду указывать авторов этих переводов.

Главный герой саги — норвежец Одд, который был сыном Грима Мохнатые Щёки и внуком Кетиля Лосося. «Историчность Одда вызывает сомнения»⁵⁷, но упоминается он не только в посвящённой ему саге, но и в других скандинавских источниках. Так, в «Саге о Гисли, сыне Кислого», которая относится к такому типу саг, как «саги об исландцах» или «родовые саги», упоминается Бьяртмар, который «был сыном Ана Красного Плаща, сына Грима Мохнатые Щёки, брата Одда Стрелы, сына Кетиля Лосося, сына Халльбьёрна Полутролля»⁵⁸. Бьяртмар является современником отца Гисли — Торбьёрна Кислого, а Гисли действует во второй половине X века, из чего можно заключить, что время жизни Одда приходится на начало этого столетия.

В роду Бьяртмара, кстати, несколько раз фигурирует имя Хельги. Хельгой звалась мать Ана Красного Плаща, то есть жена Грима Мохнатые Щёки (судя по «Саге об Одде Стреле», сам Одд родился от другой жены Грима, некоей Лофтены, если, конечно, считать её реальной личностью). У самого Бьяртмара был сын Хельги, а один из внуков дочери Бьяртмара Хильд также звался Хельги. Имя Хельги носил и третий сын правнука Кетиля Лосося, который также имел прозвище Лосось — эта генеалогическая цепочка шла от дочери «старшего» Кетиля — Храфнхильд⁵⁹. Родичи Халльбьёрна Полутролля, происходившего с острова Хравниста (Храфниста) у западного побережья Норвегии, упоминаются также в другой исландской родовой саге — «Саге об Эгиле». Отцу и деду Одда были посвящены самостоятельные саги, которые также относятся к категории

«викингских» — «Сага о Кетиле Лососе» и «Сага о Гриме Мохнатые Щёки»⁶⁰. Из них, в частности, известно имя отца Халльбьёрна Полутролля — Ульв Бесстрашный. В целом эти саги образуют целый цикл, который называют «Саги о людях из Хравнисты».

В «Саге о Хервёре и Хейдреке» (относится к числу «саг о древних временах») Одд Путешественник (которого также называли Одд Стрела) упоминается в качестве одного из участников битвы конунгов на острове Самсей (Самсё)⁶¹. Это событие упоминает и Саксон Грамматик в «Деяниях данов» — у него остров именуется Сампсо, а Орвар Одд назван Арвароддом и обозначен как «морской разбойник»⁶². Генеалогическая информация, сохранённая родовыми сагами (и, очевидно, бытовавшая в устной традиции), подтверждает историчность самого существования Одда Стрелы, хотя, разумеется, рассказ о нём в посвящённой ему саге обставлен массой фантастических подробностей. Обратимся к самой «Саге об Одде Стреле».

В начале её рассказывается о рождении героя, который появился на свет в Берурьёде (буквально «Поляна медведицы») — хуторе на юго-западном побережье Норвегии, во время поездки его родителей по делам наследства (после смерти отца матери Одда). В Берурьёде жил Ингьяльд, который принял Грима с женой, а потом потребовал в награду оставить Одда у себя на воспитание. Одд рос вместе с сыном Ингьяльда Асмундом, который был старше его на три года — по сути дела они стали побратимами. Оружием Одда были колчан и лук, а его стрелы «были длиннее и больше, чем у других людей».

Когда Одду было 12 лет, а Асмунду 15, произошло событие, ставшее началом самостоятельной жизни Одда. Ингьяльд решил пригласить на пир вёльву (прорицательницу) и колдунью Хейд, причём хотел послать за ней Одда, но тот отказался. Тогда приглашение передал Асмунд. Хейд приехала в Берурьёд, после пира ночью осуществила колдовство, а утром стала предсказывать каждому его судьбу. Первым подошёл Ингьяльд, потом Асмунд, а потом остальные. Одд же отказался выйти к колдунье (сага особо подчёркивает, что он верил только в свои собственные силы и не приносил жертв богам — такое презрение к языческим обрядам объясняется дальнейшим повествованием саги). После того как колдунья закончила предсказание, она обратилась к присутствовавшим с вопросом: «Все ли, кто здесь есть, подходили сюда?»

«— Я полагаю, почти все, — ответил Ингьяльд.
— Что лежит там на скамье? — спросила вёльва.
— Какой-то плащ, — сказал Ингьяльд.
— Мне кажется, что он время от времени шевелится, когда я смотрю на него, — заметила она.

Тогда лежавший сел и сказал:

— Тебе правильно кажется, что это человек, и это человек, который хочет, чтобы ты скорее замолчала и не болтала о моей судьбе, потому что я не верю тому, что ты рассказываешь.

Одд держал в руке палку и сказал:

— Этой палкой я ударю тебя по носу, если ты предскажешь что-нибудь о моих делах.

Она ответила:

— Однако я скажу тебе, а ты будешь слушать» (пер. Т. В. Ермолаева).

Дальше колдунья пропела песнь, в которой предсказала, что Одд будет странствовать в чужих краях, но умрёт в Берурьёде оттого, что его укусит в ногу змея, которая выползет из черепа его коня Факси. Затем она сказала, что Одду «предназначено прожить дольше, чем другим людям: «Ты проживёшь три сотни (в другом варианте 100) зим, будешь путешествовать (странствовать) из страны в страну и всегда будешь считаться величайшим там, куда придёшь. Твой путь пройдёт по всему миру, но как бы далеко ты ни оказался, умрёшь ты здесь, в Берурьёде. Здесь в конюшне стоит серый конь с гривой другого цвета; его голова станет твоей смертью» (пер. Г. В. Глазыриной). В гневе Одд ударил колдунью палкой по лицу, да так сильно, что на землю брызнула кровь. Ингьяльду пришлось богатыми дарами заглаживать вину.

Несмотря на то, что Одд отрицательно отнёсся к предсказанию, он решил всё-таки обезопасить себя, а вернее, сделать так, чтобы пророчество наверняка не смогло исполниться. Вместе с Асмундом они пошли к Факси, надели на него уздечку и повели в какую-то узкую долину. Там вырыли глубокую яму в два человеческих роста, убили Факси и бросили туда. Потом завалили это место большими камнями, а щели между ними заделали грязью и песком. Насыпав таким образом курган, Одд сказал: «Вряд ли осуществится то пророчество, что Факси принесёт мне смерть» («Я думаю, что это будет работа троллей, если Факси выйдет оттуда, и ещё кажется мне, что я избегну того, что Факси принесёт мне смерть») (пер. Г. В. Глазыриной). Показательно,

что названные братья стараются наверняка не допустить осуществления предсказания — коня закапывают очень глубоко, фактически замуровывают, подобно тому как заваливают камнями «погребения колдунов и людей, в которых вселился злой дух, чтобы они не могли вредить живым»⁶³. Интересно, что сказание об Одде продолжало жить и в позднейшей скандинавской традиции, причём очень долго, вплоть до середины XIX века⁶⁴. В поздних интерпретациях коня сбрасывают в озеро или в болото (в последнем случае болото высыхает и обнажает конский череп)⁶⁵.

В древнегерманской и древнескандинавской мифологии конь играет столь же важную роль, что и у славян. Культ белого коня зафиксирован у германцев ещё Тацитом (I век н. э.), причём конь выполнял функции предсказания: «Ведь и здесь (то есть в Древнем Риме. — *Е. П.*) также принято отыскивать предвещения по голосам и полёту птиц; но лишь у германцев в обыкновении обращаться за предсказаниями и знаменами также к коням. Принадлежа всему племени, они выращиваются в тех же священных дубравах и рощах, ослепительно белые и не понуждаемые к каким-либо работам земного свойства; запряжённых в священную колесницу, их сопровождают жрец с царём или вождём племени и наблюдают за их ржанием и фырканием. И никакому предзнаменованию нет большей веры, чем этому, и не только у простого народа, но и между знатными и между жрецами, которые считают себя служителями, а коней — посредниками богов»⁶⁶ (подобный же культ белого коня существовал позднее и в святилище западнославянского бога Свентовита в Арконе на острове Рюген). В древнескандинавской мифологии «конь является атрибутом высших скандинавских богов, Одина (у него был чудесный восьминогий конь Слейпнир) и, возможно, Фрейра. Поэтому в скандинавских культах практиковалось жертвоприношение коня и ритуальное поедание его мяса. Одновременно конь выступает в качестве хтонического существа, связанного с культами плодородия и смерти, с загробным миром, является проводником на «тот свет». «Так, в скандинавской мифологии Хермод пересекает мост Гьялларбру, ведущий в Хель (царство мёртвых), на коне Одина Слейпнире. В родовых сагах отмечены магические ритуалы, в которых используется конский череп»⁶⁷. Как видим, типологически здесь много общего со славянской традицией.

Для нас же наиболее важны два обстоятельства — использование коня в предсказаниях и ритуальное жертво-

приношение коня. Оба мотива нашли отражение в сказании об Оdde. Конь (точнее, конский череп) выступает в качестве важного элемента предсказания (хотя в самой гадательной практике не используется), а убийство коня Оддом и Асмундом сродни жертвоприношению животного, его посвящению богам для получения их благосклонности (и возможности отвлечь силу предсказания), хотя сам Одд и выступает в саге в качестве неприязненно относящегося к языческим культам героя. Существенна и связь коня со смертью и загробным миром, проводником в который оказывается для Одда именно Факси (как и для Олега его конь). Имя коня — от древнеисландского «грива» — символично. Оно широко используется в скандинавской мифологии в качестве обозначения коня как такового⁶⁸.

Избавившись от коня, Одд и Асмунд отправляются странствовать по свету. От своего отца Грима Одд получил в подарок три волшебные стрелы, принадлежавшие ещё его деду Кетилю Лососю. Эти стрелы никогда не давали промаха и могли после выстрела возвращаться к своему владельцу. По этой причине Одд и получил прозвище «Стрела». Одд с Асмундом побывали в земле финнов (саамов), в Бьярмаланде (Биармии на побережье Белого моря), вошли со своими кораблями в Вину, то есть Северную Двину, где воевали и захватили богатую добычу. Поездка Одда в Бьярмаланд заставляла исследователей сопоставлять рассказ саги об этом с известным описанием путешествия норвежца Отгара, которое произошло в 870—880-х годах и отразилось в древнеанглийском переводе произведения римского автора начала V века Павла Орозия «История против язычников». Перевод осуществил в конце 890-х годов английский король Альфред Великий, который переработал текст Орозия и включил в него рассказы о плаваниях двух путешественников, в том числе Отгара, причём рассказ был, по-видимому, записан со слов последнего. Оттар происходил из северной области Норвегии Халогаланд (Холугаланн) и отправился в плавание, по-видимому, с промысловыми целями. Он побывал в Финнмарке у саамов, а затем обогнул Скандинавский полуостров с севера и вошёл в Белое море, впервые оказавшись в земле «беормов», то есть бьярмов, в Бьярмаланде⁶⁹. Сходство имён (Оттар — Одд) и маршрута начального (для Одда) путешествия позволило сопоставить рассказ о путешествии Отгара с сагой, в которой могло отразиться это событие⁷⁰ (хотя и после Отгара скандинавы плавали в Бьярмаланд).

Потом Одд и Асмунд оказались в земле ётунов (великанов), где сразились с великаншей Гнейп, которую Одд ослепил (великаны кидали камни в лодку Одда). Мотив встречи с великанами типичен для фольклорно-литературных рассказов о плаваниях — Одиссей во время своих скитаний побывал на острове циклопов и ослепил Полифема (который потом попытался убить Одиссея, сбросив на его корабль огромный камень); Синдбад Мореход во время своего третьего путешествия также попадает на остров великанов, где ослепляет одного из них, который затем вместе с великаншей пытается убить Синдбада и его спутников, бросая в их корабль камни.

Затем Одд и Асмунд воевали с викингами в Норвегии, плавали в Шотландию и Ирландию, где Асмунд погиб от стрелы, выпущенной врагами из леса. После многих приключений (среди которых участие в битве на острове Самсей) Одд достиг Сицилии, где принял христианство, и даже пытался добраться до Иерусалима (правда, безуспешно). Принятие Оддом христианства являлось важным сюжетообразующим мотивом саги — странствия Одда, скептически относившегося к язычеству, были одновременно путём ко Христу. В этой связи понятны мотивы неверия Одда в языческие пророчества (как в случае с предсказанием Хейд) и невыполнения им языческих обрядов. Эта «христианизирующая установка» автора саги относится уже, конечно, к XIII веку, поэтому отказ Одда выслушать Хейд является поздним «напластованием», а не принадлежит древнейшему преданию о его смерти⁷¹. К нему как раз, вероятно, относится другая сквозная идея саги — Одд предстаёт человеком, бросившим вызов судьбе. Надеясь только на собственные силы, он пытается бороться с судьбой, и этот мотив кажется принципиально важным для всех его злоключений⁷². Эта попытка преодолеть предначертанное заканчивается поражением Одда, пророчество исполняется.

После различных странствий Одд оказывается в стране конунга Херрауда. Судя по тексту саги в разных редакциях — это или Хуналанд, то есть страна гуннов (краткая редакция), или Гардарики (промежуточная и пространная редакции). Оттуда, чтобы жениться на дочери конунга, он совершает поход в страну Бьялкаланд, то есть землю белок, пушных зверей, где правит конунг Альв, отказывавшийся платить дань Херрауду. Поход завершается успешно (помимо всего прочего Одд уничтожает в Бьялкаланде языческие

капища), после смерти Херрауда Одд становится правителем его страны и женится на дочери конунга Силькисив. «А в то самое время пришла новость, что умер конунг Херрауд, и воздвигнут по нему курган. Велит тогда Одд устроить поминки, когда он вернётся. А когда подготовлены были поминки, выдал Харек (советник Херрауда. — *Е. П.*) замуж за Одда дочь конунга, и пили за всё сразу — и поминная конунга, и радуясь свадьбе. И на той же самой вейсле был дан Одду титул конунга» (пер. Г. В. Глазыриной). От этого брака у Одда родились двое сыновей. Одного из них назвали Асмундом в честь побратима Одда, а другого Херраудом в честь деда по матери.

Имя жены Одда Силькисив буквально означает «шёлковая Сив» (имя скандинавской богини, супруги бога Тора) и известно ещё по одной саге — «Саге об Ингваре Путешественнике», датируемой также XIII веком. «Сага об Ингваре» рассказывает о походе шведов во главе с родственником шведской королевской династии Ингваром Эймундсоном на Восток. Поход состоялся в начале 1040-х годов и, бесспорно, является реальным историческим событием (он подтверждается сравнительно многочисленными руническими надписями). Однако в саге путешествие Ингвара описано в полуфантастическом ключе, поэтому за её повествованием сложно (хотя и возможно) разглядеть реальный исторический контекст. Сначала Ингвар оказывается на Руси (Гардарики) у конунга Яришлейва (Ярослава Мудрого), где живёт несколько лет. Затем отправляется дальше в Аустррики (восточные страны) и где-то на этом «Восточном пути» (Аустрвег) оказывается в королевстве некоей Силькисив. Её земля ассоциируется исследователями с Сёркландом (землёй сарацин, то есть мусульман), однако точная топография пути Ингвара не может быть установлена на основании саги, и поэтому считается, что поход мог иметь своей целью какие-то южные или восточные земли, среди которых называют Константинополь, Малую Азию, Хорезм или даже Палестину. Для нас, однако, важно имя королевы Силькисив, которое сближает её с героиней «Саги об Одде Стреле». Поскольку и в той, и в другой сагах Силькисив каким-то образом сопряжена с «русскими» сюжетами, а её королевство находится на Востоке, учёные ставили вопрос о заимствовании имени из одной саги в другую. В то же время можно предположить и общий источник — какое-то устное сказание, которое имело отношение к Руси и отразилось в обеих сагах⁷³.

Далее в «Саге об Одде Стреле» имеется более поздний, вставной эпизод, в котором рассказывается о действиях Одда на Руси. Они происходят через «семь зим» после похода в Бьялкаланд и женитьбе на Силькисив. «Пришло известие, что тот конунг (имя его в саге не названо. — *Е. П.*), который был на востоке в Хольмгардах (то есть Новгороде. — *Е. П.*), неожиданно умер, но там захватил власть неизвестный человек, которого зовут Квилланус, и стал он там верховным конунгом». Этот Квилланус носил маску, и его никто не видел с открытым лицом, откуда он взялся и кем был, никому не было известно, и Одд отправился в Гардарики, чтобы узнать, кто он такой. «Гардарики — такая большая страна, что были тогда там владения многих конунгов: Марро звался конунг, он правил Морамаром (Муромом), та земля находится в Гардарики; Радстав звался конунг, и там, где он правил, [земля] называлась Радстова (Ростов); Эддвал звался конунг, он правил тем владением, которое называется Сурсдаль (Суздаль); Холмгейр звался тот конунг, который вслед за Квилланусом правил Хольмгардом; Палтес звался конунг, он правил Палтескьюборгом (Полочком); Кёнмар звался конунг, он правил Кёнугардами (Киевом), а там сначала жил Магог, сын Иафета, сын Ноя. Все эти конунги, которые сейчас названы, давали дань конунгу Квилланусу»⁷⁴.

Как установлено, перечень древнерусских городов здесь почти полностью совпадает с аналогичным перечнем в скандинавском географическом сочинении «Какие земли лежат в мире» (вторая половина XIII — начало XIV века), причём сохранена даже их последовательность⁷⁵. Разумеется, имена «русских» конунгов совершенно фантастичны⁷⁶ и образованы от названий самих городов — обычная традиция, призванная объяснить эти названия и хорошо известная, в том числе и на древнерусском (восточнославянском) материале (имена Кия с братьями и сестрой, «объясняющие» название Киева и местную городскую топонимию). Квилланус оказался давним врагом Одда — Эгмундом Убийцей Эйтъова. Между ними произошла битва, в которой Одд убил всех конунгов, подчинённых Квилланусу, но и сам потерял всех своих людей. Битва закончилась с наступлением ночи, Квилланус вернулся с небольшой горсткой людей в свой город, где правил ещё несколько лет, а Одд отправился в своё государство. Этот «русский» сюжет саги опосредованно сближает образ Одда с Русью, тем более что и страна, которой он правит, может отождествляться с Гардарики.

Заканчивается сага рассказом о смерти Одда. Однажды Одд решил побывать в Хравнисте, чтобы узнать, кто теперь владеет принадлежавшими ему там по праву рождения землями. Силькисив пыталась отговорить мужа, ссылаясь на то, что ему принадлежит огромная страна, и нет нужды заботиться о каком-то далёком островке. Но Одд остался непреклонен и всё-таки отправился в Норвегию. Приплыв в Хравнисту, Одд был радушно встречен родичами, которым и отдал в собственность все свои владения там. Затем он тронулся в обратный путь и проплывал мимо Берурьёда. Здесь Одд решил сойти на берег и посмотреть на места, где он родился и провёл детство. Хутор Ингьяльда был давно заброшен, а в тех местах, где Одд и Асмунд когда-то стреляли из лука, плавали и проводили время, были лишь запустение и голая земля.

Показав своим спутникам все приметные знаки своего детства, Одд стал возвращаться на корабль со словами, что смотреть здесь больше нечего, хотя увидеть это стоило. На пути к морю «вокруг них была лишь заросшая осокой земля и небольшое возвышение впереди. И когда они быстро шли, ударился Одд ногой и нагнулся. “Что это было, обо что я ударился ногой?” Он дотронулся остриём копья, и увидели все, что это был череп коня, и тотчас из него взвилась змея, бросилась на Одда и ужалила его в ногу повыше лодыжки. Яд сразу подействовал, распухла вся нога и бедро. От этого укуса так ослабел Одд, что им пришлось помогать ему идти к берегу, и когда он пришёл туда, сказал он: “Вам следует теперь поехать и вырубить мне каменный гроб, а кто-то пусть останется здесь сидеть подле меня и вырежет рунами тот рассказ, который я сложу о деяниях своих и жизни”. После этого принялся он слагать рассказ, а они стали записывать на дощечке, и как шёл путь Одда, так шёл рассказ [следует скальдическая виса]. И после этого умирает Одд» (пер. Г. В. Глазыриной)⁷⁷. Одд был похоронен в каменной гробнице в Берурьёде, весть о его смерти спутники принесли Силькисив, которая продолжила править страной до тех пор, пока сыновья Одда не смогли принять власть. «Сейчас существует большой род, который произошёл от детей Одда и Силькисив» (пер. Г. В. Глазыриной). «Тогда стала она сама управлять землёю гуннов вместе со своим сыном. Очень знаменитый человек вышел со временем из этого сына Одда» (пересказ по книге О. М. Петерсон и Е. В. Балобановой). Иными словами, потомки Одда и Силькисив стали знаменитыми, хотя их имена в саге и не названы.

Итак, сага завершается исполнением предсказания, которое было дано в самом начале. Рассказ о смерти Одда как бы обрамляет всю композицию. Помимо общего предсказания, роль «циклических» маркеров выполняют и некоторые детали. Так, Одд решает ехать на родину, чтобы узнать, что случилось с его родовым наследством. Появление же Одда на свет связано с поездкой его родителей для решения аналогичных наследственных дел. Таким образом, и рождение героя, и его смерть оказываются соотнесены с мотивом поездки за наследством (то есть «подтверждения» родового статуса). И в том, и в другом случае Берурьёд был лишь более или менее случайной остановкой на пути. Одд умирает в том же месте, где и родился. Некогда цветущий хутор представляет собой теперь голое пепелище, окружающая среда служит символическим воплощением смерти. Предсказание вёльвы сопряжено с ударом, который Одд наносит ей палкой по лицу (тем самым жестоко оскорбив её). Исполнение предсказания также сопровождается ударом — копья о череп коня, то есть тоже о «лицо», только мёртвое⁷⁸. Тем самым Одд как бы вторично «оскорбляет» пророчество. Всё это ясно свидетельствует о вполне самостоятельном характере «обрамления» саги — предания о смерти скандинавского героя (сюжетно практически не связанного с рассказом о его деяниях). Так же как и рассказ об Олеге, легенда о смерти Одда была связана и с конкретными топографическими ориентирами — в Берурьёде ещё в начале XVIII века сохранялось предание о месте погребения Одда⁷⁹.

История смерти Одда имеет очевидные, неоднократно описанные параллели с древнерусской легендой о смерти Олега. Причём, в отличие от всех остальных подобных преданий, эта аналогия наиболее близкая. В самом деле, идентичны «агенты смерти» — конь, череп и змея. Деяния Одда (несмотря на всю их очевидную фантастичность) связаны (в том числе и именно) с Русью, причём Русь оказывается завершающим локусом этих деяний. «Этот мотив особенно тесно связывает образы Олега и Одда: первый является, а второй изображён русским князем скандинавского происхождения, который получает свои владения не по наследству, а завоевывает их в борьбе с местным правителем»⁸⁰. Сообщение саги о том, что Одд умирает у себя на родине, разумеется, находит аналогию в известии Новгородской первой летописи о смерти Олега «за морем». Удар копьём Одда о череп Факси близок к действию Олега, на-

ступившего на череп своего коня ногой. Именно нога в обоих рассказах становится своеобразным «проводником» смерти. Обращалось внимание даже на имя сына и наследника Одда — Асмунда. Ведь аналогичное скандинавское имя носит древнерусский Асмуд, «кормилец» (то есть воспитатель) князя Святослава Игоревича, выполнявший функцию, подобную той, которую выполнял Олег при отце Святослава — князе Игоре. Все эти детали ясно указывают на связь рассказов саги и летописи — иными словами, эти рассказы восходят к одному (или схожим) устному преданию. Вопрос в том, какой из источников первичен — повлияла ли легенда, зафиксированная в летописи, на сагу, или наоборот.

Исследователи решали эту проблему по-разному. Высказывалась версия о первичности древнерусской легенды, которая затем была привнесена в Скандинавию. «Рассказ о смерти, заимствованный из русских преданий, сопровождался, вероятно, и некоторыми другими воспоминаниями о личности Олега, которые с течением времени переработались в происшествия в Гуналанде и поход в Биалькаланд»⁸¹. Обосновывалась и иная гипотеза — «летописное сказание является заимствованным из скандинавского предания, а не наоборот, при этом Одд непосредственно отождествлялся с Олегом (разные имена объясняются тем, что у Одда могло быть прозвище Хельги («священный»), подобно тому как у летописного Олега — Вещий)⁸². Наконец, высказывалась версия и об общем источнике обоих преданий — на Руси варяги отнесли легенду к личности Олега, а в Норвегии оно было приурочено к личности Одда⁸³.

Как уже неоднократно отмечалось, между преданиями о смерти Олега и Одда есть определённые различия. В древнерусском варианте Олег сам обращается за предсказанием к волхвам, в древнескандинавском Одд отказывается слушать колдунов и даже бьет её по лицу. Эта особенность может объясняться общей «христианизирующей» концепцией саги, что позволяет считать древнерусский вариант в данном случае исконным⁸⁴. В древнерусском варианте предсказание высказано в неявной форме и без конкретной локализации его осуществления. В древнескандинавском прямо указывается на непосредственный источник смерти и говорится о её месте (там же, где родился герой). Рудиментом более развёрнутой «экспозиции» легенды можно считать летописное указание на смерть Олега за морем, то есть на его родине.

Конь Олега — любимый его конь, Факси — очевидно, лишь один из коней (хотя и выделяющийся среди других)⁸⁵. В древнерусском варианте Олег просто отсылает коня от себя, в древнескандинавском Одд и Асмунд убивают Факси, да ещё и хоронят его так, чтобы он уж наверняка не мог принести вред. Это различие существенно, но, видимо, объясняется самим «статусом» коня. Олег не может приказать убить своего любимца (вероятно, имевшего также некий символический характер живой княжеской «регаллии»), Одд без сожаления расправляется с одним из коней Ингьяльда. В древнерусской легенде, ещё раз подчеркну, полностью отсутствовал мотив убийства коня и даже его отголоски (сведения поздних летописей являются плодом «учёного» домысливания). Рассказы о смерти героя и в древнерусском, и в древнескандинавском вариантах практически идентичны. Анализ конкретного содержания легенд приводит к выводу о том, что «сюжет о смерти героя от укуса змеи, выползшей из черепа коня, был изначально связан с именем князя Олега, скандинава по происхождению». Он зародился в варяжской дружинной среде на Руси и затем был принесён в Скандинавию «теми скандинавами, которые возвращались на родину после службы в дружинах древнерусских князей, и позднее был приурочен к имени викинга Одда»⁸⁶.

Древнерусское происхождение легенды, казалось бы, может подтверждаться и некоторыми типологическими параллелями, которые она находит с преданиями и обычаями народов степной полосы. В традициях тюрко-монгольских кочевников-скотоводов обнаружены мотивы, схожие с некоторыми деталями летописного рассказа. Сред них посвящение коня духам, «что выражается в удалении и дальнейшем неиспользовании посвящённого животного» (при этом коню об этом надо сказать), причём конь должен быть определённой масти (как и Факси в легенде об Одде). А также запрет наступать на череп посвящённого коня (да и вообще на черепа домашних животных) ногами, за что можно поплатиться болезнью и несчастьями. Эти мотивы — отсылка коня на вольный выпас, запрет наступать на его череп — столь очевидные в древнерусском предании, позволяющие усматривать влияние восточной, тюркской традиции⁸⁷. Однако остаётся неясным, каким образом традиции тюрко-монгольских кочевников могли повлиять на варяжскую легенду, сложившуюся на Руси не позднее второй половины XI века (а скорее всего раньше)⁸⁸. Отме-

ченные параллели нуждаются в более детальном историко-культурном обосновании для гипотезы о их заимствовании, хотя в целом влияние тюркского мира (прежде всего, через хазарское посредничество) на раннюю древнерусскую историю вполне очевидно.

Мне представляется всё-таки более сложная взаимосвязь рассказов летописи и саги. Известие о смерти Олега за морем основано, вероятно, на устной традиции и оно сближает историю Олега с легендарной биографией Одда Стрелы. Я не сомневаюсь в реальном существовании скандинавского персонажа, упоминаемого в том числе и в исландских родовых сагах. На формирование сказания о нём могли повлиять как рассказ о плавании Отгара в Бьярмаланд, так и легенда о смерти Олега (да и другие фольклорные мотивы). Конечно, вряд ли возможно прямо отождествлять Олега и героя саги, чьи полуфантастические приключения не имеют прямых совпадений с реальными деяниями киевского князя. Но легенда, сложившаяся на Руси, была приурочена к личности Одда, скорее всего, неслучайно. Возможно, исторический Одд также побывал на востоке, в Гардах или был связан с Русью иным образом. Во всяком случае, именно он стал тем сагическим «Одиссеем», рассказ о странствиях которого вобрал в себя мотивы из самых разных источников.

Возможно, что и легенда о смерти Олега изначально не была приурочена к Руси. Ведь если осуществление предсказания о смерти героя соотносилось со Скандинавией (откуда со всей очевидностью происходил Олег), то и сама легенда о коне могла зародиться именно там или же появилась на Руси для объяснения ухода Олега «за море». Поэтому, на мой взгляд, в смерти Олега на родине нет ничего невероятного. Князь действительно мог отправиться в Скандинавию по каким-то делам и навсегда исчезнуть из древнерусской истории. Но память о нём, сохранявшаяся в разных местах в виде топографических знаков, заставляла приурочивать его смерть и к Киеву, и к Ладоге... И эта память надолго пережила своего героя.

Глава шестая

ПАМЯТЬ

*И. Ф. Стравинский. Сюита из балета
«Жар-птица». Финал*

Одним из важнейших элементов исторической памяти об Олеге стало само его имя. Это имя в ранний период связывалось также и с именем княгини Ольги (женская форма имени «Олег»), хотя связь Олега с Ольгой в летописном известии о женитьбе Игоря абсолютно условна. Тем не менее имя «Олег» появилось в семье сына Игоря и Ольги, князя Святослава. Этим именем Святослав назвал своего среднего сына, который впоследствии стал князем древлянским. Имена старшего и младшего сыновей Святослава — Ярополк и Владимир — составили своеобразную семантическую пару по принципу противопоставления. В имени Ярополка отчётливо звучал второй компонент в значении «война» (по сути, «яростная война»), в имени Владимира — второй компонент в значении «мир», антоним войны (а именно так имя понималось современниками Владимира Святославича, со второй основой «-мир» оно зафиксировано и при жизни Владимира на его монетах)¹. Олег таким образом занял как бы среднее, «промежуточное» положение между старшим и младшим братьями. Имя мальчика отсылало и к имени его бабки, княгини Ольги, и, что, возможно, ещё более важно, к имени князя Олега, родича Рюриковичей. Вероятно, династия Рюриковичей тем самым стремилась закрепить своё ведущее властное положение на Руси — путём «как можно более эффективного использования той части родового именованного, которая уже была связана с Русью, так или иначе известна на Руси»². И имя «Олег» оказалось здесь как нельзя более кстати — ведь это был первый, по сути, древнерусский князь, с именем которого сопрягался целый цикл исторических преданий.

Однако несчастливая судьба Олега Святославича, павшего в 977 году жертвой уособицы, на некоторое время

удалила имя «Олег» из активного именованного Рюриковичей. Во всяком случае ни в поколении сыновей Владимира Святославича, ни в поколении сыновей Ярослава Мудрого это имя больше не встречается. Возрождается оно в семье одного из сыновей Ярослава — черниговского князя Святослава Ярославича. Так был назван один из его сыновей, родившийся, как можно думать, в середине XI века. На его имянаречение оказало влияние важное событие в княжеской семье — в 1044 году Ярослав Мудрый приказал выкопать останки князей Ярополка и Олега, окрестить их и перезахоронить в Десятинной церкви в Киеве (сами князья были язычниками). Такой символический акт привёл к появлению в семьях сыновей Ярослава, Изяслава и Святослава Ярославичей, имён «Ярополк» и «Олег» для их сыновей³. Таким образом у Рюриковичей появился новый Олег, причём полный тёзка предыдущего — тоже Олег Святославич.

Этот Олег, который часто именуется в популярной литературе вслед за автором «Слова о полку Игореве» «Гориславичем» (значение этого эпитета вызывает споры), стал весьма заметным и активным князем во второй половине XI века. Он принимал деятельное участие в княжеских усобицах, в разное время был князем тмутараканским, черниговским и новгород-северским, какое-то время провёл в Византии (где женился на греческой аристократке Феофано Музалониссе) и скончался в 1115 году. Поскольку дальнейшая династия князей Черниговской земли пошла в основном от Олега Святославича, его имя стало чрезвычайно популярным именно в этой ветви Рюриковичей. Причём оно неоднократно встречалось именно в форме «Олег Святославич»⁴. Черниговскую ветвь княжеского рода называли даже Ольговичами (в противоположность Мономашичам — потомкам Владимира Мономаха, двоюродного брата Олега Святославича). Именно в этой ветви появился и первый Олег, канонизированный Русской православной церковью. Это был брянский князь Олег Романович, живший во второй половине XIII века. Он приходился внуком другому прославленному в лике святых князю — Михаилу Всеволодовичу Черниговскому, погибшему в Орде. Олег Романович известен тем, что, передав свой престол брату, удалился в монастырь и принял постриг. В крещении он носил имя Леонтий, а в иночестве — Василий⁵. Несмотря на канонизацию Олега Брянского, само имя «Олег» долгое время не считалось христианским и не пользовалось в народе популярностью.

Помимо черниговской ветви Рюриковичей имя «Олег» получило распространение и в Муромо-Рязанской династии. Эта династия произошла от младшего брата Олега Святославича («Гориславича») — Ярослава. Здесь первым зафиксированным источниками носителем имени «Олег» стал действовавший в начале XIII века пронский князь Олег Владимирович. В рязанской ветви пользовались популярностью и имена старших братьев её основателя Ярослава Святославича (например, Глеб), и имена Святославичей в целом (например, Игорь). Тем самым, вероятно, подчёркивалось родовое единство черниговских и рязанских Рюриковичей. Удивительным образом на рубеже XII и XIII веков в рязанской династии появляется даже имя «Игорь» в архаичной форме скандинавского прототипа — Ингварь. Так звали двоюродного брата Олега Владимировича пронского Ингваря Игоревича. Его сыном был второй Олег рязанской ветви — князь Олег Ингваревич Красный, который в 1237 году был захвачен в плен монголами при разгроме Рязанской земли и отпущен на родину лишь в 1252 году (он скончался в 1258-м). Потомком этого князя являлся и третий рязанский Олег — знаменитый рязанский великий князь Олег Иванович, правивший во второй половине XIV века (он умер в 1402 году) и считающийся своего рода «национальным» героем Рязанской земли. Христианские имена первых двух Олегов рязанской ветви неизвестны, а Олег Иванович носил в крещении имя «Иаков». После его смерти имя «Олег» вовсе исчезает из княжеского именованья.

Первые дошедшие до нас изображения Вещего Олега относятся к концу XV века. Разумеется, они не имеют никакого отношения к исторической действительности дохристианской Руси. Речь идёт о так называемой Радзивилловской или Кёнигсбергской летописи (названной так, поскольку она принадлежала представителям известного рода магнатов Великого княжества Литовского Радзивиллов, а с конца XVII века хранилась в Кёнигсбергской библиотеке, откуда во время Семилетней войны в середине XVIII века и была увезена в Россию). Сама летопись была составлена, по-видимому, в начале XIII века, но дошедший до нас список (который и будем в дальнейшем называть Радзивилловской летописью) датируется самым концом XV века (датировка бумаги 1484—1495 годы). Таким образом, он был создан в правление московского государя Ивана III (вероятно, по официальному заказу). В настоящее время он хранится в Петербурге, в собрании Библиотеки

Академии наук. Радзивилловская летопись уникальна тем, что это самая древняя сохранившаяся иллюстрированная летопись — она содержит более 600 миниатюр. Над миниатюрами работало несколько художников. Первый и второй мастера трудились примерно в одно и то же время, в конце XV века, когда создавался и сам Радзивилловский список, причём второй мастер (по-видимому, более опытный) поправлял работу первого. Третий миниатюрист работал спустя несколько десятилетий — в конце 1520-х годов⁶.

Установлено, что значительный корпус миниатюр представляет собой, по-видимому, копии с более ранних лицевых летописных рукописей (хотя и с поздними напластованиями). Об этом, в частности, свидетельствует расположение миниатюр Радзивилловской летописи, часть из которых представляет собой механическое объединение рисунков двух миниатюр вместе (исходя из этого, можно думать, что лицевой протограф был написан в два столбца)⁷. Исследователи полагают, что основой для миниатюр Радзивилловской летописи послужили миниатюры лицевых летописей начала XIII века, которые до нас не дошли⁸. Особенно чётко ориентация на более ранние образцы прослеживается в творчестве первого мастера. Он «работал тщательно, в архаической манере и, следуя старым образцам, украшал рукопись только раскрашенными миниатюрами», хотя и не успел довести свою работу до конца⁹.

История Олега Вещего проиллюстрирована как раз первым мастером (и подправлена другим или другими), что даёт нам возможность понять, каким видели этого князя не только в конце XV, но, возможно, и в XIII веке. Всего событиям, связанным с правлением Олега, в летописи посвящено 17 миниатюр (в скобках будет указан их порядковый номер по полному корпусу). Первая миниатюра (№ 21) изображает передачу Рюриком малолетнего Игоря на воспитание Олегу¹⁰. Рюрик сидит на золотом престоле на фоне условного города (Новгорода) в красном одеянии и красной княжеской шапке¹¹. На коленях он держит маленького Игоря. Напротив стоит Олег, который протягивает правую руку к Рюрику, а в левой держит меч. Олег изображён в зелёном одеянии с красным плащом (сочетание красного и зелёного цвета, как было замечено, особенно характерно для миниатюр летописи) с непокрытой головой (что, по-видимому, указывает на то, что он ещё не князь). Олег показан усатым и бородатым мужчиной средних лет. За его спиной стоит группа безбородых мужчин, обращённых

Князь Олег и Игорь. Картина И. Глазунова. 1972 г.

Изображение Рюрика
из «Титулярника». 1672 г.

Олег Вещий.
Гравюра XIX в.

Призвание варягов. Картина В. Васнецова. 1909 г.

Старая Ладога.
Гравюра А. Шлипера. 1870-е гг.

Рюриково городище

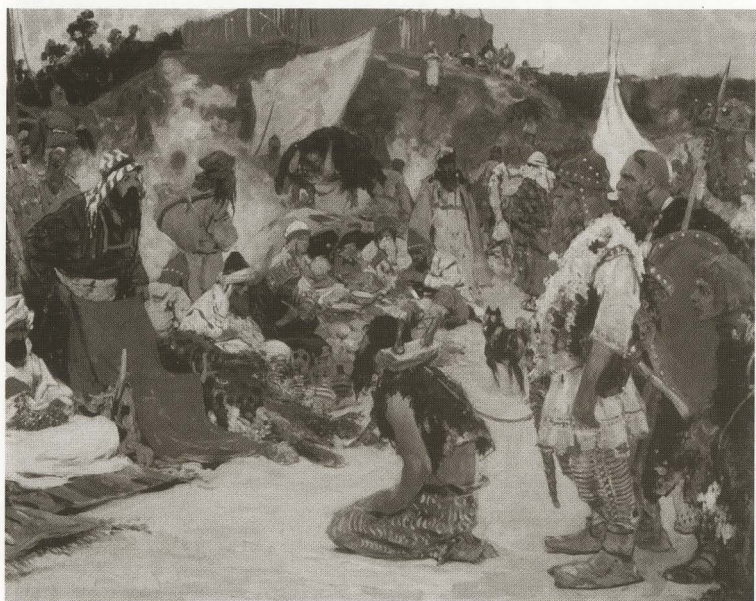

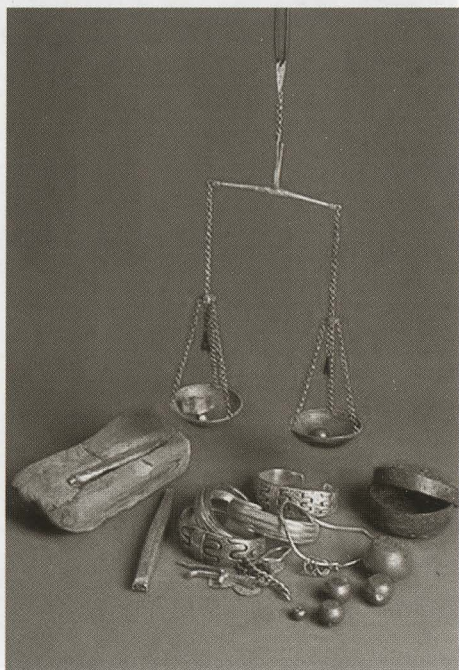
Заморские гости. Картина Н. Рериха. 1901 г.

Торг в стране восточных славян. Картина С. Иванова. 1909 г.

Место раскопок в Гнёздове
под Смоленском,
где в X веке находилась
скандинавская фактория

Весы для взвешивания
монет и скандинавские
женские украшения,
найденные в Гнёздове

Убиение Аскольда и Дира Олегом. Картина К. Лебедева

Рюрик передаёт малолетнего Игоря на воспитание Олегу.
Миниатюра Радзивилловской летописи

Аскольдова могила в Киеве. *Картина Т. Шевченко. 1846 г.*

Убийство Аскольда и Дира. Миниатюра Радзивилловской летописи

Поход Олега на Константинополь. Миниатюра Радзивилловской летописи

Олег заключает мир с греками. Миниатюра Радзивилловской летописи

Смерть Олега. Миниатюра Радзивилловской летописи

Медаль с портретом Олега, отлитая в правление Екатерины II
Медаль «На соединении Северной и Южной России 883»

Медаль «Поход Олега в Грецию в 906 году»

Медаль «Олег основал град Москву 880»

Смерть Аскольда и Дира. Гравюра Ф. Бруни из цикла «Правление Олега»

Поход Олега на Константинополь. Гравюра Ф. Бруни

Олег заключает мир с греками. Гравюра Ф. Бруни

Кончина Олега. Гравюра Ф. Бруни

«Скажи мне, кудесник, любимец богов...». *Иллюстрация В. Васнецова к «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина*

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга...». *Иллюстрация В. Васнецова*

«Так вот где таилась погибель моя!» *Иллюстрация В. Васнецова*

«Бойцы вспоминают минувшие дни...». *Иллюстрация В. Васнецова*

Памятник Рюрику и Олегу в Ладоге, установленный в 2015 году

жестами к нему, один из них, на переднем плане, держит в руке копьё. В группу как бы «вклинивается» пейзаж с горой и деревом. Что означает эта группа, сказать сложно. Возможно, это сюжет, относящийся к предшествующему летописному повествованию.

Вторая миниатюра (№ 22) иллюстрирует сообщение летописи о занятии Смоленска. Олег, уже в красном княжеском одеянии и красной шапке со щитом и копьём, скачет во главе войска, а впереди скачет воин в доспехах, который указывает ему путь. Движение осуществляется слева направо от зрителя. Его цель — Смоленск, условно изображенный в виде крепостной стены с башнями.

Действие третьей миниатюры (№ 23) разворачивается на фоне гор, которые как бы объединяют две части композиции. В левой части Олег в красном одеянии и с мечом сидит на престоле, сзади него изображен условный город, похожий на Смоленск предыдущей миниатюры. Перед Олегом стоит человек, вооруженный мечом. Обе фигуры обращены друг к другу. Примечательно, что на голове Олега нет княжеской шапки. В правой части снова Олег с мечом в красном одеянии и красной княжеской шапке восседает на престоле на фоне условного города. К нему обращена стоящая фигура бородатого мужчины с мечом. Описание этой миниатюры в издании Радзивилловской летописи выглядит так: «Княжение Аскольда и Диры в Киеве (?)»¹². Иными словами, авторы не смогли однозначно расшифровать изображенный сюжет. Между тем ни Аскольда, ни Диры на этой миниатюре нет. Она иллюстрирует два одновременных события — принятие Олегом власти в Смоленске и поставление там наместника и взятие Любеча с поставлением наместника и там. Исследователей ввело в заблуждение расположение миниатюры после фрагмента о прибытии Олега к Киеву (миниатюры иллюстрируют события предшествующего текста). На самом же деле эта миниатюра относится к более ранним событиям. Изображение Олега в одном из двух сюжетов миниатюры без княжеской шапки заставляет усомниться в наблюдении об обязательном изображении князей на миниатюрах Радзивилловской летописи именно в этом головном уборе.

Четвертая миниатюра (№ 24) также изображает два фрагмента летописного текста. В левой части дружина Олега плывет в корабле по Днепру к Угорскому. В правой — происходит встреча Олега с Аскольдом и Диром. Здесь Олег с мечом в зеленом одеянии и красной княжеской шапке си-

дит на престоле, а перед ним безбородый мужчина держит на руках младенца Игоря. Перед Игорем стоят Аскольд и Дир (без княжеских шапок на головах, что подчёркивает, возможно, их «незаконный» статус), а сзади на них замахивается мечом воин в доспехах. Так изображено убийство киевских правителей. Пейзаж на фоне представляет собой горы (Киевские).

Следующие три миниатюры (№ 25, 26 и 27) однотипны, при этом пятая и седьмая также распадаются на два эпизода каждая. На пятой миниатюре в левой части Олег на престоле принимает группу людей в шапках, передний из которых вооружён мечом. В правой части — он же принимает от двух людей с непокрытыми головами золотой сосуд. На шестой миниатюре перед сидящим на престоле Олегом три мужские фигуры с непокрытыми головами, из которых первая несёт золотую чашу, а вторая — золотой сундучок. На седьмой миниатюре в левой и правой частях снова видим Олега на престоле, перед которым стоят фигуры мужчин. При этом в правой части мужчина вооружён мечом, а Олег изображён в одеянии зелёного цвета и с непокрытой головой.

Комментаторы миниатюр дают следующую расшифровку. Пятая миниатюра: «Требование Олегом дани с покорённых древлян; приношение дани Олегу по чёрной куне (в миниатюре — монетами)». Утверждение о монетах спорно, поскольку содержимое золотого сосуда на миниатюре не показано. Шестая миниатюра: «Приношение Олегу дани покорёнными народами». Седьмая: «Правление византийских императоров Льва VI и его брата Александра (?)»¹³. Эти описания, на мой взгляд, неточны и даже ошибочны. Особенность пятой миниатюры — изображение в левой части перед Олегом группы людей с шапками на головах, что явно отличает их от иных, предстоящих Олегу фигур. Думается, что это не подчинённые Олегу племена, а, скорее, варяги, в пользу которых установил Олег дань с новгородцев. В правой части действительно изображено взимание дани с древлян по чёрной куне. Однако художник не понимал значения этого термина и нарисовал вместо звериных шкурок золотой сосуд. Шестая миниатюра иллюстрирует предшествующий текст о северянах, которые приносят Олегу «лёгкую дань», изображённую, впрочем, в виде драгоценных предметов. На седьмой миниатюре показаны не византийские императоры (которые, конечно, не могли изображаться в княжеских шапках), а тот же Олег

в двух эпизодах: «И посла к радимичем, река: “Кому дань даете?”» — и: «Рече имъ Олегъ: “Не дайте козаромъ, но мне давайте”». Показательно, что сам князь изображён на двух частях миниатюры по-разному.

Восьмая миниатюра (№ 35) посвящена началу похода Олега на Константинополь. Здесь русское войско плывёт в корабле и идёт на конях к городу, что буквально иллюстрирует летописный текст о походе «на конех и на кораблех». Царьград представлен в правой части миниатюры в виде условного города — четырёхугольной крепостной стены с башнями. Девятая миниатюра (№ 36) показывает сухопутную войну войска Олега и зверства русов: в правой части они сжигают церкви, в левой — секут людей мечами и расстреливают их из луков. При этом за спиной лучника стоит князь Олег (всё с тем же мечом у пояса и в красной одежде и шапке). Судя по летописному тексту, в котором о сожжении церковей говорится раньше, чем об иссечении и расстреливании людей, миниатюру следует читать не слева направо, а справа налево, то есть в «обратном» порядке¹⁴. Такие случаи в миниатюрах Радзивилловской летописи нередки.

Десятая миниатюра (№ 37) — одна из самых интересных. Русское войско во главе с Олегом движется к Константинополю в кораблях, поставленных на колёса. Носы кораблей украшают птичьи (орлиные) головы, сам Олег представлен как воин — в шлеме и с поднятым мечом. Справа греки стоят у Константинополя, на стенах которого трубачи трубят в трубы. На одиннадцатой миниатюре (№ 38) греки несут сидящему на престоле Олегу отравленные «брашно и вино». В руках трёх мужчин изображены, впрочем, золотые стакан, кубок и кувшин. Сзади мужских фигур в правой части миниатюры стоит воин в доспехах с копьём и щитом. Это очевидная аллюзия на святого Дмитрия Солунского, с которым греки сопоставили Олега.

Двенадцатая миниатюра (№ 39) демонстрирует переговоры Олега о мире. Она любопытна тем, что помимо Олега здесь представлены византийские императоры Лев и Александр. Причём Олег сидит на престоле в левой части, а императоры в зелёных одеждах стоят (Лев в виде бородатого старца, а Александр — безбородого юноши), о их императорском статусе свидетельствуют трёхчастные шапки-венцы на их головах. Русские послы, одетые в красные одеяния, принимают из рук императоров разные предметы. Александр подаёт им грамоту, а Лев — какой-то круглый

предмет золотого цвета. Возможно, таким образом показана дань, которую Олег потребовал от греков.

Тринадцатая миниатюра (№ 40) относится к числу наиболее примечательных. Она тоже читается справа налево. В правой части Олега ведут клясться к статуе Перуна, сзади него воин с копьём, у ног которого пририсована змея. Левая часть соответствует летописным словам «и утвердиша мир». Здесь Олег стоит на фоне условного Константинополя, а к нему подводят человека, держащего в руках грамоту. Судя по зелёным одеждам, это византиец (как и тот человек с копьём, который сопровождает Олега на клятву). Уже отмечалось абсолютно антикизированное представление миниатюристов о языческих идолах. Перун изображён в виде античной статуи, стоящей на колонне. «Этот голый мальчик красного цвета, со шитом в левой руке, с копьём в правой, не имеет ничего общего с подлинными славянскими идолами, поскольку они нам теперь становятся известными», — писал А. В. Арциховский¹⁵.

Четырнадцатая миниатюра (№ 41) также читается, по-видимому, справа налево. В её правой части изображено возвращение Олега с дружиной на корабле в Киев, который представлен в виде уже знакомой нам четырёхугольной крепостной стены с башнями, только золотого цвета. В левой Олег сидит на престоле, а перед ним стоит обращённый к нему воин в латах с копьём. Комментатор усматривает в этом сюжете отражение летописной фразы «и прозваша Олга вещей»¹⁶, но почему именно в таком виде она представлена на миниатюре, не вполне ясно.

Текст договора 911 года в миниатюрах, разумеется, никак не воплотился. А вот заключительный летописный пассаж отражён в пятнадцатой миниатюре (№ 42). На ней византийцы показывают русскому послу константинопольскую церковь, причём на престольном возвышении изображено нечто, что, исходя из летописного текста, можно трактовать разве что как хламиду Господню (названную в тексте, впрочем, багряной, а на рисунке изображённую зелёной). В левой же части миниатюры Олег получает грамоты заключённого договора от посла. Ясно, что и в этом случае действие на миниатюре разворачивается справа налево.

Наконец, две последние миниатюры (№ 43 и 44) иллюстрируют легенду о смерти Олега. На первой из них Олег спрашивает «старейшину конюхов», где его любимый конь. На второй идёт к черепу коня, из которого выползает змея, жалиющая его в ногу. Здесь же мы видим и белого коня в

сбруе, на котором Олег приехал к месту своей смерти. И так, мастера иллюстрируют практически все сколько-нибудь значимые эпизоды из жизни Олега, зачастую объединяя два сюжета в одну композицию. Во всех случаях Олег предстаёт перед нами зрелым мужем с бородой и усами, почти всегда в красном одеянии и красной княжеской шапке и в мечом у пояса. Разумеется, о какой бы то ни было индивидуальности его черт (как и черт других князей летописных миниатюр) говорить не приходится. Тем не менее это первая история Олега «в картинках», дошедшая до нашего времени.

В период Московского царства Олегу явно «не повезло». Его портрет не вошёл в число портретов русских правителей знаменитого «Титулярника» 1672 года, где среди государей отдалённых времён присутствовали многие Рюриковичи. Однако изображение Олега было сконструировано в более поздний период, уже при Екатерине II, заняв своё место в ряду портретов русских князей и царей. Этому, конечно, способствовал тот интерес к русской истории, который питала сама императрица, а вместе с ней и образованное общество той эпохи.

Сюжеты из древней русской истории стали важными аспектами при обучении в Академии художеств, которой была дана новая жизнь, благодаря акту «инаугурации» Екатерины, состоявшемуся в 1765 году. А в 1766 году будущий великий скульптор Федот Иванович Шубин (1740—1805) представил по академической программе барельеф на тему «Убиение Аскольда и Дира, князей киевских», за который был награждён большой золотой медалью Академии. Позднее он выполнил и портретный барельеф Олега в галерее русских государей, в основу которой легли изображения с медалей известной «портретной серии» начального периода царствования Екатерины Великой.

«Портретная серия» медалей начала создаваться в 1768 году и опиралась на сведения «Краткого Российского летописца», составленного М. В. Ломоносовым и А. И. Богдановым в 1759 году и опубликованного на рубеже 1760-х годов. Над медалями работали мастера Иоганн-Георг Вехтер и его помощник Иоганн Гасс. Прототипами портретов для этой серии послужили овальные печати из зелёной яшмы с портретами русских государей, выполненные немецким резчиком Иоганном Доршем (1676—1732) по заказу Я. В. Брюса. Дорш в свою очередь опирался на портреты из «Титулярника», однако портрета Олега, как помним, там

не было. Поэтому можно полагать, что он был «сконструирован» именно при создании «портретной серии».

Медали серии строились по общему принципу: на лицевой стороне помещалось изображение правителя, на оборотной — сведения о нём и его деяниях. На второй медали серии на аверсе мы видим погрудное изображение Олега в латах и в шлеме с плюмажем. Поверх лат накинута мантия, отороченная мехом. Князь изображён вполоборота, он сравнительно молод, безбород, с тонкими и длинными усами, свисающими вниз, что придаёт ему некоторый украинский колорит. Легенда по окружности гласит: «Вел. кн. Олегъ сродникъ Руриковъ». На оборотной стороне под княжеской шапкой-коронай в несколько строчек идёт надпись: «Княжилъ въ малолетство сына Рюрикова Игоря 879 года. влад. 34 года»¹⁷. Датировка продолжительности правления исходит из дат 879—913, поскольку в летописи начало княжения Игоря отнесено именно к последнему году. Условный портрет Олега на этой медали стал образцом и для других изображений этого князя.

По портретам с упомянутых медалей Ф. И. Шубин и создал в 1774—1775 годах 58 портретов-медальонов российских монархов от Рюрика до Елизаветы Петровны, которые предназначались для Чесменского дворца, построенного по проекту Ю. М. Фельтена. Со временем дворец перестал служить царской резиденцией, и барельефы в 1849 году были перенесены в старое здание Оружейной палаты Московского Кремля, а позднее и в залы новой, которые они украшают и по сей день. В числе их и «портрет» Олега Вещего.

Помимо «портретной серии» при Екатерине была создана и другая серия медалей — «историческая». Проекты для них были написаны самой императрицей, опирающейся на «Историю» В. Н. Татищева. Всего Екатерина составила 235 проектов медалей, охватывавших период от смерти Гостомысла в 860 году до конца княжения Мстислава Великого в 1132 году, из которых была осуществлена лишь часть (94). Чеканка медалей началась в конце 1780-х годов¹⁸. События русской истории представлены в серии с чрезвычайной подробностью — так, времени правления Олега посвящено целых 18 медалей. Причём на учреждение «опекунства Олега, князя урманского» отчеканено даже две медали: одна отнесена к правлению Рюрика, другая открывает эпоху самого Олега. На лицевой стороне медалей «исторической» серии размещался профильный портрет того правителя,

ко времени которого относились изображаемые события. Олег не считался самостоятельным князем, и поэтому на лицевой стороне медалей на события, с ним связанные, находились изображения Игоря — причём вначале младенца, а потом, начиная с медали на брак Игоря и Ольги, юноши (с надписью в обоих случаях «Великой князь Игорь северной и южной России»). На первой медали, посвящённой учреждению «опекунства», лицевую сторону занимает портрет Рюрика, а на второй — Игоря-младенца. На оборотной стороне «исторических» медалей помещались композиции по мотивам событий (часто аллегорического характера), внизу их сопровождали пояснительные надписи, а наверху — девизы¹⁹.

Первая медаль на учреждение «опекунства» изображает Рюрика, символически вручающего сына и княжение Олегу, и имеет девиз «Великодушен до конца». Вторая представляет профильный портрет Олега с девизом «Мудр, искусен, храбр». Следующие медали иллюстрируют такие события (приводятся надписи и девизы): «Олег объезжает области руския» («Попечительный обычай»), «Олег основал град Москву 880» («Начальное созидание»), «Олег град Смоленск со кривичи взял 881 году» («Пришед победы»), «На соединение северной и южной Россий 883» («Наследственно»), «Наложение дани на Новгород, древлян, северян и радимич 884» («Обращением умножи промыслы»), «Созидание городов по всей России» («Созидает повсюду»), «Проход угр мимо Киева» («От востока к западу»), «Союз брачной Игоря с Ольгою в 904 году» («Родом, добродетелью, красотою»), «Поход Олега в Грецию в 906 году» («Идет к славе»), «Олег много греческих городов взял в 906 году» («Ожидаемое сбылось»), «Олег к Константинополю приступил в 906 году» («Дерзает»), «На заключение мира со греками в 906 году» («Дань, выгоды, торговля»), «Свидание Олега с царём греческим и утверждён мир» («Свиданием утверждено»), «Олег народом наречён премудрым» («Предприятие успехом увенчано»), «Второй договор и союз со греки 912 сент. 5 дня в понедельник» («Приращение выгод»), «Олег скончался в 912 году. Погребён на горе Шековице» («В память смерти Олега»). На последней медали представлены четыре кургана, возможно, изображающие помимо могилы Олега также могилы Рюрика, Синеуса и Трувора (хотя они и были погребены в разных местах).

Как и в случае с Рюриком, перед нами в «исторической» серии разворачивается панорама «идеального правления»,

соотносимая с царствованием самой императрицы. Олег, подобно Екатерине, объезжает подвластные земли, подобно Екатерине, основывает множество городов (включая и совершенно фантастическое «основание Москвы»), даже наложение им даней преследует благородную цель «умножения промыслов» (о чём также весьма заботилась Екатерина). Разумеется, на острые моменты, типа убийства Аскольда и Дира при «счастливым» соединении северной и южной России, нет и намёка. Целых шесть медалей посвящены походу на греков и заключению мирных договоров. Эта тема была особенно актуальна для императрицы, в царствование которой идея восстановления православной Византийской империи обрела форму так называемого «греческого проекта». При всём её утопизме, Екатерина настойчиво осуществляла её идейно-символическое обоснование. И фигура князя Олега, совершившего первый удачный поход на Константинополь, была тут как нельзя более кстати. Та же идея нашла воплощение и в грандиозной музыкально-драматической постановке «Начальное управление Олега», осуществлённой в 1790 году.

Вообще на русской театральной сцене Олег впервые появился ещё в 1751 году. Это произошло в постановке трагедии «Семира», написанной Александром Петровичем Сумароковым (1717—1777) и впервые опубликованной (в переработанном виде) в 1768 году. Трагедия с большим успехом шла на русской сцене во второй половине XVIII века (роль киевского князя Оскольда, в частности, играл Ф. Г. Волков). Вообще Сумароков написал несколько пьес из древней русской истории, начиная с самой первой своей трагедии «Хорев» (1747). За нею последовали «Синав и Трувор» (1750) и далее (по хронологии представленных событий) как раз «Семира» (исторический цикл продолжался и позднее). У Сумарокова Олег — достойный и великодушный правитель, который хотя и является вместе со своим сыном захватчиком киевского престола (утвердив на нём Игоря), но милостиво обращается с потоками местного княжеского рода Кия — Оскольдом и его сестрой Семирой. Семира влюблена в сына Олега Ростислава. Помимо них в пьесе действуют и другие вымышленные персонажи, такие как родственник Оскольда Возвед, наперсник Олега Витозар и наперсница Семиры Избрана. Сумароков конструирует псевдославянские имена, включая и имя главной героини, которое, будучи произведённым от слов «се мир», выглядит несколько восточным. Сама коллизия

пьесы, разумеется, никакого отношения к древнерусской истории не имеет.

Екатерина же придала образу Олега символическую злободневность. Её пьеса называется «Начальное управление Олега», и это было тоже не первое её обращение к древнерусским сюжетам. Всего императрица планировала написать три пьесы, посвящённые Рюрику, Олегу и Игорю соответственно. «Историческое представление из жизни Рюрика» увидело свет в 1786 году, «Начальное управление Олега» — в 1787-м (обе пьесы были написаны в 1786 году). Пьеса об Игоре, писавшаяся тогда же, закончена так и не была²⁰. Между тем пьесе об Олеге была уготована краткая, но поистине триумфальная судьба. Показательно, что пьесы (равно как и исторические медали) появились в год 25-летия царствования самой императрицы — юбилей позволял и вписать её правление в многовековую историю России, и наметить парадигму «идеального правителя», которой отвечали и главные герои пьес: Рюрик и Олег²¹.

«Начальное управление Олега» (как, впрочем, и пьеса о Рюрике) имеет самонадеянный подзаголовок «Подражание Шакеспиру, без сохранения театральных обыкновенных правил». В «Предупреждении» императрица сообщает, что почти весь сюжет пьесы исторически достоверен, ссылаясь при этом на собственные «Записки касательно Российской истории», составленные на основе «Истории» Татищева (а, следовательно, на самом деле весьма недостоверные). Впрочем, претенциозные утверждения об исторической достоверности произведений характерны для их создателей и поныне.

В первом действии пьесы устами персонажей кратко излагается предшествующая история — просьба киевлян, притесняемых «козарами», к Рюрику о посылке им князя, прибытие в Киев Оскольда, смерть Рюрика и передача им управления князю урманскому Олегу, «дяде и дядьке» малолетнего Игоря, деятельность Олега, начавшего «опекунское своё управление объездом областей русских» и основанием многих городов. Теперь Олег находится у слияния рек Москвы, Яузы и Неглинной и собирается и здесь основать город. В первом действии Олег закладывает Москву, руководствуясь при этом жреческими толкованиями различных примет. «Однако дождь шёл от заката солнечного во всю ночь, при восходе же видны были стаи разных птиц, кои слетались отовсюду и сели на луга, где клевали непрестанно насекомых, выходящих от мокроты из подземных своих

жилищ». Такая природная картина объясняется следующим образом: «Дождь хотя значить богатство, изобилие, но великое разлитие оказывает затруднение; стаи птиц родов разных знаменуют, что сие место служить имеет народным убежищем и соединением во времена опасные». Олег закладывает Москву и определяет начальником в ней своего свойственника Радмира. Потом он выслушивает киевских посланцев, жалующихся на то, что Оскольд склоняется к христианству, и решает идти в Киев, куда прибудет для жён-тёбы из Новгорода и Игорьь.

Во втором действии Олег с Игорем останавливаются под Киевом, мимо которого идут угры. Олег вызывает Оскольда к себе, выслушивает выдвинутые против него обвинения и признание Оскольда в перемене веры, после чего приказывает отправить князя под стражей в Киев и провозглашает Игоря новым киевским князем. Но при переправе через Днепр лодка с Оскольдом терпит крушение, и он оказывается на берегу, спасённый уграми, с которыми и уходит. Таким образом Екатерина снимает «неудобный» эпизод с убийством Оскольда (что оговаривает в «Предупреждении»).

Третье действие открывается прибытием в Киев из Изборска невесты Игоря Прекрасы. Происходит свадебный обряд с хорами и народными песнями. В конце действия Олег нарекает Прекрасу Ольгою и во главе войска отправляется в Константинополь. В четвёртом действии Олег у стен города встречает посланных от императора для мирных переговоров греков. Заключается мирный договор.

Пятое действие происходит в императорском дворце, где Олега встречают император Леон (Лев VI) и его супруга Зоя. Звучат хоры Ломоносова. На константинопольском ипподроме императорская чета и Олег смотрят третье действие трагедии Еврипида «Алкеста». После окончания представления Олег, «простясь с Леоном и Зоєю, щит Игорев, на котором изображен воин на коне, укрепляет к столбу ипподрома» (по-видимому, аллюзия на герб Москвы). Олег говорит: «При отшествии моём я щит Игорев на память оставляю здесь; пусть позднейшие потомки узрят его тут». Император отвечает: «Во всякое время нарекут тебя мудрым и храбрым». На этом пьеса заканчивается.

Итак, как и в серии исторических медалей, Олег в пьесе предстаёт идеальным государем — строителем и основателем городов, стражем законности и порядка, милостивым и справедливым. Он не мыслит Россию в изоляции, получая

известия о европейских делах (прежде всего о крещении тамошних правителей), не чужд новому (хотя и не поддерживает христианских устремлений Оскольда, но отмечает, что «умы к тому наклонны»), а в последнем действии даже приобщается к античному наследию, будучи в Константинополе²².

В этом отношении совершенно очевидна связь этого произведения с идеями Екатерины относительно «греческого проекта» и продвижения России к Чёрному морю. Уже вскоре после написания пьесы состоялось грандиозное путешествие Екатерины в недавно присоединённый Крым, а в августе 1787 года началась война с Турцией, ознаменовавшаяся блестящими победами русского оружия. В этих условиях «Начальное управление Олега» превратилось из чисто литературного явления в художественно-политический манифест, и нужно было не только непременно поставить драму на сцене, но и придать этой постановке особо торжественный и впечатляющий характер²³. Добиться этого можно было превратив пьесу в масштабное музыкальное представление, с хорами, музыкальными номерами и балетом. Это и было осуществлено 22 октября 1790 года на сцене Эрмитажного театра (позже пьеса прошла ещё несколько раз).

Первоначально музыку должен был написать итальянец Доменико Чимароза (1749—1801), который незадолго до этого стал придворным композитором Екатерины II (его деятельность в России продолжалась всего несколько лет), но императрице не понравились сочинённые им хоры. Тогда дело было поручено другому работавшему в России итальянскому композитору, Джузеппе Сартти (1729—1802), который на тот момент служил капельмейстером у Г. А. Потёмкина. Ему принадлежит музыка к последнему действию, в том числе хоры на слова Ломоносова. Помимо Сартти, музыку к спектаклю сочинили ещё два композитора — Карло Каноббио (1741—1822) и Василий Алексеевич Пашкевич (1742?—1797). Каноббио написал музыкальные антракты, в которых использовал обработки русских народных песен, в том числе «Камаринской» и «Заинька, попляши», а также сочинил марш. Пашкевичу принадлежат свадебные хоры. Однако на долю Сартти выпала наиболее сложная задача. Помимо всего прочего, он попытался создать некую реконструкцию античного музыкального театра, представив его как бы в «аутентичном» виде (напомню, что в последнем действии присутствуют сцены из трагедии Еврипида)²⁴.

Таким образом создавалось как бы произведение в произведении (или, по словам исследовательницы Л. В. Кириллиной, «театр в театре»). На сцене «реконструировалась» эпоха Олега, в которую включалась реконструкция античной драмы с музыкальным сопровождением²⁵. Партитура всего произведения была издана в Петербурге в 1791 году. Так образ князя Олега выполнял в екатерининскую эпоху важные мемориальные, идеологические и даже историко-культурные функции.

В начале XIX века мемориализация коснулась и киевской Аскольдовой могилы. В 1809—1810 годах на месте обветшавшей деревянной церкви Святого Николая по проекту киевского архитектора А. И. Меленского была построена каменная церковь в форме ротонды, решённая в стиле классицизма. Проект был осуществлён по частной инициативе, задёшево, и церковь быстро пришла в негодность. В 1847 году её вместе с примыкавшим кладбищем предполагали даже снести, и только личное вмешательство Николая I спасло храм. В советское время церковь была перестроена в парковый павильон, в котором располагалась историческая экспозиция, посвящённая временам Олега и Древней Руси. Там, в частности, постоянно исполнялась музыка из знаменитой оперы А. Н. Верстовского «Аскольдова могила» (создана в 1835 году по одноимённому роману М. Н. Загоскина), действие которой происходило во времена князя Святослава Игоревича, много позже эпохи Олега. В настоящее время церкви возвращён первоначальный вид (храм принадлежит Украинской греко-католической церкви).

В эпоху Александра I большой интерес к истории вызвала публикация грандиозной «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина (1766—1826), первый том которой увидел свет в 1818 году (именно в нём находилось описание правления Олега). В период романтизма образы русской старины стали популярны и в литературном творчестве. Самым известным поэтическим произведением на тему вещего Олега стала, конечно же, баллада Пушкина, написанная в 1822 году, но она была далеко не единственной.

В 1822 году увидела свет «историческая песня» Кондратия Фёдоровича Рыльева (1795—1826) «Олег Вещий» — ею впоследствии открывался цикл его «дум» (хотя сам автор отмечал жанровое отличие этого произведения от «дум»). В ней рассказывается о самом ярком эпизоде истории

Олега — походе на Царьград в 907 году. Автор следует за Карамзиным и летописным повествованием почти буквально, сама «песня» написана очень живо, быстрыми штрихами, и прекрасно передаёт стремительность и победный характер происходившего. Олег у Рылеева «седый», уже бывалый воин, что, впрочем, вполне соотносится с исторической действительностью: «Седый Олег, шумящей птицей, / В Евксин через Лиман — / И пред Леоновой столицей / Раскинул грозный стан!» Император Лев предстаёт испуганным и беспомощным: «Их император самовластный / В чертогах трепетал, / И в астрологии, несчастный! / Спасения искал». Здесь император обращается к предсказаниям (подобно тому как летописный Олег хочет узнать свою судьбу). Однако всё тщетно — василевс просит мира, и Олег великодушно соглашается, с «праведным презрением» принимая дань. Строфа о щите выглядит так: «Но в трепет городской Византии / И в память всем векам / Прибил свой щит с гербом России / К царьградским воротам». На память и в назидание — практически в знак победы, как об этом сказано и в летописи.

Фраза о гербе России задела Пушкина, который отметил (в том числе в письме самому Рылееву), что в те времена герба у России не было, а двуглавый орёл появился только при Иване III (хотя собственно о двуглавом орле у Рылеева и не сказано)²⁶. Тем не менее представление о том, что на щите должен быть изображён какой-то знак («герб»), как видим, довольно старое — во всяком случае, оно встречается и в «Начальном управлении Олега» Екатерины II. Песня Рылеева заканчивается возвращением Олега в Киев, жители которого «единогласно» дают своему князю прозвание Вещего, которое Рылеев понимает как «мудрый» (что расходится с летописным рассказом). Итак, у Рылеева мы видим победную песню о мудром правителе, совершившем яркое и памятное деяние.

Пушкин создаёт своего Олега практически одновременно с Рылеевым (беловой автограф баллады датирован 1 марта 1822 года, первая публикация в 1824 году в альманахе «Северные цветы на 1825 год»). Замысел поэмы, возможно, сложился ещё раньше. Во всяком случае, в «первой кишинёвской» тетради (лето 1821 года) зафиксирована идея некоего произведения, связанного с походом Олега на Константинополь (здесь же упоминаются Игорь и Ольга). Но о легенде про смерть Олега речь пока не идёт. Исследователи даже пытаются увидеть в набросках графических

портретов на листе изображения голов Олега и Игоря (совершенно условные и никак не идентифицируемые) и фигуры Ольги (что более вероятно)²⁷. Тем не менее сюжет о смерти от коня в этом наброске ещё не прослеживается.

В основе пушкинского произведения лежат летописные известия и «История» Карамзина. Обращено внимание на то, что одним из источников пушкинского текста мог послужить «Летописец Русский от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича», изданный Николаем Александровичем Львовым в 1792 году — так называемая Львовская летопись. Этот летописный памятник XVI века в издании Львова был, по сути, пересказан, превратившись в литературное повествование, расцвеченное деталями и дополнительными разъяснениями. Именно в этом тексте обнаружился источник прямой цитаты Пушкина о шите Олега из письма Рылееву 1825 года, а экземпляр издания 1792 года сохранился в библиотеке поэта²⁸. В самом тексте баллады можно усмотреть аллюзии на другие литературные произведения предшествующего времени²⁹, из которых наиболее показательной кажется фраза «И волны и суша покорны тебе», отсылающая к «Песне Гаральда Смелого» К. Н. Батюшкова (1816): «И море и суша покорствуют нам!»³⁰ Это совпадение не кажется случайным. Стихотворение Батюшкова является переложением «Вис радости», написанных норвежским конунгом Харальдом Смелым и обращённых к его невесте, русской княжне Елизавете Ярославне. Пушкин, бесспорно, знал о варяжском происхождении самого Олега, и эта варяжская тема роднила образ русского князя с образом скандинавского правителя.

Но, как бы то ни было, поэт, конечно, творчески подошёл к историческим реалиям, нарисовав сложную психологическую картину. Здесь нет нужды подробно разбирать отличия нарисованной Пушкиным панорамы от конкретных строк летописных текстов и «Истории» Карамзина (это давно сделано исследователями). Отмечу лишь, что попытки тем или иным образом обязательно объяснить любые авторские домысливания (типа эпизода прощания с конём), выглядящие совершенно естественно в общем строе поэтического сюжета, кажутся откровенно натянутыми³¹. Пушкин вольно обращался с историческим материалом. Так, Олег собирается в поход «отмстить неразумным хозарам», хотя никакие войны Руси с хазарами в те времена неизвестны. У «хозар» оказываются «сёлы и нивы», да они ещё и сами нападают на Русь. Конечно, у кочевников-хазар

никаких нив, как, вероятно, и сёл не существовало, земледелием они не занимались³². Всё действие песни (начиная со встречи с кудесником) отнесено Пушкиным ко времени после похода на Царьград, в летописном же предании прохождение происходит ещё до похода, а смерть князя — после. Кудесник упоминает о победах Олега и о «щите на вратах Цареграда»³³, а сам князь едет по полю в «цареградской броне», которую он мог получить только после похода. Неоднократно отмечалось особое отношение Олега к коню, показанное Пушкиным (именно этот мотив он считал одним из главных). Олег вообще представлен в балладе спокойным и мудрым человеком, он не насмехается над предсказанием, а задумывается, не попирает ногой череп коня, а тихо ступает на него, жалея умершего друга. Летописный образ князя обретает иные, более глубокие психологические черты, в какой-то степени близкие к пониманию эпитета «вещий» именно как «мудрый».

Вскоре после Пушкина к истории вешего Олега обратился Николай Михайлович Языков (1803—1846), его младший современник и добрый знакомый. Его баллада «Олег» (1826) использует даже пушкинский стихотворный размер, правда, несколько изменённый³⁴. У Языкова описаны обряд погребения и тризна по Олегу, то есть его баллада как бы продолжает пушкинскую. Однако рассказ о деяниях князя также вписан в текст — его произносит Баян, поющий на гусях о делах «премудрого» и мужественного «правителя полночной державы», от войны с древлянами до щита на воротах Константинополя и греческой дани. Языков подробно реконструирует языческие обряды — принесение в жертву белого коня почившего князя (о смерти Олега от коня не упоминается — по-видимому, поэт стремится сохранить историческую достоверность, считая летописное предание мифом), состязание борцов, хвалебная песнь Баяна. На тризне происходит и поминальный пир, причём в балладе трижды повторяется мотив братчины, когда по кругу пускалась чаша (у Языкова стакан). «И, вновь наполяемый мёдом, / Из рук молодого владыки славян, / С конца до конца, меж народом / Ходил золотой и заветный стакан». Этим рефреном баллада и заканчивается, тем самым вновь отсылая к стихотворению Пушкина, в котором дважды повторен мотив пира (одного задравного, а второго поминального³⁵): «Бойцы поминают минувшие дни / И битвы, где вместе рубились они». Так Языков как бы вступает в поэтическое состязание с

Пушкиным, с одной стороны продолжая, с другой — видоизменяя его — и в стихотворном размере, и в переосмыслении сюжета о смерти коня. «Этнографическая» история Языкова выступает своеобразным эпилогом к пушкинской поэтической легенде.

Вновь к образу Олега поэты, в том числе и Пушкин, обратились во время Русско-турецкой войны 1828—1829 годов. Символически важным мотивом здесь стал щит князя на воротах Царьграда. Война с Турцией была успешной для русского оружия и воспринималась в качестве значимой победной кампании. Русские войска заняли Адрианополь (Эдирне) и остановились недалеко от Стамбула. Саму турецкую столицу Николай I не стал брать, предпочтя заключить мир (русской армией в тот момент командовал И. И. Дибич). Адрианопольский мирный договор был подписан 2 сентября (по старому стилю) 1829 года. Ещё во время военных действий Фёдор Иванович Тютчев (1803—1873) написал стихотворение, получившее впоследствии название «Олегов щит». Оно было опубликовано в 1829 году в журнале «Галатея» (цензурное разрешение на печатание было дано 22 августа)³⁶. В первом издании оно выглядело так (стихотворению предпослано другое стихотворение Тютчева «Видение», оба были напечатаны как одно):

«О наша крепость и оплот,
Великий Бог, веди нас ныне,
Как некогда ты вёл в пустыне
Свой избранный народ!»

«Алла, пролей на нас свой свет!
Краса и сила православных,
Бог истинный, тебе нет равных,
Пророк твой Магомед!»

Глухая полночь; всё молчит!
Вдруг из-за туч луна сверкнула
И над воротами Истамбула
Зажгла Олегов щит!..

Первые две строфы представляют собой христианское и мусульманское моления соответственно. Их можно понимать по-разному: или диахронически — как два периода в истории Константинополя (христианский и мусульманский)³⁷, или синхронно — как противопоставление христи-

ан и мусульман во время войны. В третьей строфе молений нет, воцаряется ночное молчание, и в этой таинственной атмосфере происходит чудо — луна освещает Олегов щит на воротах Стамбула. Показательно использование Тютчевым мусульманского названия города, так же как и упоминание луны — мусульманского символа, вдруг освещающего предзнаменование русской победы. Иными словами, стихотворение как бы открывает заветную мысль — будущее завоевание (вернее, христианское отвоевание) Константинополя Россией (подобно тому как при Олеге Русь победно оказалась у стен этого города).

Однако чаяния не оправдались, и уже позже, в издании 1854 года Тютчев переделал стихотворение. Он переставил две первые строфы местами (скорректировав мусульманскую молитву), а последнюю изменил:

Глухая полночь! Всё молчит!
Вдруг... из-за туч луна блеснула —
И над воротами Стамбула
Олегов озарила щит.

Стихотворение потеряло свою острую содержательную актуальность. Константинополь остался в руках турок — мусульманская молитва заняла первое место. А щит на вратах Царьграда превратился из заветной, но достижимой цели в будущую надежду, чему способствовала смена глаголов. Если в первом варианте луна «сверкнула» из-за туч (подобно молнии) и «зажгла» щит (что вполне созвучно происходившей тогда военной кампании), то во втором — она «блеснула» и «озарила» щит (действие кратковременное и менее «агрессивное»). Свет луны озаряет великое прошлое и возможное, но пока недостижимое будущее.

После заключения мира стихотворение «Олегов щит» написал и Пушкин. Оно датировано сентябрём—ноябрём 1829 года и было опубликовано в «Северных цветах на 1830 год»³⁸.

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На царградских воротах.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясая с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

По какой-то причине стихотворение считается «загадочным» (исследователи даже усматривали в нём некий сарказм разочарованного результатами войны поэта), однако структура его настолько очевидна, что вряд ли можно усматривать в нём некий тайный смысл. Пушкин сопоставляет две схожие исторические ситуации — из далёкого прошлого и современную. Если в первом случае Олег в знак победы прибывает щит на воротах города, то во втором русские войска останавливаются перед Стамбулом, Олег как бы «запрещает» брать город («ревнуя» к своей славе) и даже защищает его своим щитом. Щит из знака победы превращается в знак преграды, возможно, предостережения. Высказывалась важная мысль и о вероятном поводе к такому сопоставлению — договор Олега с греками в 911 году и Адрианопольский договор 1829 года были заключены в один и тот же день — 2 сентября³⁹. А Пушкин придавал большое значение сопоставлению и семантике разных дат.

Третий «Олегов щит» был написан во время Первой мировой войны Фёдором Кузьмичом Сологубом (Тетерниковым) (1863—1927) и опубликован в сборнике его стихотворений «Война» в 1915 году. Сологуб стоял в то время на ура-патриотических позициях, что сказалось и на его творчестве — сборник, впрочем, оказался довольно слабым, а стихотворения отличались наивно-агитационным характером. На их фоне «Олегов щит» выглядит более выигранно:

Олег повесил щит на медные ворота
Столицы цезарей ромейских, и с тех пор
Олегова щита нам светит позолота,
И манит нас к себе на дремлющий Босфор.

Века бегут на нас грозящими волнами,
Чтобы отбросить нас на север наш немой
И скрыть от наших глаз седыми облаками
Олегов светлый щит, блистающий звездой.

Но не сдержать в горах движенья снежной лавы,
Когда, подтаяв, вдруг она летит на дол, —
И Русь влечёт на щит не звонкий голос славы,
Но мощно-медленной судьбины произвол.

Всё та же идея выражена как некая историческая неотвратимость, неизбежность судьбы, и светлый щит Олега в качестве путеводной звезды заставляет не забыть историю и славу предков. Напомню, что Турция во время войны воевала на стороне Германии против России, а ситуация на турецком фронте для русских войск складывалась наиболее удачно.

Образ Олега нашёл отражение и в русской поэзии сатирического характера. В «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева» графа Алексея Константиновича Толстого (1817—1875), написанной в 1868 году, есть такая строфа:

За ним княжил князь Игорь,
А правил им Олег,
Das war ein großer Krieger
И умный человек.

Олег назван «великим воином» и «умным человеком», но немецкий язык фразы здесь, конечно, намекает на германское происхождение первых древнерусских князей (а может быть, и отсылает к значительному немецкому присутствию в государственной и военной сфере Российской империи).

Но вернёмся в эпоху Николая I. Помимо литературных реминисценций образ Олега нашёл воплощение и в художественном творчестве. Во второй половине 1820-х годов к нему обратился выдающийся художник Фёдор Антонович Бруни (1801—1875), один из ярких представителей академизма в живописи. Находясь в Риме, он задумал создать цикл гравюр на события из русской истории, вдохновляясь «Историей» Карамзина. Всего Бруни предполагал сделать 75 гравюр, но воплотил в жизнь только около тридцати сюжетов, лишь некоторые из которых были опубликованы в отдельном альбоме в 1839 году. Работа над серией началась в середине 1820-х годов, но была впоследствии прервана (сказались сложные взаимоотношения Бруни с Обществом поощрения художников)⁴⁰. Среди осуществлённых сюжетов несколько были посвящены истории Олега — это «Смерть Аскольда и Дира», «Поход Олега в Цареград по реке Днепру», «Олег прибывает щит свой к вратам Царегра-

да», «Кончина Олега». Имя Олега присутствует и на заглавном листе серии, где Бруни изобразил себя сидящим у бюста Карамзина, которого сопровождают образы прошлого.

Бруни работал в классицистической манере, но в его творчестве заметны черты романтизма. В романтическом ключе решены и некоторые исторические сюжеты, особенно те, которые связаны с трагическими страницами истории. Несмотря на приверженность стилю классицизма, Бруни старался учитывать историческую специфику древней русской истории — он изучал костюмы и бытовую жизнь (правда, в самих гравюрах исторические детали подчинены общей антиквизации, характерной для классицизма), стремился передать черты русского пейзажа (иногда нарочито изображая ели там, где речь шла о Киеве и южных краях). Но до подлинно исторической стилизации он, разумеется, не дошёл. Его гравюры представляют собой эффектные, но в то же время строго выверенные и сухие композиции, в которых действуют мужественные герои в полуантичных одеяниях. В гравюре, изображающей смерть Аскольда и Дира, полубогажённые воины, напоминающие дикарей, убивают безоружных князей, а стоящий в лодке Олег указывает пальцем на Игоря, показанного в виде самодовольного коротконового крепыша. Вся сцена исполнена пафосной театральности, характерной для классицизма. В композиции о походе Олега мускулистые воины перетаскивают суда по днепровским порогам, Олег в полном вооружении (весьма напоминающем его образ на медали «портретной» серии) руководит ими, а вдали виден древнерусский флот. Щит у ворот Царьграда прибывают воины в туниках, влезавшие с топором по лестницам — Олег же внизу в позе победителя стоит, опираясь на саблю. Композиция «Кончина Олега» известна в двух вариантах. Герой наступает на череп коня (изображён даже скелет животного), а окружающие его люди лопатой и мечом пытаются предотвратить смерть князя. Всё это выглядит мастерски, театрально, классически красиво, но совершенно бездушно.

Академический стиль заметен и в ученической работе Николая Корнильевича Бодаревского (1850—1921), хранящейся в собрании Чувашского государственного художественного музея. Здесь красный щит, наподобие римского, водружают над воротами города, а сама сценка выглядит повседневной — Олег окружён небольшой группой своих воинов, а вокруг идёт жизнь занятых другим делом людей. Воины пакут добычу и, словно заправские торговцы, сно-

ровисто уносят её на корабли, чьи паруса виднеются в бухте вдаль. Сюжеты из русской истории занимали традиционное место в процессе обучения в Академии художеств, но далеко не все ученики создавали действительно значимые художественные произведения.

Во второй половине царствования Николая I интерес к национальному прошлому усилился, в культуре сформировался неорусский стиль с налётом романтизма, обращение к историческим источкам обрело популярность. Имена, отсылавшие к древнерусскому наследию, появились, в частности, на русском флоте. В 1852 году был построен фрегат «Рюрик» (это был не первый корабль русского флота с таким названием), другие корабли Балтийского флота, заложенные и построенные в 1850-х годах, также получали «древнерусские» имена — «Аскольд», «Пересвет», «Ослябя», имена героев баллад Жуковского — «Громобой» и «Светлана», а корветы, строившиеся в то же время, назывались «Воевода», «Посадник», «Баян», «Рында», даже «Калевала». К этой плеяде названий принадлежит и «Олег». Такое имя было дано 57-пушечному парусно-винтовому фрегату, который был заложен в 1858 году и спущен на воду в 1860-м⁴¹. Жизнь «Олега» оказалась недолгой. В 1869 году он в результате роковой случайности потерпел крушение в Финском заливе и затонул. Второй корабль с именем «Олег» принадлежал уже другой эпохе. Это был бронепалубный крейсер, спущенный на воду в 1903 году. «Олег» принимал участие в Цусимском сражении, после революции вошёл в состав Красного Балтийского флота и затонул в 1919 году в результате атаки британской подводной лодки⁴².

Ориентация на национальные традиции не прошла мимо и императорского дома Романовых. Об этом ярко свидетельствуют имена, которые давали новорождённым членам императорской фамилии. В этом отношении особенно интересна семья великого князя Константина Константиновича (1858—1915), известного деятеля русской культуры, поэта, писавшего под псевдонимом К. Р. Его дети получали подчёркнуто православные, национально окрашенные имена — Иоанн, Гавриил, а в 1892 году родился сын, наречённый Олегом (следующий сын, появившийся на свет двумя годами позднее, получил имя Игорь). Отсылка к историческому образу Вещего Олега здесь более чем очевидна (тезоимённым святым князя был, разумеется, преподобный Олег Романович Брянский)⁴³. Князь императорской крови Олег Константинович прожил недолгую,

но яркую жизнь. Выпускник Императорского Александровского лицея, талантливый поэт, занимавшийся исследованием творчества Пушкина, он был смертельно ранен на фронте Первой мировой войны в 1914 году. Наличие в императорской фамилии имени «Олег» способствовало некоторому повышению популярности самого этого имени, которое было сравнительно редким.

Исторический образ Древней Руси, уже в более приближенном к реальности виде, стал актуальным в культуре рубежа XIX—XX веков. Огромную роль в развитии исторического жанра сыграл в то время Виктор Михайлович Васнецов (1848—1926). Ему принадлежат классические иллюстрации к пушкинской «Песни о вещем Олеге». В 1899 году художник принимал участие в оформлении юбилейного трёхтомного издания сочинений Пушкина и тогда же исполнил четыре рисунка к «Песни». Стихотворение Пушкина с рисунками Васнецова вышло в том же году отдельным изданием. Рисунки иллюстрировали четыре эпизода — встречу Олега с волхвом, прощание князя с конём, смерть Олега от змеи и тризну по умершему князю. Олег представлен на рисунках седовласым воином, в доспехах или княжеском одеянии. Особенно примечателен последний рисунок, где на кургане на берегу Днепра сидят Игорь и Ольга, а внизу пируют убелённые сединами соратники Олега. Васнецов как можно точнее стремился передать бытовую жизнь Древней Руси. Да и само издание оформлено соответствующим образом — орнамент, инициалы и стилизованный под древность шрифт. Иллюстрации Васнецова, по сути, типологически близки древнерусским заставкам и миниатюрам.

В собрании Калужского художественного музея хранится ещё один рисунок Виктора Михайловича к «Песни о вещем Олеге». Он также датирован 1899 годом и представляет собой, по-видимому, один из эскизных вариантов художественной разработки темы. Здесь изображается встреча Олега с волхвом, но характер живописи совершенно иной, далёкий от стилизации древнерусского искусства. Скорее, перед нами романтизированный образ древней русской истории, столь традиционный для творчества этого великого художника.

История начальной Руси занимала большое место и в раннем творчестве Николая Константиновича Рериха (1874—1947), занимавшегося даже археологическими раскопками и побывавшего в Старой Ладогe, но специальных работ, связанных с именем Олега, в его творчестве нет.

Цикл рисунков на темы из древнерусской истории в начале XX века создал Клавдий Васильевич Лебедев (1852—1916), служивший, в том числе, художником издательства И. Д. Сытина. Одна из наиболее эффектных композиций — «Убийство Аскольда и Дира». Дружинники Олега с кораблей стреляют из луков в киевских правителей, а Олег стоит на берегу, вооружённый копьём и щитом, и замахивается топором в сторону гибнущих князей. Художник постарался не отступить от летописного текста и поэтому изобразил на картине маленького Игоря. Златокудрый и длинноволосый ребёнок в княжеской шапочке, поддерживаемый Олегом, опирается на щит и с интересом смотрит на происходящее. Лебедеву принадлежат и другие исторические композиции, среди наиболее известных — «Встреча князя Святослава с императором Иоанном Цимисхием на берегу Дуная в 971 г.», буквально иллюстрирующая текст Льва Диакона.

В период Первой мировой войны большой популярностью пользовалась песня на слова пушкинской «Песни о вещем Олеге». Первая аранжировка этой песни увидела свет в нотном издании в 1916 году. Исполнялось обычно три первых куплета (то есть три первые строфы пушкинского текста без последних двух строк в каждой), и песня обрывалась на вопросе Олега к кудеснику. Поэтому при исполнении нередко добавлялись слова: при встрече Олега и кудесника — «Здорово, кудесник!», «Здравия желаю, Ваше высокопревосходительство!», а после вопроса Олега звучал как бы ответ кудесника — «Не могу знать, Ваше высокопревосходительство!». Тем самым песня приобретала задорный, военный вид. Припев же был широко известен: «Так громче, музыка, играй победу! / Мы победили, и враг бежит. / Так за Царя, за Русь, за нашу Веру / Мы грянем громкое ура!» (могли быть разные вариации). Песня стала одним из символов Белой борьбы в Гражданской войне. Её исполняют герои пьесы Булгакова «Дни Турбиных», и в самой пьесе, и в одноимённом художественном фильме В. П. Басова 1976 года. В советском кинематографе песня прозвучала также (в издевательско-пропагандистском контексте) в 1967 году в фильме «Операция “Трест”».

После революции имя «Олег», уже не связанное с церковным календарём, постепенно завоёвывало всё большую популярность. Порой образ древнерусского князя играл свою роль при именовании — благодаря, конечно, всеобщей известности пушкинской баллады. Мать Олега Кошевого вспоминала: «С мужем мы решили: родится

мальчик — назовём Алексеем, а если девочка — Светланой (очень характерное имя для тех лет. — *Е. П.*). Родился сын, да ещё такой большущий. Старенький врач спросил:

— Как назовёте сына?

— Алексей, — ответила я.

— О нет, — шутливо запротестовал врач, — не подходит! Такому бутузу и имя нужно богатырское!

Я стала вспоминать всяческих богатырей и остановилась на одном из нашей истории — на Олеге».

В 1956 году на экраны страны вышел первый советский широкоэкранный фильм. Им стало эпическое полотно замечательного режиссёра Александра Лукича Птушко (1900—1973) «Илья Муромец». Фильм вобрал в себя едва ли не все образы былинного фольклора и древнерусской истории. Князь Владимир направляет Добрыню Никитича послом в Царьград, где тот заключает мирный договор — явная аллюзия на договоры Руси с греками. А корабли на колёсах под парусами используются в войне с «тугарами», нападшими на Киев (их потом сжигает огнём Змей Горыныч). Все эти детали так или иначе связаны с мотивами летописных преданий и легенд.

В 1978 году чудесные иллюстрации к пушкинской «Песни» создаёт художник Вениамин Николаевич Лосин (1931—2012). По своему художественному уровню они не уступают классическим рисункам Васнецова. Имя князя Олега продолжает жить и сейчас. Художник Борис Ольшанский написал выразительные картины «Поход на Царьград» и «Твой щит на вратах Царьграда». А в сентябре 2015 года в Старой Ладоге был открыт памятник Рюрику и Олегу по проекту скульптора Олега Шорова. Князья стоят, опираясь на щит (неизменный исторический «атрибут» Олега), а в руке одного из них развёрнутый свиток (намёк на договор с греками?). Несмотря на некоторую спорность, это первый памятник князю Олегу в России (в шведском городе Норчёпинге установлен небольшой памятник-фонтан в честь первых русских князей, чьи условные портреты изображены на постаменте, увенчанном кораблём). Будем надеяться, что не последний.

* * *

Историки по-разному оценивали роль Олега. Академик Б. А. Рыбаков считал его «находником-узурпатором», скандинавом, базировавшимся в Ладогe и «на короткий срок»

овладевшим киевским столом. После победоносного похода на Византию «Олег исчез с горизонта русских людей и умер неизвестно где»⁴⁴. Иными словами, случайная фигура русской истории. На эту несправедливую оценку ответил в своей работе «Образование древнерусского государства и первый его правитель» член-корреспондент Академии наук А. П. Новосельцев⁴⁵. Признавая Олега «по сути дела, первым достоверным государственным деятелем нашей истории», он охарактеризовал его как одного из основателей Древнерусского государства, несмотря на то, что его деяния «овеяны противоречивыми легендами». «И всё-таки имя его вписано в раннюю нашу историю», — заключал исследователь.

Мне думается, что вписано оно прочно, но значимость его не вполне осознана. И в этом отношении хочется напомнить слова одного из основоположников русской исторической науки Николая Михайловича Карамзина, давшего такую оценку значения Олега для России: «Сей князь был истинным основателем её величия». Конечно, это преувеличение, но доля истины в нём несомненна. Её мне и хотелось приоткрыть в этой книге.

МОНЕТА ВЕЩЕГО ОЛЕГА

Нумизматический скандал середины XIX века

В 1858 году в области русской нумизматики, казалось бы, произошла сенсация. Сотрудник Императорского Эрмитажа барон Борис Васильевич Кёне (1817—1886) объявил о находке древнейшей русской монеты, которую он приписал ни много ни мало князю Олегу. Монета была обнаружена Кёне летом 1858 года в собрании Королевского минц-кабинета в Стокгольме. Кёне зарисовал монету и осенью того же года представил соответствующую записку с рисунком в Первое отделение Эрмитажа (куда входило и нумизматическое собрание). Начальник этого отделения, искусствовед Флориан Антонович Жиль (1801—1865), поручил представить по этому поводу своё мнение своему сотруднику, хранителю минц-кабинета академику Аристу Аристовичу Кунику (1814—1899), известному своими работами в области истории раннего средневековья и в том числе Древней Руси. Заключение Куника вызвало болезненную реакцию Кёне, и разразился скандал, весьма заметный в истории русской нумизматики. Но прежде чем рассказать о нём, необходимо вкратце остановиться на личности «первооткрывателя», тем более что она заслуживает внимания⁴⁶.

Бернгард Карл (в России Борис Васильевич) Кёне (получивший в 1862 году титул барона княжества Рейсс-Грейцского) родился в Берлине в семье тайного государственного архивариуса, еврея по происхождению, принявшего реформатское вероисповедание. Он рано увлёкся нумизматикой и свою первую работу в этой области («Монетное дело города Берлина») опубликовал в возрасте двадцати лет. Кёне учился в Лейпцигском и Берлинском университетах, в 1841 году защитил диссертацию по нумизматике и получил звание приват-доцента Берлинского университета по кафедре нумизматики и археологии. Он также стал одним из активных деятелей, а затем и секретарём Берлинского нумизматического общества, а в 1841—1846 годах руководил изданием соответствующего журнала по нумизматике, сфрагистике и геральдике. Вообще Кёне имел хорошие организаторские способности и, в частности, умел поставить издательское дело, что впоследствии пригодилось ему в России.

С Россией Кёне «заочно» познакомился ещё в начале 1840-х годов. Известный художник-медальер и нумизмат Яков Яковлевич Рейхель (1778—1856), служивший в Экспе-

диции заготовления государственных бумаг, владелец одной из крупных нумизматических коллекций, обратил внимание на молодого человека, вскоре ставшего его помощником в собирательстве и «представителем» в немецких нумизматических кругах. После окончания университетского курса Кёне впервые приехал в Петербург. В Берлин он вернулся с твёрдым желанием поступить на русскую службу и выступил претендентом на свободную тогда кафедру археологии в Российской академии наук (чего так и не произошло). В результате протекции Рейхеля в марте 1845 года Кёне был определён помощником начальника Первого отделения Императорского Эрмитажа (Первое отделение включало собрания антиков и монет, и им как раз руководил Ф. А. Жиль) с чином коллежского асессора (к концу жизни Кёне дослужился до тайного советника). Следует подчеркнуть, что именно в это время, во второй половине 1840-х — начале 1850-х годов, в Эрмитаже велась самая активная работа по созданию музея, открытого для публики, который располагался в новом здании (Новый Эрмитаж), строившемся по проекту Лео фон Кленце. В Эрмитаже Кёне занимался как раз нумизматической коллекцией.

В Петербурге он вообще развил очень бурную деятельность. Упорное желание попасть в Академию наук, причём по археологическому «направлению», стимулировало не только активное изучение им археологии, но и не менее активную организаторскую работу. Стремясь обрести нужный вес в научных кругах, Кёне выступил инициатором создания в России специального нумизматического общества, но поскольку археология также привлекала его, он соединил две эти науки под одним «административным» названием — так в 1846 году появилось Археологическо-нумизматическое общество в Петербурге (позднее Русское археологическое общество). Президентом общества согласился стать герцог Максимилиан Лейхтенбергский (зять Николая I), вице-президентами сделались Жиль и Рейхель, а секретарями — И. А. Бартоломей и Кёне. По сути, вся организационная работа легла на плечи предприимчивого иммигранта, который сразу же постарался придать ей как можно более широкий размах.

Работа в обществе выявила несколько характерных черт деятельности Кёне. Во-первых, он сумел организовать издание «Записок» общества, шесть томов которых увидели свет в 1847—1852 годах. Во-вторых, Кёне отличала огромная научная активность, он выступал практически на каждом заседании общества, а его интересы были широки и разнообразны. Достаточно сказать, что когда в разросшемся обществе в 1851 году образовались три отдела (русской и славянской археологии,

восточной археологии и древностей, и западной археологии), Кёне записался во все три и в третьем был избран секретарём. Наиболее крупной научной работой Кёне этого периода стала книга «Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического» (СПб., 1848). В-третьих, Кёне всячески стремился пропагандировать себя и общество в европейском масштабе. На нём лежала вся переписка с иностранными учёными. Работы самого Кёне печатались на семи языках. А иностранные научные общества неизменно принимали его в свои члены, так что к концу жизни Кёне являлся членом 30 зарубежных обществ и академий (при этом в Петербургскую он так и не попал). Кстати, ориентированность на Запад привела к тому, что Кёне старался не допускать на заседаниях докладов на русском языке (только на французском и немецком, издание «Записок» общества осуществлялось на французском, немецком и русском языках), и лишь после того, как в общество вступил этнограф и археолог Иван Петрович Сахаров (1807—1863), русский язык был восстановлен в своих правах.

В период деятельности Кёне в обществе и его работы в Эрмитаже ярко проявилась ещё одна его весьма нелицеприятная черта, отталкивавшая многих обшавшихся с ним людей — «искательство», стремление заручиться поддержкой значительных фигур чиновного мира, очевидный карьеризм с авантюристическим оттенком. И действительно, со временем Кёне сумел войти в доверие к нескольким крупным вельможам, которым помогал формировать нумизматические коллекции. Делалось это, по-видимому, не всегда «чистыми» методами, и Кёне приобрёл репутацию ловкого дельца, успешно занимавшегося скупкой и продажей монет. Эта сторона его деятельности привела Кёне к конфликту с его непосредственным начальником Ф. А. Жилем, подозревавшим его в хищении монет из эрмитажной коллекции. Эти обвинения доказаны не были, но Кёне пришлось в 1850 году перейти на службу во Второе отделение Эрмитажа (картинная галерея)⁴⁷.

Карьера Кёне в Русском археологическом обществе также оборвалась с приходом нового августейшего руководителя, брата Александра II великого князя Константина Николаевича. Он не утвердил избрание Кёне секретарём третьего отдела общества (единственный случай за всю историю общества), в результате чего в 1853 году Кёне покинул его ряды.

Существенные репутационные потери в научной среде Кёне сумел блистательно восполнить на геральдическом поприще. В 1857 году он возглавил Гербовое отделение Департамента герольдии Правительствующего сената (с оставлением в должности по Эрмитажу). Следующие почти 30 лет предпри-

имчивый барон был руководителем практической геральдики в России. Именно Кёне создал проект Большого государственного герба Российской империи, утверждённого в самом начале царствования Александра II. В течение нескольких лет он осуществил масштабную геральдическую реформу, стремясь унифицировать и придать системность корпусу российских гербов путём приведения их в соответствие с правилами европейской геральдики (например, разворот фигур в правую геральдическую сторону, замена неподходящих для геральдики фигур другими и т. д.) и введения новых принципов и элементов (помещение губернского герба в вольную часть городского, система эмблем внешней части территориальных и городских гербов, отражающих их статус и т. д.). Надо сказать, что эти новации (особенно в отношении государственного герба) далеко не всегда встречали понимание. Хотя следует признать, что Большой государственный герб Российской империи стал настоящим апофеозом русской геральдики — его композиция вобрала в себя десятки территориальных гербов, различные регалии и т. п. элементы, составив в результате цельное и гармоничное явление.

Кёне много занимался историей русской геральдики и эмблематики и стремился подчеркнуть и даже реконструировать её «национальные», допетровские традиции. В частности, одной из его реконструкций было создание родового герба Романовых с грифоном (на основе эмблематики романовских вещей XVI — начала XVII века). Сыграл свою роль Кёне и в реконструкции московских палат бояр Романовых на Варварке. Ему принадлежит также авторство чёрно-жёлто-белого российского государственного флага (1858), решённого в цветах государственного герба (чёрный орёл в золотом поле).

На волне геральдического успеха Кёне стал заложником своей самоуверенности, что ярко проявилось в истории с «монетой князя Олега». Обнаруженная им серебряная монета была интерпретирована следующим образом. На лицевой её стороне помещено изображение воина с копьём и щитом и с нимбом над головой. Круговую надпись Кёне прочёл как латинские слова *Oleg Rex*. На оборотной стороне имеется изображение так называемого знака Рюриковичей, то есть их родовый тамги в виде трезубца. Легенду на этой стороне Кёне прочитал как латинское же *Regwigw o Nrogad*, что он интерпретировал как «Регвигв в Новгороде», приняв за личное имя некоего варяжского монетчика Регвигва в Новгороде. Саму монету Кёне отнёс к типу англосаксонской чеканки. При этом, поскольку Олег княжил в Новгороде, согласно летописной хронологии, с 879 по 882 год, то и монета приписывалась именно этому вре-

мени. Поразительно, что Кёне, уверенный в варяжском происхождении Олега и знавший об этимологии этого имени, не объяснил, почему на варяжской же монете имя древнерусского князя дано в славянизированном варианте, а не в собственно скандинавской форме *Helgi* (хотя он и упоминает в своей публикации об этом факте, но никак не объясняет его).

Получив записку Кёне о его открытии, Ф. А. Жиль, конфликт с которым был для Кёне (как, впрочем, и для самого Жилья) очень болезненным, передал её на рассмотрение А. А. Кунику. Куник, как опытный нумизмат и знаток русских древностей, практически сразу же понял, что перед ним рисунок с нового экземпляра Ярославова «сребра», то есть сребреников Ярослава Мудрого, чеканившихся в начале его правления (вторая половина 1010-х годов). Куник также предположил, что рисунок Кёне может быть неточен. Он составил своё заключение, после чего Жиль обратился к хранителю стокгольмского миц-кабинета Б. Э. Хильдебранду (1806—1884) с просьбой прислать гальванопластический снимок с монеты и прояснить её происхождение. Снимок был прислан, а насчёт поступления монеты в эрмитажную коллекцию Хильдебранд ответил, что конкретное происхождение этого экземпляра неизвестно, но что по работе, на его взгляд, эта монета принадлежит «не к Олегову веку..., а вероятно к позднему времени (около X века)».

На основании присланного снимка с монеты Куник подготовил соответствующее донесение, содержание которого стало, конечно, известно Кёне. Летом 1859 года Кёне представил в Первое отделение Эрмитажа новую записку, продолжая отстаивать свою точку зрения. Однако аргументация его строилась на личной неприязни. Кёне выразил удивление тем, как можно было истолковать ясную, по его мнению, латинскую надпись с помощью греческого и старославянского языка, но главное, в его записке содержался следующий пассаж: «Я уже писал для напечатания в Записках Одесского Общества древностей российских и в Германском журнале для нумизматики статью о монете Олега; эта статья будет поднесена на суд всех знатоков, между которыми, к несчастью, не могу поместить гг. чиновников I Отделения Императорского Эрмитажа, так как никто из них до сих пор не издал в свет никакого сочинения по нумизматике». Иными словами, Кёне прямо обвинил своих оппонентов в непрофессионализме. Такое самонадеянное утверждение вызвало негодование Жилья, Куника и других учёных. Сейчас может показаться странным, что это язвительное замечание в общем-то вполне невинного характера привело к столь заметному скандалу. В нынешнее время нравы в науч-

ной среде таковы, что люди позволяют себе куда более резкие и безапелляционные высказывания. Но в те времена научное сообщество ещё не опустилось до такого уровня, и подобного рода вещи воспринимались как недопустимые в научной полемике в принципе (заметим, кстати, что Кёне не заявил об этом публично в печати, а только позволил себе высказывание в рамках, по сути, деловой переписки).

«Вследствие такого и подобных отзывов г. начальник I Отделения Эрмитажа вынужденным нашёлся вызвать сочинителя предлагаемого рассуждения на защиту своего мнения в печати», — писал Куник в предисловии к своей публикации. Но ещё до того, как это произошло, в ноябре 1859 года Кёне опубликовал в берлинском «Журнале нумизматики, сфрагистики и геральдики» статью под названием «Древнейшие монеты России», в которой, в частности, описал и найденный экземпляр в качестве монеты Олега, то есть самого древнего русского исторического памятника. Именно это открытие как бы самого древнего подлинного русского предмета, по видимому, составляло особенную гордость и претензию Кёне. По словам Куника, «в ноябре месяце 1859 года он почтил меня своим вниманием, доставив мне оттиск своего сочинения, к чему присовокупил свои угрозы в случае нового противоречия с моей стороны. <...> Как человек, могу я простить и забыть этот и другие поступки г. Кёне: они характеризуют особенно его. Как учёный, мог бы я с совершенным спокойствием души ждать, какое влияние произведёт на современников его объяснение древнейшей русской монеты. Но я не могу отказаться от исполнения поручения, возложенного на меня по службе».

Именно во исполнение этого поручения Куник в 1860 году опубликовал отдельную книгу под названием «О русско-византийских монетах Ярослава I с изображением Св. Георгия Победоносца». В ней автор подробно осветил вопрос о серебряниках Ярослава Мудрого и опроверг заблуждения Кёне. Куник показал, что на лицевой стороне монеты изображён вовсе не вещий Олег, а святой Георгий Победоносец — небесный покровитель князя Ярослава. Надпись, которую Кёне принял за латинскую, на самом деле греческая и означает «святой Георгий» (Кёне принял греческие буквы O (сокращение от греческого «агиос», то есть «святой»), Γ, E за латинские OLE и т. д.). Изображение на оборотной стороне с трезубцем соответствует другим экземплярам серебряников Ярослава, а надпись читается на кириллице как «Ярославле сребро». При этом Куник в своей книге привёл перевод и статьи Кёне, вернее, той её части, которая касается данной монеты. Показательно его заключение: «Таким образом каждому просвещён-

ному любителю русских древностей дана возможность войти в многолетний и запутанный вопрос о Ярославле серебре и в особенности верно оценить учёное достоинство последнего его объяснения. Как г. Кёне мог отважиться на такое странное толкование предмета, в сущности самого простого, и как мог так долго упорствовать в своём мнении, — иным покажется вовсе непонятным, *других же*, ближе знакомых с нумизматическими и геральдическими трудами г. Кёне, *нисколько не изумляет*. Нумизматика и геральдика, как все историко-филологические науки, требуют, кроме *добросовестного* изучения предмета, умения применять к нему *историко-критическую методу*. Достаточно ли показал в себе г. Кёне эти два необходимые качества вообще и особенно в своём рассуждении о русско-византийских монетах, — судить об этом *вызываем самих читателей*: их же беспристрастному суду мы подвергаем и наш опыт довести, по мере наших сил, спорный вопрос о Ярославле серебре до всестороннего объяснения»⁴⁸. Книга Куника действительно стала важной вехой на пути исследования древнейших русских монет⁴⁹.

Однако скандал на этом не закончился. Масла в огонь подлил небезызвестный критик Владимир Васильевич Стасов (1824—1906), уже тогда работавший в Императорской публичной библиотеке. В том же 1860 году в журнале «Русский вестник» (в рамках раздела «Современная летопись») он под псевдонимом «Ст. Владимиров» опубликовал заметку «Учёный скандал. Письмо к редактору»⁵⁰. Тем самым Стасов вынес сугубо, казалось бы, научный вопрос за рамки узкопрофессионального сообщества, сделав из него общественно значимые выводы. Автор описал суть произошедшей полемики, а далее обрушился со свойственной ему горячностью на «заграничного» «учёного» Кёне. Стасов предположил, что Кёне прекрасно понял свою ошибку, но что его упорство объясняется исключительно самомнением и карьерными соображениями. Сам факт публикации статьи в немецком издании Стасов подверг сокрушительной критике: «Ему нужна жалоба и донос на постыдную русскую науку и постыдных русских учёных, которые вздумали читать латынь по-русски». Далее он восклицал: «Разве всё это позволительно? Разве нам нужны здесь такие люди, которым нет ни малейшего дела не только до нашей науки, до наших памятников, но собственно говоря ни до никакой на свете науки, ни до каких на свете памятников, и которые однако же являются к нам просвещать нас по многим статьям, им известным, как они уверяют, и живут у нас только для того, чтобы находить всё у нас нелепым и бестолковым, и жаловаться потом в своей *Vaterland* — если только у них есть

Vaterland! Разве нужно нам терпеть здесь людей, которые являются под титулом учёных, которые потом вовсе такими не оказываются, а вместо того ухитряются пустить у нас порядочные корни везде, где их влияние может быть только вредно? Нет, они нам не нужны; но зато, кажется, мы им крепко нужны. Вспомним, что этого сорта индивидуумы особенно сильны по части практической, и необыкновенно ловки по части искусства свивать себе тёплые гнёзда». Таким гнездом для Кёне Стасов, очевидно, считал Департамент герольдии Сената. Он обрушился и на практическую геральдику, полагая, что заниматься ею в современной жизни — «просто дело постыдное». Тут нужно заметить, что сам Владимир Васильевич в своё время несколько лет прослужил секретарём в Департаменте герольдии и, по-видимому, вынес подобные умозаключения из опыта этой службы. В целом же направленность этой статьи ясна — Стасов всю жизнь горячо отстаивал всё национальное в противовес европейскому влиянию на русскую культуру.

Как бы то ни было, репутация Кёне в научной сфере оказалась подмочена. И хотя он впоследствии осуществил некоторые полезные научные исследования, среди которых особенно важным было открытие истории приобретения Екатериной II картинной коллекции у берлинского коммерсанта И. Э. Гоцковского в 1764 году — тем самым было положено начало Эрмитажу и именно эта дата считается датой его основания, — в истории русской нумизматики «монета Олега» осталась ярким и незабываемым казусом.

В шуточных (и во многом несправедливых) стихах археолога Е. Е. Люценко, написанных в 1870-х годах, среди прочего о Кёне говорится так:

Не он ли где-то отыскал
Монету мнимую Олега
И с ней нечаянно попал
В болото топкое с разбега,
Откуда выбраться не мог,
Своё отстаивая мнение.
Хвала, тебе, археолог,
Науки русской украшение!

САГА ОБ ОДДЕ СТРЕЛЕ

В конце XIX века в Петербурге вышли три тома замечательного издания «Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращённых переводах с подлинных текстов О. Петерсон и Е. Балобановой». Во втором томе, посвящённом Скандинавии, в числе других литературных памятников был опубликован и перевод «Саги об Одде Стреле». Таким образом, русский читатель впервые познакомился с текстом этой саги, имеющей большое значение для истории Древней Руси. Особенно важно, что сам перевод был сделан с научного издания саги, осуществлённого голландским лингвистом, специалистом в области древнескандинавской литературы Рихардом Константом Буром (1863—1929) незадолго до этого, в 1892 году. В основу перевода легла краткая (то есть наиболее ранняя по времени) редакция саги (начало XIV века). В этой редакции отсутствуют интерполяции, непосредственно связанные с Русью, однако имеется легенда о смерти Одда, роднящая текст саги с древнерусским летописным преданием.

Необходимо сказать несколько слов об авторах трёхтомника. Ольга Михайловна Петерсон (1856—1919) была выдающейся деятельницей русского просвещения, организовавшей в Петербурге частное женское учебное заведение (позднее преобразованное в частную гимназию). Она оставила ряд трудов по педагогике и внесла определённый вклад в дело женского образования — именно с педагогической целью ею были предприняты переводы и пересказы европейских литературных произведений от средневекового «Романа о Лисе» и «Сиде» Корнеля до «Робинзона Крузо» Дефо. Этой работе способствовало свободное владение рядом европейских языков, в том числе и не очень популярных в то время (таких как норвежский). О. М. Петерсон интересовалась, конечно, и творчеством писательниц-женщин — она подготовила книгу «Семейство Бронте», в которую вошли пересказы романов сестёр Бронте и различные сведения о них и их семье. К числу популяризаторских дел Ольги Михайловны относился и упомянутый трёхтомник. Его ценность заключалась в использовании непосредственных изданий источников, а добротный уровень был обусловлен профессиональной подготовкой как Петерсон, так и Балобановой. Обе они окончили историко-филологическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов, где учились у таких выдающихся учёных, как историк

литературы Александр Николаевич Веселовский (1838—1906) и фольклорист Орест Фёдорович Миллер (1833—1889).

Соавтор О. М. Петерсон Екатерина Вячеславовна Балобанова (1847—1927) имела ещё более фундаментальную подготовку в области фольклористики и литературоведения. Ещё до поступления на Бестужевские курсы она закончила Мариинский институт благородных девиц и училась за границей — в Сорбонне на отделении кельтских языков, в Гейдельбергском и Гёттингенском университетах. Е. В. Балобанова много путешествовала по Европе, где изучала и собирала фольклор — ей принадлежат работы, посвящённые кельтскому, германскому, испанскому эпическому и народному творчеству. В своих книгах она популяризировала европейскую народную литературу, сама писала произведения для детей. Как и О. М. Петерсон, Екатерина Вячеславовна прекрасно владела десятком европейских языков. Её служебная деятельность была посвящена библиотечному делу, которому она отдала почти 40 лет жизни. Замечательные деятельницы русской культуры, «бестужевки» О. М. Петерсон и Е. В. Балобанова были яркими примерами тех женщин, которые в пореформенной России демонстрировали успехи и возможности женского образования и гуманитарной научной деятельности.

Скандинавский том их трёхтомника включал, прежде всего, фрагменты Старшей и Младшей Эдды, а также несколько саг, в том числе «Сагу о Вэльсунгах» и «Сагу о Гуннлауге Змеином языке». К числу переведённых и пересказанных саг относилась и «Сага об Одде Стреле», которая публикуется здесь по этому изданию (Т. II. СПб., 1898. С. 117—159). В предисловии составительницы отметили, что «старались выбирать саги, написанные наиболее живо и талантливо, интересные по своему сюжету, не требующие большого количества комментариев, и не исключительно местного характера, а представляющие какие-либо точки соприкосновения с другими литературами, хотя в то же время живо рисующие бытовые условия жизни Исландии». Так, «Сага об Одде Стреле» «стоит в тесной связи с нашим летописным сказанием о смерти Олега».

Интересно, что отдельные мотивы саги находят и другие, менее очевидные параллели с циклом варажских преданий в Повести временных лет. Так, Одд из чувства мести убивает отца и трёх братьев принцессы Эльвёр (Эльвы в публикуемом переводе), которая потом становится его женой. Это напоминает историю женитьбы на Рогнеде Владимира, убившего её отца и двух братьев. А крещение Одда после того, как он долго беседовал с аббатом о вере и попросил показать ему богослужение, которое ему очень понравилось, в некоторой степени со-

относится с преданием о крещении Руси (проповедь греческого философа перед Владимиром и «испытание» вер). Все эти параллели показывают общность культурно-эпических традиций Древней Руси и древней Скандинавии в эпоху викингов.

При публикации сохранены старинные написания древнескандинавских имён и названий — Графниста (Хравниста), Гаральд (Харальд), Лоптена (Лофтена), Ингиальд (Ингьяльд), Финмаркен (Финнмарк), Геррауд (Херрауд), Гарек (Харек) и т. п. Комментарии О. М. Петерсон и Е. В. Балобановой в некоторых случаях дополнены автором.

1. Рождение и юность Одда

Жил на острове Графнисте* человек, по имени Грим, по прозвищу «бородатый». Так прозвали его за то, что щёки его совсем заросли волосами. Грим имел свою собственную землю, и много было у него скота и всякого добра, и советы его принимались с доверием не только соседями, но и далеко в округности. Был он женат, и жену его звали Лоптеной. Она была родом из Вика**.

Получил Грим известие из восточной стороны, что умер тесть его, Гаральд. Лоптена была единственной его дочерью, и приходилось ей теперь ехать туда, чтобы получить после отца скот и деньги. Но Грим так любил её, что собрался ехать вместе с нею. Выждав попутного ветра, отправились они на двух кораблях в восточную землю и прибыли в страну, которая называлась Берурьюдри***. Там остановились они на ночь и послали человека поискать им пристанища.

Жил тут богатый свободный землевладелец Ингиальд с женою своею Альфою, и был у них один сын, маленький, хорошенький мальчик, Асмунд. Как только узнал Ингиальд о приезде Грима, поехал он к нему навстречу и пригласил его к себе в дом вместе с теми из его спутников, которых он пожелает взять с собой, и Грим охотно принял его приглашение.

Когда приехали они к Ингиальду, Лоптену провели в жилую половину дома, а Грима в чистую, — посадили его там на верхнем конце и стали угощать всем, что только было лучшего в доме.

---

* Остров Хравниста, теперь Рамстад, находится у западного берега Норвегии (в современной губернии Нур-Трёнделаг).

** Местность около фьорда Христианиа (Осло-фьорда в юго-восточной части Норвегии).

*** Берурьёд (Bergsjød), хутор на юго-западном побережье Норвегии.

Между тем, пока оставались они в доме Ингиальда, родился у Лоптены мальчик, необыкновенно красивый и крупный, и назвали его Оддом. Вскоре после рождения Одда Грим сказал, что пора им трогаться в путь. Ингиальд потребовал тогда вознаграждения за свои хлопоты. Грим нашёл это основательным.

— Выбери же сам себе в награду, чего ты только пожелаешь, — сказал он, — потому что много у меня разных драгоценностей и скота.

Ингиальд же отвечал:

— Не мало скота и у меня самого; я же хочу заключить с вами большую дружбу, и потому прошу вас отдать мне вашего Одда, и я буду заботиться о нём, как о своём собственном сыне.

— Это сын Лоптены, и на это я не согласен, — сказал Грим. Но Лоптена присутствовала при их разговоре.

— Мое же желание, — сказала она, — чтобы он получил то, о чем просит.

Уехали Грим и Лоптена со своими спутниками дальше на восток, а Одд остался в Берурьюдри.

Грим, пробыв на востоке, в Вике, столько времени, сколько было ему нужно, сел на корабль и поплыл назад в свою землю и на этот раз, не останавливаясь уже в Берурьюдри, добрался до своих владений и поселился там по-прежнему в своём доме.

Между тем Одд рос себе в Берурьюдри и был самым рослым и красивейшим юношей не только во всей Норвегии, но и в других землях. Он отличался всеми доблестями, какие только можно себе представить. Асмунд тоже был прекрасный юноша и всегда был готов служить Одду. Ни за что не хотел Одд ни участвовать в играх, ни стричь овец, как другие мальчики, но зато он с Асмундом были искусны в стрельбе и умели вести разумную беседу, потому что Ингиальд был мудрый человек и учил их этому. Ингиальд во всём отдавал предпочтение Одду перед Асмундом.

Одд верил только в свою собственную мощь и силу и ни за что не хотел совершать жертвоприношений богам, а потому Ингиальд приучал к этому сына своего Асмунда. Приказал раз Ингиальд убить чёрного козла и содрать с него шкуру, и Одд попросил, чтобы он отдал её ему, и так это и было. Потом велел Одд сделать себе лук гораздо больше и крепче, чем у других людей.

Ежедневный наряд Одда состоял из пурпурового кафтана, туго стянутого поясом, и нарядных штанов и башмаков; на голове он носил золотую повязку, колчан за плечами и лук в руке; кроме этого, не было у него никакого другого оружия.

Каждому старался он дать полезный совет и всем желал добра. Так дело шло, пока не исполнилось Одду двенадцать, а Асмунду пятнадцать лет. И был тогда Одд так силен, что вряд ли бы нашёлся хоть один человек, который мог бы поспорить с ним в силе.

II. Предсказание ясновидящей

Жила женщина по имени Гейдр, и была она колдунья и ясновидящая, и знала как прошедшее, так и будущее. Она странствовала по всей стране, и все люди приглашали её, чтобы она предсказала им их судьбу.

При ней всегда было тридцать рабов — пятнадцать юношей и пятнадцать девушек, помогавших ей во время её чародейства. В один из её объездов случилось ей проезжать неподалёку от поместья Ингиальда.

Рано утром проснулся Ингиальд и пошёл туда, где спали молочные братья, и, подняв их на ноги, сказал:

— Я хочу послать кого-нибудь из вас сегодня по одному делу. Поезжай хоть ты, если хочешь, — прибавил он, обращаясь к Одду.

— Куда же это? — спросил Одд.

— Надо пригласить сюда на пир колдунью.

— Ну, так я не поеду, — сказал Одд, — по-моему, совсем не нужно, чтобы она сюда приезжала. И если ты непременно велишь мне ехать, то я поеду куда-нибудь в другое место.

— Ну, так приходится ехать тебе, Асмунд, — сказал отец.

Поехал тогда Асмунд с четырьмя спутниками, к колдунье и пригласил её заехать в Берурьюдри. Обрадовалась колдунья этому приглашению и в тот же день вечером приехала туда со всеми своими людьми. Сам Ингиальд вышел к ней навстречу с целою толпою народа и ввел её в дом, где было уже все готово для великолепного пиршества.

Одд же не хотел иметь никакого дела с колдуньей и, не желая показываться ей на глаза, не выходил к гостям и оставался на жилой половине дома.

Ингиальд между тем условился с колдуньей, что этою ночью совершит она большое гаданье. К ночи вышла она со своими людьми из дома, никто из них не ложился спать, и всю ночь совершали они свои чары.

На другое утро встал Ингиальд и пошел расспросить Гейдр, удалось ли ей её гаданье.

— Прежде, чем предсказать вашу судьбу, — сказала она, — мне надо ещё видеть вас всех, и каждый из вас по очереди должен подходить ко мне и просить меня открыть ему будущее.

— Так мы все сядем перед тобою на скамьи, — сказал Ингиальд, — и поочерёдно будем подходить к тебе.

Прежде всего спросил её Ингиальд о благоприятной погоде и о зиме, и она открыла ему то, о чём он спрашивал.

Потом подошёл он к ней и сказал:

— Ну, теперь хочу я узнать свою судьбу!

— Да, — сказала она, — приятно будет тебе узнать её! Ты будешь жить в Берурьюдри в большом почёте до глубокой старости. Но много странствий предстоит тебе, а также и всем твоим друзьям.

Тогда отошёл он от неё и пошёл на беседу с нею Асмунд.

— Хорошо, что ты подошёл ко мне, Асмунд, — сказала она, — но твой путь лежит далеко от дома, и не придётся тебе дожить до глубокой старости.

Выслушал это Асмунд и пошёл на свое место.

Так подходили к ней один за другим все люди, и каждому предсказала она, что было суждено ему в жизни. И все радовались её предсказаниям.

— Теперь, кажется, все уже подходили ко мне, — сказала она.

— Да, кажется, все уже побывали у тебя.

— А кто же это лежит там в соседней комнате под периною? — спросила она. — Сдаётся мне, что это должен быть какой-нибудь бессильный старик.

Сбросил с себя перину Одд, сел на постели и сказал:

— А между тем это, как сама ты видишь, настоящий мужчина, который хочет только одного, — чтобы ты молчала и не заботилась о его судьбе, потому что не верит он ни одному твоему слову; а если ты не оставишь меня в покое, то я ударю тебя прямо в лицо.

— Но тебе следовало спросить меня о своей судьбе; я должна открыть её тебе, а ты должен меня выслушать.

Сказав это, Гейдр запела какую-то таинственную песню.

— Вот что это значит, Одд, — объяснила она. — Ты достигнешь гораздо большей старости, чем все другие люди, — проживёшь ты целых триста лет, и объездишь много земель и морей, и всюду, куда ни приедешь, слава твоя будет только расти. Пути твои идут по всем странам, но умрёшь ты в Берурьюдри. Стоит здесь в конюшне конь серой масти, с длинной гривой, и череп этого коня причинит тебе смерть.

— Рассказывай свои бредни старым бабам! — крикнул Одд и, вскочив с места, так ударил колдунью прямо в лицо, что кровь полилась даже на пол.

Стала звать своих слуг колдунья и приказала им сейчас же собирать её вещи.

— Я непременно хочу уехать отсюда как можно скорее! — кричала она. — И лучше было мне совсем никуда не заезжать, чем ехать в это место!

— Побудь ещё на пиру, сколько условлено было, — уговаривал её Ингиальд, — а потом я одарю тебя подарками.

— Выкладывай скорей свои подарки, вместо пени за обиду, — отвечала ему Гейдр, — и я сейчас же отправлюсь в путь со своими людьми.

Пришлось сделать так, как она хотела. Получила она от Ингиальда подарки и, не дожидаясь конца пира, отправилась в путь.

III. Одд и Асмунд убивают коня

Спустя недолгое время Одд позвал с собою Асмунда и пошли они туда, где стоял конь. Накинули они на него узду и повели его с собою в долину. Там вырыли они яму, глубиною почти в два человеческих роста, и убив коня, бросили его туда. Потом завалили молочные братья эту яму такими большими камнями, какие только были им под силу, и насыпали ещё сверху много мелких камней и песку, так что над могилой коня образовалась высокая насыпь. И сказал тогда Одд:

— Не может исполниться теперь предсказание колдуньи о том, что конь этот причинит мне смерть.

Совершив всё это, вернулись они домой.

IV. Отъезд Одда из Берурьюдри и прибытие его в Графнисту

Некоторое время спустя пришёл Одд, чтобы поговорить с Ингиальдом, и сказал так:

— Я хочу, чтобы ты оснастил мне корабль!

— Что будешь ты с ним делать? — спросил Ингиальд.

— Я намереваюсь пуститься на нём в путь, покинув твою землю.

— А кто же поедет с тобою? — снова спросил его Ингиальд.

— Мы поедем вдвоём с Асмундом.

— Но я не хочу, чтобы вы уезжали надолго, — заметил Ингиальд.

— Нет, мы уедем совсем, — отвечал ему Одд, — и уж не вернёмся больше домой.

— Но этим вы причините мне большое горе!

— Ты вызвал это тем, что пригласил сюда колдунью.

— Нечего делать, — сказал тогда Ингиальд, — всё будет сделано так, как ты хочешь.

Принялись молочные братья готовиться в путь. Ингиальд снарядил им двенадцативёсельное судно и всё хорошенько приладил на нём, а затем пожелал им счастливой жизни. Гребцы взялись за вёсла, и лодка отошла от берега.

— Куда же мы поедем? — спросил тогда Асмунд, и Одд отвечал ему, что прежде всего надо им побывать у его родных в Графнисте.

— Далёкий путь предстоит нам, и тяжело будет грести так долго, — заговорил Одд, как только вышли они в море. — Теперь-то время показать мне, какого я рода: отец мой Грим всегда имел попутный ветер, куда бы он ни плыл.

Поставили они паруса, и сейчас же подул самый лучший попутный ветер и понёс их на север — в землю Галугу, и пристали они там к берегу в Графнисте. Высадившись на берег, пошли они к жилью. За спиной у Одда был его колчан, а в руках лук, и Асмунд тоже захватил с собою своё оружие.

Как только дошло до Грима известие о их приезде, вышел он к ним навстречу со всеми своими домочадцами и стал упрашивать остаться у него.

— Нет, мне хотелось разыскать прежде родственников своих, Гудмунда и Сигурда, — отвечал ему Одд. — Слыхал я, что собирались они ехать в Биармию*.

— Хотелось бы мне, чтобы вы прожили со мною хоть эту зиму, — уговаривал его Грим.

Но Одд не согласился, и Грим должен был уступить.

Гудмунд был родной брат Одда, только годами двумя его моложе, а Сигурд — их племянник, сын их сестры, и оба они были отважные юноши. Поехал тогда Грим вместе с Оддом на ту сторону острова, где у Гудмунда с Сигурдом были уже приготовлены два корабля. Окликнул их Одд с берега, и они очень обрадовались ему.

— Дело в том, — закричал им Одд, — что мы, с моим молочным братом, хотели бы отправиться в странствия вместе с вами!

— Невозможно теперь уладить это, — отвечал ему Гудмунд, — мы совсем уже приготовились к плаванию и вместе, сообщая запаслись едой, питьём и всем прочим, и не можем принять теперь на корабль того, кто не участвовал в заготовлении припасов. Потерпи, брат, и поедем вместе летом, если к тому времени не пройдёт ещё у тебя охота.

---

* Биармия или Бьярмаланд — «страна бьярмов», земли у побережья Белого моря.

— Хорошо сказано, братья! — отвечал им Одд. — Но может статься, что к лету мне уж не будет нужды в корабле под вашим начальством!

— Ну, а теперь тебе никак нельзя ехать с нами, — снова отвечал ему Гудмунд.

— Да никто и не станет вас больше просить об этом, — сказал Одд.

Вернулся Одд с отцом своим домой. Грим приготовил ему почётное место рядом с собой, а следующее отдал Асмунду. Хозяйка дома, Лоптена, встретила их особенно радостно и радушно и приготовила им роскошный пир.

У. Сон Гудмунда

Теперь надо рассказать о Гудмунде и Сигурде. Просидели они со своими кораблями уж с полмесяца, и всё не было им попутного ветра. Но вот случилось раз ночью, что Гудмунд сильно беспокоился во сне, и все кругом говорили, что следовало бы разбудить его; но Сигурд сказал, что лучше дать ему случай воспользоваться сном*.

— Что это приснилось тебе? — спросил Сигурд Гудмунда, когда тот проснулся.

— Приснилось мне, будто мы так же вот стоим под островом с двумя кораблями, — отвечал Гудмунд, — и вдруг увидел я белых медведей, кольцом залёгших вокруг острова Графниста, а перед самыми кораблями торчала из-под воды голова страшного зверя. И было это так ужасно, что я никогда не видывал ничего подобного! И представилось мне, что зверь этот непременно бросится на корабли и потопит их.

И сказал тогда ему Сигурд:

— Большое значение имеет твой сон! Зверь, приснившийся тебе, — это душа** родственника нашего Одда. Он смотрит на нас волком, мстит нам, и, думаю я, это он не даёт нам попутного ветра за то, что мы отказались взять его с собой.

— Так как же нам быть? — спросил Гудмунд.

— Надо пригласить его ехать с нами, — отвечал Сигурд.

---

* «Сигурд, очевидно, предполагал, что это был вещий сон» (прим. О. М. Петерсон и Е. В. Балобановой).

** «Скандинавы представляли себе душу человека совсем независимым, отдельным от него существом, по большей части имевшим облик какого-нибудь зверя. В сагах часто рассказывается о подобных снах, обыкновенно предвещающих какое-нибудь несчастье» (прим. О. М. Петерсон и Е. В. Балобановой).

— Но теперь, пожалуй, он уж не захочет ехать с нами, — заметил Гудмунд.

— Ну, так тогда придётся нам уступить ему один совсем снаряжённый корабль.

Порешивши так, сошли они на берег и поехали домой к Гриму, застали там Одда и стали приглашать его ехать вместе с ними. Но Одд отвечал им, что теперь он уже не поедет.

— Вместо того, чтобы тебе совсем не ехать, лучше возьми себе один из наших кораблей со всеми находящимися на нём припасами! — сказали они ему.

— Ну, в таком случае я поеду с вами, потому что сам я и так готов, — отвечал им Одд.

*VI. Прощание с Гримом и поездка в Финмаркен**

Собрались они в путь, и сам Грим проводил их к тому месту, где стояли корабли, и на прощанье сказал Одду:

— Я хочу подарить тебе большую драгоценность: вот эти три стрелы. Называются они «подарок Гузи»; я получил их от самого Гузи, финского короля. Замечательны они тем, что после выстрела сами собою прилетают назад к стрелку и притом никогда не дают промаха.

Взял Одд у него стрелы и увидел, что были они с золотыми краями.

— Хороший подарок сделал ты мне, отец, — сказал он, — и большое тебе за него спасибо!

Тут они простились и разошлись.

Взошёл Одд на свой корабль и, сейчас же кликнув людей, приказал им поднять якорь. Сначала взялись они за вёсла, но как только отошли от берега, Одд распорядился, чтобы поставили паруса: сейчас же подул попутный ветер, и они поплыли на север, к Финмаркену. Добравшись туда, ночью стали они на якорь недалеко от берега. Перед ними на берегу виднелось множество землянок. Как только наступило утро, отправился Гудмунд со своими людьми на берег и разграбил все землянки, потому что были там одни женщины, мужчин же никого не было дома. Хотелось попасть на берег и людям Одда, но он запретил им покидать корабль.

Вернулся Гудмунд на корабль и стал уговаривать Одда отправиться вместе с ним на следующее утро туда же, на берег, но Одд отказался и сказал, что он предпочитает с на-

---

* Финмаркен — северная часть Скандинавского полуострова, впоследствии Лапландия.

ступлением утра поднять паруса и пуститься в дальнейший путь.

Так они и сделали, и о плавании их ничего больше не говорится, пока не прибыли они в Биармию и не вошли со своими кораблями в реку Вину*.

VIII. Они берут в плен кравчего, но он бежит от них

Как только наступила ночь, сказал Одд своим людям:

— Как вы думаете, что нам теперь делать?

Они попросили его, чтобы он решил это сам.

— В таком случае, — сказал он, — мы сядем с Асмундом в лодку и поедem на берег, чтобы посмотреть, что за люди живут там.

Так они и сделали и, выйдя на берег, пошли вглубь страны, находя дорогу по вехам. Было очень темно, но, тем не менее, разглядели они перед собою большой дом и направились к нему. Подойдя к дверям, увидели они, что внутри его было так светло, что в комнате не оставалось почти ни одного тёмного уголка. Множество мужчин сидело там на скамьях, тянувшихся с обеих сторон вдоль стен комнаты, и все эти люди веселились и пили.

— Понимаешь ли ты хоть сколько-нибудь, что говорят эти люди? — спросил Одд.

— Не более, чем в птичьем щебете, — отвечал ему Асмунд, — а ты понимаешь что-нибудь?

— Приметил я здесь одного человека, — сказал Одд, — того, что подаёт питье сидящим на обеих скамьях, и сдаётся мне, что должен он говорить на норвежском языке. Теперь ты подожди меня тут, а я пока войду туда.

Вошёл Одд в комнату и остановился у дверей около стола, на котором стояла посуда. Здесь было всего темнее, потому что было это всего дальше от огня.

Понадобилось кравчему подойти к столу с посудой; но не успел он сделать несколько шагов в ту сторону, как Одд схватил его и поднял на воздух. Принялся тогда кравчий кричать, что схватил его какой-то злой дух. Повскакали с своих мест биармы и бросились было на помощь к кравчему, но Одд успел уже вынести его из дома и скрылся у них из глаз.

Вернулись они на корабль и привезли с собой и пленного кравчего. Посадил его Одд рядом с собою и стал его расспрашивать.

---

* Северная Двина.

— У тебя нет иного исхода, — сказал Одд, — или ты будешь отвечать мне, потому что я знаю, что ты говоришь по-норвежски, или же я закую тебя в цепи.

— Спрашивай меня, о чём хочешь, — сказал кравчий.

— Скажи же мне, какого ты рода и как долго прожил ты здесь?

— Прожил я здесь вот уже семь лет, а родом я норвежец.

— Научи же нас, где искать нам добычи, — продолжал расспрашивать Одд.

— Стоит на берегу реки Вины могильный курган, и весь он сложен из земли и денег: туда приносят землю и серебро всякий раз, как умрёт кто-нибудь из здешних людей.

И сказал тогда Одд Гудмунду:

— Мы поедем ночью по указанию его к могильному кургану, а вы караульте здесь хорошенько этого человека, чтобы он как-нибудь от вас не убежал.

Оставив кравчего на корабле, вернулся Одд на берег и направился к кургану.

Между тем Гудмунд с Сигурдом, оставшись на корабле, посадили кравчего между собою. Но он однако же, выбрав удобную минуту, спрыгнул-таки с корабля в воду. Погнались было за ним, но он успел уже выплыть на берег и скрылся в лесу.

VIII. Приготовление к битве

Надо теперь рассказать о поездке Одда с его спутниками.

Выбравшись на берег, разыскали они могильный курган.

— Теперь надо нам приготовить ноши, — сказал Одд, — каждому себе по силам.

Было это рано утром; чуть начинало светать, и по берегам реки было ещё почти совсем темно.

— Не видишь ли ты чего-нибудь? — спросил Одд Асмунда.

— Я ничего не вижу, — отвечал Асмунд, — а ты что видишь?

— А я вижу, что как будто большая толпа людей выходит к нам из леса, и думается мне, что, вероятно, это Гудмунд выпустил кравчего, и он теперь ведёт на нас биарму.

— Как же нам теперь быть? — спросил Асмунд.

— Ты с нашими людьми вернёшься к реке, — сказал Одд, — и спрячешься за тем пригорком, что стоит как раз над рекою: там приготовитесь вы к битве, привязав наперёд на спину добычу.

Так и сделали. Сам же Одд побежал в лес и, срезав себе огромную дубину, поспешил вернуться к своим.

Толпа быстро приближалась к ним, и Одд скоро узнал в ней и кравчего.

— Зачем изменил ты нам и привёл к нам биарму? — крикнул ему Одд издали.

— Они хотят выбрать место для торга с вами.

— Чего им от нас нужно?

— Хотят они выменять у вас ваше оружие.

— Но мы этого не хотим!

— Ну, тогда придётся вам защищать свою добычу и жизнь, — то самое, за чем мы и пришли сюда.

— Пусть будет так, — сказал Одд.

И сказал он тогда своим людям:

— Надо нам постараться, чтобы после битвы не осталось здесь на месте никого из наших; пусть же каждый из нас, найдя мёртвого, бросит тело в реку, чтобы они не напустили на нас чар заклинаниями над телами наших мертвецов.

IX. Битва и возвращение на корабли

Скоро биармы подошли к ним совсем уже близко. Тогда Одд, схватив обеими руками свою палицу, напал на них, и множество людей полегло под его ударами. Асмунд тоже не отставал от него, и множество биармы было положено на месте, а остальные бежали. И велел тогда Одд своим людям собирать добычу и брать только золото и оружие, не трогая ничего другого. Так они и сделали. Но прежде чем успели они вернуться к своим, корабли уже тронулись с места.

— Как же теперь быть? — сказал Одд. — Или это хитрость Гудмунда, чтобы заставить нас вернуться, или они нас так обманули, как мы и не ожидали!

— Этого не может быть! — сказал Асмунд.

— А вот я сейчас сделаю пробу, — сказал Одд.

Поспешно побежал он к лесу, влез на высокое дерево и развёл на вершине его огонь. Сделав это, он вернулся к своим. Тогда увидели они, что две лодки отошли от кораблей и направились к берегу; они узнали в них своих людей и вскоре радостно встречали своих родственников.

X. Поездка из Биармии в страну великанов

Вернувшись на корабли, пустились они в обратный путь, захватив с собою всю свою добычу. Но дальше нечего рассказывать о их плавании до тех пор, пока по-прежнему не достигли они Финмаркена. Здесь, как и в первый раз, стали они на

якорь и с наступлением ночи улеглись спать. Но ночью вдруг разбудил их такой громкий треск, какого они никогда ещё не слыживали.

— Что бы это значило? — стал расспрашивать Одд Гудмунда и Сигурда, и в то время, как они говорили об этом, послышался ещё сильнее грохот, а вслед за ним и третий — ещё того сильнее.

— Как же думаешь ты, брат мой, Одд, — сказал Гудмунд, — что бы такое это предвещало?

И сказал Одд:

— Слыхал я, что когда два разных ветра встают в воздухе и несутся друг другу навстречу, то, как только они сталкиваются, раздаётся сильный треск. Теперь надо нам хорошенько подготовиться, потому что надо ждать непогоды: вероятно, это финны насылают на нас бурю за то, что вы ограбили их.

Тогда накинули они на корабли предохранительные пояса* и приготовили всё, что было нужно в виду предсказания Одда. Затем подняли они свои якоря. Почти тотчас же разразилась буря, и была она так сильна, что чуть-чуть не потопила их; притом же не было никакой возможности грести. Буря свирепствовала, не утихая, целых двадцать дней.

Позвал наконец Одд Гудмунда и стал уговаривать его бросить награбленную у финнов добычу.

— Сдаётся мне, что за то, что вы ограбили финнов, — говорил он, — они не отпустят нас отсюда, пока мы не выкинем за борт всего их имущества.

— А каким же способом дойдёт до них то, что мы сбросим за борт? — спросил Гудмунд.

— А вот, увидим, — сказал Одд.

Так они и сделали: достали финскую добычу и сбросили за борт. Упав в воду, финские сокровища стали раскачиваться на волнах взад и вперёд, пока не попали в откуда ни возьмись всплывшую на поверхность воды корзину, и корзина, подхваченная ветром, взвилась на воздух и скрылась из виду. По мере того, как всё это совершалось, тучи стали расходиться, море успокоилось, и вскоре увидели они перед собою берег. Все люди до того были утомлены, что ни на что уже не были годны, и только один Асмунд мог ещё помогать Одду. Стали они рассуждать о том, что бы это могла быть за земля.

— Думается мне, что попали мы очень далеко, на самый северный край света, и, судя по тому, что рассказывают в

---

* «Пояс, перевязывавший корабль поперёк и сдерживавший доски, не давая им разойтись» (прим. О. М. Петерсон и Е. В. Балобановой).

своих сагах мудрые люди, должна это быть земля великанов. Но люди наши совсем утомились, а потому, думаю я, что как бы то ни было, а нам не остаётся ничего другого, как сойти на берег и отдохнуть.

После этого постарались они подойти как можно ближе к земле, правя прямо на видневшийся впереди небольшой мыс. Одд посоветовал выбрать это место для стоянки, потому что гавань была здесь хорошая, а недалеко от берега рос большой лес.

— Прежде чем разбить здесь палатку, — сказал Одд, — надо бы в лодке переправиться на берег и посмотреть, что это за земля.

Так они и сделали и скоро убедились, что это был большой привольный остров, но совсем необитаемый. Было на нём множество зверья в лесу, много китов и тюленей, на берегах много птичьих яиц и всякой птицы. Осмотрев остров, вернулись они к своим спутникам.

Стал Одд уговаривать своих людей, чтобы были они как можно осторожнее:

— Пусть каждый день с наступлением ночи по двенадцати человек наблюдают за островом; мы же займёмся рыбной ловлей и охотой, чтобы возобновить наш запас провизии.

Но вот раз, когда отправились они на остров, застигла их там ночь, и увидали они большого лесного медведя. Пустил по нём Одд стрелу из лука и не дал промаха. Так и убили они этого медведя. Тогда велел Одд, сняв с него шкуру, набить её и, всунув в чучело распорки, посадить его на задние лапы; в раскрытую же пасть велел он положить плоский камень, чтобы можно было разводять там огонь.

Уже несколько времени жили они на пустынном острове, как вдруг заметили на острове людей и такого огромного роста, что сейчас же сообразили, что это могли быть только великаны.

XI. Битва с Гнейн

Раз сидели они поздно вечером и приметили на мысе великанов.

— Любопытно мне посмотреть, — сказал Одд, — что это за люди такого огромного роста, и хочется мне, Асмунд, подъехать к ним поближе в лодке.

Так они и сделали: сели в лодку, подошли к самому мысу, подняли вёсла и стали прислушиваться. Тогда услышали они, что великан принялся вопить громким голосом.

— Вы знаете, — кричал он, — что какие-то бородатые ребята появились на нашем острове и убивают наших зверей и

всякую другую дичь. Теперь я созвал вас сюда на совет о том, как нам помешать им. Вот золотое кольцо, которое отдам я тому из вас, кто возьмётся погубить этих бородатых детей.

Тогда увидали они, что поднялась на ноги женщина, если только можно было назвать это существо женщиной.

— Немедля должны мы исполнять твои приказания, Бади, король великанов! — заговорила она. — Если ты хочешь, я сама поеду к ним.

— Хорошо же, Гнейп, — сказал он. — В таком случае возьми на себя это поручение. А теперь разве не видите вы все, как два таких бородатых младенца в лодке стоят под крутым берегом и слушают наш разговор? Вот я дам им себя знать!

И тут увидел Одд, что полетел к ним с берега камень. Поспешил тогда он отойти в сторону со своею лодкою, но вскоре полетел к ним второй камень, а вслед за ним и третий.

— Ну, надо нам скорее уходить от острова, — сказал Одд, и они поспешили вернуться к своим людям.

Но вскоре увидали они, что женщина вплавь догоняла их, с невероятной силой рассекая воду с каждым взмахом рук. Была она огромного роста и одета в платье из звериных шкур, и показалось им, что никогда ещё не видели они такого безобразного существа. В одной руке у неё была большая железная палка. Тогда Одд прицелился и пустил в великаншу стрелу, но Гнейп в ту же минуту чарами отвела стрелу, и она пролетела мимо.

Взял тогда Одд одну из стрел Гузи, натянул тетиву и спустил её. Стрела попала прямо в голову великанше, а потом, вырвавшись из раны, прилетела назад к тетиве лука.

— Ну, эта будет пострашнее: с нею не могу я бороться! — сказала великанша.

Пустил тогда Одд вторую стрелу короля Гузи, и с нею произошло то же самое.

— Ну, видно, приходится мне повернуть назад, — сказала Гнейп.

Повернула она назад, и показалось им, что была она слепа на оба глаза.

XII. Великаны в горе

— Хочется мне теперь, Асмунд, вернуться на берег, чтобы посмотреть, что за жилище было у Гнейп.

Вернулись они на берег; у Одда были его лук и стрелы, у Асмунда его оружие. Взобрались они на гору, стали осматривать её со всех сторон и увидали через расселину пещеру в горе, а в ней огонь, ярко освещавший её, между тем как кругом

было совсем темно. Много сидело там на обеих скамьях всяких троллей, великанов и великанш, самых страшных и безобразных, каких только можно себе представить. Никогда ещё не видали они ничего подобного.

— Где это служитель наш? — заговорил один из великанов. — Почему это не дают нам есть?

— Вот и я, — отозвался тот, — только принёс я вам недобрые вести.

— Какие вести?

— А такие вести, что дочь твоя Гнейп вернулась домой, слепая на оба глаза, которые прострелили ей стрелами.

— Этого надо было ожидать, — сказал великан, — она задумала погубить Одда с его спутниками за то, что было предсказано ему, что он проживёт гораздо больше, чем все другие люди. Знаю я также, что финны загнали его сюда для того, чтобы мы погубили его; но так как это нам не по силам, то должен я теперь дать ему бурный ветер, который вынесет его отсюда. Но прежде всего за то, что Одд ранил дочь мою, Гнейп, стрелой Гузи, надо дать ему имя, а потому пусть называется он теперь Оддом-Стрелой.

Вернулся Одд к своим товарищам и на расспросы Гудмунда рассказал им, как ослепил он великаншу Гнейп и получил за то новое имя.

— Финны послали на нас бурю, что принесла нас сюда, — сказал он, — великаны же пошлют нам бурный ветер, который вынесет нас на прежнее место, а потому нам надо готовиться в путь, — сказал Одд.

Так и поступили они, и с большим старанием приготовились к буре. И налетел тогда ветер ещё сильнее прежнего и вместе с ним мороз и метель, и снова пришлось им бороться с бурей двадцать дней и двадцать ночей, прежде чем попали они опять к берегам Финмаркена и могли стать на якорь, чтобы отдохнуть.

Ничего больше не рассказывается о странствии их до самого возвращения в Графнисту.

Грим встретил их с большою радостью и упросил Одда остаться у него на зиму со всеми своими людьми. И Одд согласился на это и провел всю эту зиму дома.

XIII. Битва с викингами и две поездки в Швецию

Весело проводил время Одд зимой в доме Грима, своего отца, но с наступлением весны стал он упрашивать отца снарядить ему три корабля и указать ему викинга, с которым мог

бы он помериться силами. Грим указал ему жившего на восток от него викинга Гальфдана, у которого было наготове целых тридцать кораблей. Выслушал его Одд и отправился с тремя кораблями против тридцати кораблей Гальфдана.

Хитростью победил Одд Гальфдана и, проведя все лето у берегов Норвегии, под осень отправился на север в Графнисту и опять провёл зиму у Грима. С наступлением весны снова стал он просить Грима указать ему викинга, с которым он мог бы сразиться. И сказал ему Грим, что на юге жил викинг Соти, у которого было сорок кораблей. Пустился Одд в путь, добрался до кораблей Соти, убил его самого и вернулся домой к Гриму и снова провёл у него целую зиму.

Прошло с полгода, и Одд снова стал готовиться в путь. Было у него теперь уже пять кораблей. На этот раз отец его Грим указал ему двух могучих викингов — Гиальмара и Торда. Было у них пятнадцать кораблей и по сто человек дружины на каждом; жили они у шведского короля Ингиальда и каждый год, с наступлением лета, выходили в море со своими военными кораблями.

Добрался Одд со своими спутниками до того места, где рассчитывали они встретить корабли Гиальмара и Торда, и стали в небольшой бухте, скрываясь за скалистым мысом. По другую сторону мыса стояли пятнадцать кораблей Гиальмара и Торда.

Приказал Одд своим людям разбить палатки на кораблях, а сам с Асмундом переправился на берег и сейчас же взобрался на высокий мыс, чтобы осмотреть местность.

Палатки Гиальмара и Торда были разбиты на суше, и сами они тоже были на берегу. Долго смотрел на них с мыса Одд и сказал:

— Сдаётся мне, что этих людей не испугаешь и что трудно застать их врасплох. Делать нечего, придётся нам переночевать здесь.

Так они и сделали, и как только рассвело, отправился Одд на берег для свидания с Гиальмаром. Тогда и Гиальмар, видя на берегу вооружённых людей, тоже вооружился и пошёл им навстречу и, подойдя ближе, спросил, что это за люди. Одд сказал ему своё имя.

— Не ты ли это несколько зим тому назад был в Биармии? За каким же делом приехал ты сюда? — спросил Гиальмар.

Отвечал Одд:

— Хочу я узнать, кто из нас двоих больший человек.

— Сколько же у тебя кораблей?

— У нас пять кораблей и по сто человек на каждом, а сколько у вас?

— У нас пятнадцать кораблей, — сказал Гиальмар, — и по сто человек на каждом, а потому мы устроим так: десять кораблей не станут принимать участия в битве, биться же будем один против одного.

Построили они своих людей, и началась битва, продолжавшаяся до конца дня, и ни одна сторона не уступила. Заключили они на ночь перемирие, а наутро битва началась снова и опять продолжалась до ночи — и снова кончилась ничем. Когда с наступлением ночи снова было заключено перемирие, Торд заговорил с Оддом и сказал ему, что он хотел бы, чтобы они сошлись и стали товарищами.

— Это мне нравится, — отвечал Одд, — только не знаю я, что скажет на это Гиальмар.

— Хочу я, чтобы вы признавали тот же закон викингов, который был принят у меня уж и раньше, — сказал Гиальмар.

— Прежде чем согласиться, должен я ещё знать, что это за закон, — отвечал Одд.

И Гиальмар заговорил:

— Ни я, ни люди мои не хотим мы ни есть сырого мяса, ни пить крови. Есть много людей, которые закручивают мясо в материю и потом бьют его и называют варёным, но мне кажется, что это волчья еда. Я не хочу обирать купцов или соседних жителей более, чем это необходимо при береговой войне, и не позволяю обижать и грабить женщин.

— Очень нравится мне твой закон, — сказал Одд, — всему этому согласен я подчиняться.

Так соединил Одд свои силы с силами Гиальмара и Торда, и с тех пор все свои походы совершали они вместе.

XIV. Поездка в Ирландию. Смерть Асмунда

С наступлением осени простился Одд с Асмундом и другими своими спутниками, которые отправились домой, а сам прогостил эту зиму у Гиальмара, жившего при дворе шведского короля Ингиальда, и все оказывали там Одду величайший почёт. С наступлением весны снова соединились они с Асмундом. Было у них теперь уже двадцать кораблей. Прежде всего захватили они Оркнейские острова, потом отправились в Шотландию и, пробыв там два года, захватили много шотландских земель и наконец предприняли поездку в Ирландию. Силы их за это время всё росли, и было у них теперь уже целых шестьдесят кораблей.

Прибыв туда, стали они уничтожать все всходы, жечь селенья, уводить скот и убивать людей, так что народ спешил

укрыться со своими пожитками в лесах. Во всех этих предприятиях Асмунд всегда был неразлучен с Оддом.

Раз как-то сидел Асмунд с Оддом на пригорке: они часто так ходили одни, не беря с собой никого из своих людей. У Одда, по обыкновению, в руке был лук, а за спиною колчан со стрелами. Сидя так с Асмундом, вдруг услышал он крики в лесу, а вслед затем пролетела стрела, и Асмунд упал на землю, раненный насмерть. Никогда ещё не знал Одд такого горя. Прикрыв Асмунда, чем было можно, поспешил он в ту сторону леса, откуда вылетела стрела. Вскоре увидел он в лесу обширную поляну, где были вырублены деревья, и там множество людей — мужчин и женщин. Тогда поднялась с земли женщина в платье из драгоценной материи; в руке у неё был лук. Одд взял одну из стрел короля Гузи и пустил её в этих людей, и стрела сейчас же вернулась назад. Одд продолжал стрелять и убил шестерых человек. И тогда вся эта толпа людей скрылась в лесу.

XV. Эльва

После смерти Асмунда такое зло взяло Одда, что решил он всеми силами вредить ирам. Выбрался он в лесу на тропинку и пошёл по ней, а там, где лесная чаща преграждала ему путь, он вырывал кусты вместе с корнями. Но один ветвистый куст, как показалось ему, сидел в земле не так плотно, как другие. Он подошёл к нему и, осмотрев его хорошенько, нашёл под ним прикрытый дверкою вход. Он поднял эту дверь и через отверстие спустился в подземелье, где увидел семерых женщин, из которых одна была красивее всех остальных. Одд сейчас же, взяв её за руки, хотел вывести её из подземелья.

— Оставь меня, Одд, — сказала она.

— Как знаешь ты, что зовут меня Оддом? — спросил он.

— Как только ты вошёл сюда, я сейчас же узнала, кто ты, а также и то, что с тобою тут Гиальмар; и должна я сказать тебе, что нет мне никакой охоты отправляться на ваш корабль.

Тогда подошли к ней её женщины и собрались было защищать её, но она велела им отойти.

— Хочу я откупиться от тебя, — сказала она Одду, — с тем только, чтобы ты оставил меня в покое.

— Не нужно мне от тебя ни скота, ни денег, — сказал Одд.

— Тогда я велю сшить тебе рубашку.

— У меня их и так довольно.

— Может быть, их у тебя и довольно, да только не таких, как эта: эта будет шёлковая и обшита золотом. В ней не будешь

ты знать холода ни на воде, ни на суше; ни море, ни огонь не причинят тебе никакого вреда, и никакое железо не в состоянии будет ранить тебя. Она перестанет охранять тебя только в том случае, если ты обратишься в бегство. Но для того, чтобы я могла приготовить тебе такую рубашку, ты должен уехать отсюда.

— Когда же будет она готова? — спросил Одд.

— Ровно через год в этот же самый день, когда солнце будет стоять на юге, мы встретимся с тобою в лесу на той же поляне.

— А чем же заплатите вы мне за смерть Асмунда?

— Неужели мало ещё тебе, что ты убил моего отца и трёх моих братьев?

— Ну, будь по-твоему, — отвечал Одд.

Вернувшись на корабль, рассказал он о смерти Асмунда, тело которого принёс с собою, и Гиальмар предложил ему остаться ещё на время в этой земле с тем, чтобы сжечь все селенья и перебить людей.

Но Одд сказал, что он намерен пуститься в путь при первом же попутном ветре. Подивились этому викинги, однако же решили поступить так, как он хотел; но перед отъездом они похоронили Асмунда и насыпали над ним высокий курган.

На следующий год, по желанию Одда, предприняли викинги новую поездку в Ирландию. Когда подошли они к берегам этой страны, Одд сказал, что он хочет съездить на берег один, без провожатых. Упрашивал его Гиальмар позволить ему поехать вместе с ним, но Одд настоял на своём.

Выбравшись на берег, пошёл он в лес и разыскал ту поляну, где должна была встретить его Эльва, дочь короля; но оказалось, что её там не было.

Одд уже рассердился было, как вдруг услышал стук колёс и, оглянувшись, увидал, что подъезжала Эльва и с нею множество народа.

Увидев Одда, Эльва сказала:

— Не хочу я, чтобы ты сердился за то, что я будто бы не исполнила того, что обещала.

— А где же рубашка? — спросил Одд.

Тогда показала она ему рубашку, и оказалась она как раз по нём.

— Чем могу я отплатить тебе за подарок? — спросил Одд. — Потому что стоит он гораздо больше, чем я ожидал.

— После смерти моего отца народ выбрал меня правительницей, — отвечала она, — и теперь хочу я, чтоб ты поехал со мною и прогостил у меня три года.

Согласился на это Одд. Согласился и Гиальмар прожить здесь с Оддом три года. По прошествии же этих трёх лет пришлось Одду с Гиальмаром снова пуститься в странствия.

Немало сражений выдержали Одд и его товарищи, уехав из Ирландии; не раз приходилось им биться с сильными и многочисленными врагами, и, несмотря на то, что было у него меньше кораблей и людей, чем у них, он всегда оставался победителем. Однако и ему пришлось потерпеть чувствительную потерю: в одном из сражений погиб его постоянный спутник Торд, а в другом — Гиальмар, и остался он только втроем со своими родственниками, Гудмундом и Сигурдом, и пришлось ему ехать в Швецию, чтобы сообщить там королю Ингиальду о гибели его викингов. Там все было очень огорчено этою вестью, и король Ингиальд уговорил Одда остаться у него, чтобы охранять его землю, как это делал прежде Гиальмар.

Рассказывают, что раз как-то летом направился Одд со своими десятью кораблями и со всеми своими людьми на Готланд. Там встретил его викинг по имени Сэвид. Он был искусный полководец, отличался необыкновенным ростом и силою и всю свою жизнь провёл в морских походах. Было у него много больших кораблей, и он сейчас же со всеми своими людьми вступил в битву с Оддом.

У Одда было гораздо меньше людей, чем у него, а потому к вечеру он один только уцелел на своём корабле. Тогда, пользуясь темнотою, прыгнул он в море и поплыл прочь от корабля. Однако один из неприятелей увидел это и, взяв дротик, пустил в него и ранил его в ногу. Вспомнил тогда Одд предостережение Эльвы, что рубашка не может уберечь от ран, если он обратится в бегство, и, повернув, поплыл назад к кораблю. Увидя это, викинги сейчас же схватили его, сковали ему ноги и, снявши с лука тетиву, связали за спиною руки. Тогда Сэвид назначил к нему стражу, а остальных своих людей отпустил спать и сам тоже ушёл в свою палатку. Большинство из них ночевало на берегу.

Когда все войско заснуло, Одд заговорил со сторожившими его людьми.

— Вот, бедные люди, — сказал он, — стерегут меня, и нечем им даже позабавиться. Устройте-ка так, чтобы один из вас развлекал других песней или сказкой, а если хотите, то я и сам буду петь для вас.

Они охотно согласились на это и попросили его спеть им что-нибудь. И Одд стал петь, и пел до тех пор, пока они все не заснули. Тогда увидел он около себя топор и стал тереться об него спиною, пока не перетёр тетивы, связывавшей ему руки, а освободивши руки, без труда освободился и от оков. Тогда

пошёл он искать своих стрел и, разыскав свой колчан и лук, бросился в воду и, выбравшись на берег, поспешил скрыться в лесу. Миновала ночь, и наутро решил Сэвид убить Одда, но оказалось, что стража спала, а Одд исчез.

Ещё несколько дней простоял на этом месте Сэвид, и Одд воспользовался этим, чтобы пробраться в его палатку, стоящую на берегу, и убить его; после чего, захватив большую добычу, вернулся он назад ко двору шведского короля и спокойно прожил там всю зиму.

XVI. Поездка Одда на Средиземное море и кораблекрушение

Раз весною послал Одд на север, в Графнисту, людей своих, приглашая к себе своих родственников, Гудмунда и Сигурда для того, чтобы вместе с ними отправиться в чужие земли.

Слава Одда в это время была уже так велика, что все иноземные короли спешили принять его и угостить его как можно лучше. На следующее лето отправился он со своими людьми в Грецию, а оттуда, сев на корабль, поплыл в Сицилию, которая в то время уже приняла христианство. Был там один монастырь, и правил им в то время аббат по имени Гуг; был он очень мудрый человек. Узнав, что приехали в его землю язычники из северной страны, этот почтенный аббат пошёл повидаться с ними и вступил в разговор с Оддом. Много говорил он ему о славе Божией, и Одд заставлял его всё это разъяснять себе.

Стал тогда аббат упрасивать Одда креститься, но Одд сказал, что надо ему прежде посмотреть их богослужение. В один из следующих дней поехал Одд со своими людьми в церковь, и там слушали они звон колоколов и прекрасное пение. Снова заговорил аббат с Оддом и спросил, как понравилось ему их богослужение. Одд отвечал, что очень понравилось, и попросил позволения прожить у них зиму. Аббат согласился.

Около праздника Рождества появились в той стране разбойники и стали грабить всю Сицилию. Аббат Гуг снова пошёл переговорить с Оддом и стал просить его освободить его землю от этих злодеев. Одд согласился и собрал свою дружину. Тою же зимою объехал он греческие острова и захватил там много сокровищ и даже доходил до земли, известной под именем Аквитании.

Совершив всё это, Одд снова вернулся на остров Сицилию и тут принял крещение от аббата Гуга, а вместе с ним и всё его войско.

Вскоре после того отправился Одд в Иерусалим, но доро­гою поднялась такая страшная буря, что все корабли его были разбиты. При этом погибли все его люди, и только он один выплыл на берег, ухватившись за какой-то обломок корабля. Однако колчан его со стрелами был на нём и уцелел.

XVII. Одд в стране гуннов

Долго странствовал Одд из страны в страну и, наконец, попал в землю гуннов*. Там нашёл он в лесу одну очень маленькую хижину и пожелал в ней отдохнуть. Был на нём большой плащ, как у странников, а в руках — колчан и лук. В то время, как он торопился к этой хижине, увидел он перед нею небольшого роста седого человека, который колот дрова. Человек этот поздоровался с ним и спросил, как его имя. Он назвал­ся Видфёруллем.

— А как же зовут тебя, человек? — спросил он.

— Меня зовут Иольфом, — отвечал тот, — ты, вероятно, хочешь здесь переночевать?

— Да, — сказал он.

Вечером Видфёруль достал из-под своего плаща нож, — был он очень красив и украшен золотыми кольцами. Хозяин взял этот нож в руки и стал рассматривать его.

— Не хочешь ли ты, чтобы я подарил тебе этот нож? — спросил Видфёруль.

— Очень был бы рад, — отвечал тот.

Вот, переночевали они эту ночь. Когда же на следующее утро проснулся Видфёруль, Иольфа уже не было дома.

— Муж мой хочет, чтобы ты погостил в его доме, — сказала ему жена хозяина.

— Хорошо, — сказал Видфёруль.

После полудня вернулся домой и муж, и тогда жена собрала им обед и накормила их. Хозяин положил перед собою на стол три каменные стрелы, украшенные богатою чеканною работою.

— А что, хорошие это у тебя стрелы? — спросил Видфёруль.

— Да, сам ты видишь, как они хороши, и я хочу подарить их тебе!

— Хороший это подарок; только не знаю я, должен ли я носить с собою каменные стрелы.

---

* В тексте Хуналанд — условное наименование южной страны («страны гуннов»).

— Может статься, Одд, — заговорил хозяин, — что стрелы эти послужат тебе тогда, когда не пригодятся стрелы короля Гузи.

— Так ты знаешь, что меня зовут Оддом?

— Да, — отвечал хозяин.

— Ну, так может статься, что ты знаешь и то, что говоришь, — сказал Одд, — а потому я беру эти стрелы и очень благодарю тебя за них, — и Одд положил их в свой колчан.

Узнав от приютившего его человека, что страную тою управлял король Геррауд, Одд попросил его проводить его к нему.

Когда подошли они к жилищу короля, король Геррауд пировал вместе со своими воинами. Сидели они все в просторной комнате, по продольным стенам которой стояли две неподвижные лавки. Король Геррауд сидел за столом; по одну его руку сидела дочь его, Сикильзиф, по другую — советник его и воспитатель его дочери, Гарек; два его витязя, Сигурд и Сиольф, сидели на лавке напротив короля.

Войдя в комнату, Одд с Иольфом поклонились королю.

— Что это за человек в плаще? — спросил король.

Одд сказал, что зовут его Видфёруллем.

— Из какой страны ты родом? — опять спросил король.

Видфёрулл ответил, что этого он не может сказать.

— Много лет уже не видал я своей родины и всё это время жил в лесах, и теперь пришёл сюда, чтобы просить позволения прожить здесь зиму, — прибавил он.

— Может быть, обладаешь ты каким-нибудь особенным искусством? — спросил король.

— Не больше всех других.

— Я дал слово, — заметил король, — что буду кормить только тех людей, которые могут на что-нибудь пригодиться.

— Со временем увидишь, государь, — отвечал Одд, — что и я на что-нибудь пригожусь.

— Может быть, на то лишь, чтобы таскать ту дичь, что подстрелят другие, — заметил король.

— Может статься и так, — сказал Видфёрулл.

— Посмотрим, — решил король и указал ему самое последнее место за столом.

Простившись с Иольфом и поблагодарив его, пошёл Одд к указанному ему месту. Там сидело двое человек из дружины — Ингиальд и Оттар. Одд сказал им, что тут было указано ему место.

— Да, — отвечали они, — и мы охотно принимаем тебя; садись между нами.

Так он и сделал; потом снял свой колчан, а посох свой положил себе под ноги. Тогда каждый из них стал наклоняться к нему и расспрашивать его о новостях, и оказалось, что он умел рассказать что-нибудь почти о каждой земле. Но никто из присутствующих не слышал их разговора.

Между тем пришло время всем им ехать на охоту.

— Мы должны встать завтра пораньше, — сказал Ингиальд.

— А что же завтра будет? — спросил Одд.

— Собирается король на охоту со всей своей дружиной и со своими витязями.

Легли они спать, а на следующее утро рано поднялись товарищи Одда и стали его будить, но никак не могли добудиться, и кончилось тем, что король со своею дружиной пустился в путь без них.

Поздно проснулся Одд, и оба товарища его, не захотевшие его покинуть, тотчас стали укорять его за то, что он так долго спал и что, по всей вероятности, на их долю не осталось уже никакой дичины в лесу.

— А хорошие они стрелки? — спросил Одд.

— Самые лучшие стрелки на свете, — отвечали ему Ингиальд с Оттаром.

Взял Одд на плечи свою шкуру, а в руки посох и пустился с ними в путь. Не успели они спуститься с горы, как показалась дичина; Ингиальд и Оттар поспешили натянуть луки и пустили по стреле, но не попали в зверя.

— Ну, оплошали же вы, — сказал им Одд, — попытаюсь-ка я.

Взял он у одного из них лук и сразу так туго натянул тетиву, что лук переломился.

— Ну, так уж наверно можно сказать, что сегодня нам не видать дичи, — сказал Ингиальд.

Но Одд стал утешать их и предложил им посмотреть, что-то найдётся в его звериной шкуре. Говоря это, он вытряхнул из неё свои стрелы. Никогда ещё в жизни не видели они таких красивых стрел. Достал тогда Одд морской канат, натянул вместо тетивы и, сделав лук, пустил стрелу прямо через головы бывших тут людей, и никто не мог понять, откуда прилетела эта стрела. Так спустил Одд все свои шесть стрел и настрелял много дичи, так как ни разу не сделал промаха. Витязи же короля на этот раз убили мало дичи.

Когда к вечеру вернулись они все домой и сели по своим местам, перед королём положили на стол все стрелы, вынутые из убитых животных, для того, чтобы он видел, как кто отличился, так как все стрелы были с пометками.

Взял король одну из стрел Одда и говорит своей дочери:

— Посмотри, какая красивая стрела.

Подошел тогда Одд к королю и признался, что это его стрела. Взглянул на него король и сказал:

— Должно быть, ты хороший стрелок.

— Далеко от того, господин, — отвечал он, — привык только я, живши в лесах, стрелять себе на обед всякую дичину и птиц.

— Может статься, — отвечал король, — а может статься также и то, что ты смотришь не тем, чем сказываешься.

После этого взял Одд свои стрелы, и все вернулись на свои места.

Раз вечером, когда король ушёл к себе спать, подошли два витязя к дверям, у которых сидели братья Ингиальд и Оттар, и поднесли им два рога крепчайшего питья. Те выпили, и витязи поднесли им ещё по второму рогу.

— Ну а товарищ ваш, человек в плаще, верно уж спит? — спросил Сиольф.

— Да, — отвечали они, — это кажется ему умнее, чем напиваться до беспамятства.

— Может статься, это потому, — сказал Сиольф, — что он больше привык жить в лесах и стрелять дичь для своего пропитания, чем проводить время с богатыми людьми. Может быть, он при этом и хороший пловец.

— О да! — отвечали они. — Он весьма искусен как в этом деле, так и во всяком другом.

Воспользовались витязи тем, что друзья Одда несколько опьянели, и взяли с них слово, что друг их Видфёрулл будет состязаться с ними в плавании, и взяли у них в залог два кольца, чтобы служили они им наградой в том случае, если они победят. Сам король и его дочь должны были присудить награду победителю.

На другое утро, проснувшись, вспомнили братья, что обещали они за своего товарища, испугались и поспешили рассказать ему обо всём.

— Неумно поступили вы, — сказал он им, — потому что я едва держусь на воде.

Огорчились они и хотели уж было отказаться от данного обещания, хотя бы им пришлось поплатиться при этом своими кольцами, но Одд удержал их, сказав, что он, так и быть, попробует потягаться с витязями в умении плавать, и послал их известить короля о состязании.

Король приказал трубить в трубы и созывать всех на берег, и когда все собрались, трое пловцов бросились в воду. Добравшись до глубокого места, витязи схватили Видфёрулла и увлекли его вниз и долго держали под водою; наконец они выпустили его и вынырнули на поверхность, чтобы отдохнуть.

Тогда собрались они напасть на него ещё раз, но он поплыл им навстречу, поймал обоих за руки, увлёк их вниз и так долго держал под водою, что они чуть не захлебнулись. Тогда подумал он, что надо дать им отдохнуть, но прежде увлёк их ещё ниже и так долго держал, что никто не ожидал уже видеть их живыми. Когда же они наконец вынырнули, у обоих пошла носом кровь, и пришлось им сейчас же выйти на берег. Видфёруль же долго ещё плавал как ни в чём не бывало.

— Хороший же ты пловец, Видфёруль, — сказал ему король, когда вышел он на берег.

— Да, господин! — сказал он. — Пожалуй, вам пригожусь я на то, чтобы ловить королевскую добычу.

— Может статься, — сказал король.

Народ стал расходиться по домам; ушёл и король со своею дружиной, и сильно стала заботить его мысль, кто бы мог быть этот человек.

Дочь короля передала Одду кольца, как победителю, но он не захотел оставить их у себя и возвратил их Ингиальду. Король же, разговаривая наедине с дочерью и Гарекком, просил их как-нибудь постараться узнать, кто был этот зимний гость. Они охотно обещали ему исполнить его просьбу.

Спустя некоторое время, когда король ушёл уже к себе и лег спать, Сиольф и Сигурд, захватив два рога, пошли к Ингиальду и Оттару и стали угощать их. Когда те выпили, они принесли им ещё два новых рога и стали у них допытываться, почему не принимает участия в их пирушке человек в плаще, может быть, он не умеет пить?

На это Ингиальд сказал, что, напротив, никто не может выпить столько, сколько выпьет этот человек. Стали они спорить и наконец порешили, что на следующий день витязи будут состязаться с ним в питье, и Ингиальд поручился своею головою в том, что странник одолеет их.

Проснувшись на следующее утро, вспомнил он всё, что было, и рассказал Одду. Очень был недоволен Одд тем, что случилось, но так как Ингиальд прозакладывал свою голову да ещё из-за такого пустяка, то, делать нечего, согласился.

Король, узнав, что вечером, после его ухода, будет состязание в питье, позвал свою дочь и воспитателя её, советника своего Гарека, и сказал им, чтобы они хорошенько наблюдали за странником, так как, вероятно, на этот раз удастся им что-нибудь узнать о нём.

Вечером, после того как король ушёл к себе, дочь короля и Гарек переменяли места и сели поближе к Одду. Тогда встали со своих мест Сиольф и Сигурд и, взяв рога, подошли с ними к Одду.

— Послушай, странник, — сказал Сиольф, — сдаётся мне, и я готов поклясться в том тем Богом, в которого ты веришь, что есть у тебя ещё другое имя, кроме Видфёрулла!

— Да, — отвечал Одд, — и если вам так хочется узнать моё другое имя, то я скажу вам: меня зовут Оддом.

— Ну, это имя вдвое лучше того, — сказал Сиольф и подал ему рог, а сам запел: — Одд! Не разбивал ты панцирей в битве, когда победили мы короля вендов; одетое в шлемы войско отступало, битва гремела, пламя охватило город.

Подав тогда ему Сигурд второй рог и тоже запел:

— Одд! Не участвовал ты в битве, когда поражали мы на смерть людей короля; четырнадцать ран принёс я на себе домой, ты же в это время из милости выпрашивал себе пищу по деревням.

Пропев это, вернулись они на свои места, и Одд, в свою очередь, наполнив два рога, встал, подошёл к ним и запел, обращаясь сначала к одному, потом к другому.

— Вы, соседи, Сиольф и Сигурд, должны выслушать хвалебную песню, которую пропою я самому себе: я должен отплатить вам за вашу дерзкую похвальбу. Ты, Сиольф, валялся в кухне, не совершая никаких подвигов и не проявляя никакой отваги; я же в это время бился в Аквитании и положил на месте четырёх людей.

Пропев это, Одд вернулся на своё место, и все они стали пить из своих рогов. Затем Сигурд и Сиольф снова встали и опять подошли к Одду, и Сиольф запел:

— Ты, Одд, только ходил от двери к двери и уносил с собою крохи; я же один вынес разбитый щит из битвы при Ульффеилле.

Кончил Сиольф и сменил его Сигурд; он укорял Одда за то, что не было его с греками в то время, как они вместе с ними окрасили свои мечи в крови сарацин.

Одд, в свою очередь, упрекал их в том, что они сидели дома в то время, как он бился в Биармии и с великанами.

Долго продолжали они так угощать друг друга, сопровождая каждый новый рог песней, в которой восхваляли какой-нибудь новый свой подвиг и старались унижить противника, причём на долю Одда приходилось двойное количество как рогов, так и песен, потому что ему приходилось состязаться разом с двумя соперниками. Так пел он и по очереди рассказывал обо всех своих подвигах, совсем не думая о том, что, кроме Сиольфа и Сигурда, его слушали ещё и дочь короля, и воспитатель её, Гарек. Сигурд и Сиольф давно уже пропели все свои песни, давно уже нечем было им похвастаться перед Оддом, а Одд всё продолжал петь и угощать их. Наконец они

совсем опьянели и не могли уже больше пить. Но Одд долго ещё продолжал пить один и перечислял свои подвиги.

Тогда дочь короля и Гарек встали со своих мест и удалились: они недаром просидели здесь этот вечер.

Когда на следующее утро король встал и оделся, к нему вошли его дочь и Гарек и рассказали ему всё, что произошло ночью. Теперь, казалось им, они знали, кто был этот человек: судя по тому, что они слышали, это мог быть только Одд-Стрела.

Вечером, когда король со своею дружиною сели по своим местам и подали им кубки, король послал за Видфёруллем и подозвал его к своему столу.

— Теперь мы знаем, что ты — Одд-Стрела, — сказал король, — а потому сбрось это платье странника и не скрывайся больше: мы давно уже заметили значки на твоих стрелах.

— Будь по-твоему, господин, — отвечал Одд и, сбросив с себя платье странника, явился в своём пурпуровом кафтане, с золотыми запястьями на руках и с черными вьющимися волосами.

— Садись и пей за нашим столом, — сказал ему король.

Но Одд отказался расстаться со своими соседями, с которыми просидел всю зиму. Однако король помог этому делу, распорядившись, чтобы Ингиальд и Оттар заняли места рядом с Гареком и день и ночь состояли при Одде, как постоянные его служители.

— Как это так? Такой человек, как ты, и не женат! — сказал раз Гарек Одду. — Не хочешь ли ты жениться на моей воспитаннице, дочери короля? Для этого надо только исполнить одно опасное дело.

— Что же это за дело? — спросил Одд.

И Гарек отвечал:

— Есть король, по имени Альф, который правит странною, называемою землёю белок или Бьялкаланд*; есть у него жена, по имени Гуда, и сын Видгрип. Королю нашему надлежит получать дань с этой земли, но они давно уже ничего не платят ему, а потому обещал наш король выдать свою дочь за того, кто сумеет заставить их уплачивать эту дань.

— Поговори с королём и его дочерью, — сказал Одд, — не согласятся ли они дать мне это поручение.

Дело сладилось, и король обещал Одду выдать за него свою дочь, если он исполнит то, за что берётся.

---

* Бьялкаланд — вымышленное название земли, соседствующей со страной гуннов (Хуналандом). Это название встречается только в данной саге.

XVIII. Поход в Бьялкаланд

В скором времени собрал король своё войско и передал его Одду, который сейчас же снарядился в поход и простился с королём.

Прибыл Одд с войском в Бьялкаланд. Но король с сыном заранее проведали о их приходе. Собрали они своё войско, снарядились на войну и послали к нему людей, вызывая его на битву. После этого сошлись они в назначенном месте.

У Альфа было гораздо больше войска, и начался самый ожесточённый бой. Одд сидел на возвышении, среди своего войска и видел, что люди его валились, как молодые деревья. Сильно дивился он такой битве, а также и тому, что нигде не видел он ни Альфа, ни сына его Видгрипа.

Был при Одде человек, которого звали Гаки; был он служитель дочери короля, и она-то и пожелала, чтобы он сопровождал Одда на войну. О человеке этом говорили, что мог он видеть гораздо дальше своего носа. Одд подозвал его к себе и сказал ему:

— Отчего это может быть, что люди наши валяются, как молодые деревья? Я совсем не нахожу эту битву такой жестокой.

— Разве ты не видишь тех троих, что всюду носятся неразлучно, — Гуду с Альфом и Видгрипа, их сына? — спросил его Гаки.

— Разумеется, я их не вижу, — отвечал Одд.

— А посмотри-ка из-под моей руки!

Посмотрел Одд из-под руки Гаки и увидел, как носились они втроем по полю битвы. Гуда — впереди всех, размахивая руками, в которых держала она кровавую метлу, и где ни ударяла она этою метлой, всюду валился на землю наповал убитый человек; где ни появлялась она, всюду воины обращались в бегство. Когда же в неё саму летели камни, стрелы или какое-нибудь другое оружие, она отводила их ладонью, и ни одно из них не причиняло ей вреда. Альф и Видгрип следовали за нею и рубили направо и налево обеими руками. В это время они были в самой середине войска Одда.

Сильно разгневался Одд, увидев это, и собрался было броситься на них, но так как они были невидимы, то и он, отойдя от Гаки, не мог уже видеть их. Тогда снова подбежал он к Гаки и сказал:

— Прикрой-ка меня своим щитом, я буду стрелять в них.

Так они и сделали.

Достал Одд одну из стрел короля Гузи и выстрелил в Гуду. Она услышала свист и отвела её ладонью, и стрела упала, не

ранив её. Выпустил Одд все стрелы короля Гузи, и все они попадали в траву.

— Вот и сбылось предсказание Иольфа, что изменят мне когда-нибудь стрелы короля Гузи, — сказал Одд, — надо теперь попробовать его каменные стрелы.

Взял Одд каменную стрелу и выстрелил в Гуду, из-под руки Гаки. Услыхала Гуда свист стрелы и подставила ладонь; стрела прошла через руку, попала в глаз и вылетела через затылок. Пустил Одд вторую стрелу, а за нею и третью, — и Гуда повалилась наземь мёртвая. Тогда бросился Одд на Видгрипа и убил и его; Альф же, видя это, обратился в бегство и побежал в свой город. Тут скоро стемнело, и с наступлением ночи войска разошлись.

На другое утро приказал Одд людям своим разыскивать и хоронить убитых и уничтожать все следы языческого богослужения, а сам поспешил к городу. Городские ворота охранял сам Альф. Увидев Одда, Альф стал укорять его за то, что он сжёг их храмы и жертвенники, и грозил ему гневом богов. Но Одд отвечал ему, что он готов только смеяться над разгневанными богами и богинями, которых призывают себе на помощь их жрецы: они так бессильны, что не могли даже спастись от огня.

— Пора вам перестать приносить жертвы этим злым духам! Я же верю в одного только истинного Бога!

Тут он с такою силою ударил в ворота, что дерево не выдержало и подломилось. Тогда схватился он с Альфом, и стали они биться на мечях; но так как на Одде была его рубашка, а на Альфе особый непроницаемый панцирь, то оба они были неуязвимы, и Одд кончил тем, что взял свою дубину и ударил Альфа по голове и разбил ему шлем и череп.

Так снова подчинил Одд эту страну королю Геррауду и, обложив её данью, с огромною добычей вернулся назад в страну гуннов.

Вскоре после того король Геррауд заболел и умер, и Одд велел насыпать над ним высокий курган, и немало рогов было опорожнено на поминках Геррауда и на свадьбе Одда.

XIX. Одд едет в Графнисту

Мало обратил внимания Одд на то, что когда-то предсказала ему колдунья. А потому наступило такое время, когда сказал Одд королеве, что намеревается он ехать в Норвегию, чтобы посмотреть, что-то стало теперь с его владениями в Графнисте.

Пыталась было королева отговаривать его, уверяя, что не стоило думать об этих далёких островах, раз он владел такою обширною и богатою землёю, как страна гуннов, но Одд настоял на своём и отправился в путь с двумя кораблями и с двумястами воинов.

Прибыв в Графнисту, узнал он, что землями его владели его родственники, которые встретили его очень радушно и не могли надивиться его старости.

Прогостив у них некоторое время, Одд предоставил им в полную собственность свои земли и, простившись с ними, поехал на север.

XX. Смерть Одда

Когда проезжали они мимо Берурьюдри, сказал Одд:

— Мне так хочется посмотреть селенье, где жили мои приёмные родители, что мы уберём паруса и высадимся на берег.

Так они и сделали.

Пошёл Одд со своими людьми туда, где было селенье, и рассказывал он им, где стоял прежде каждый дом: это было такое маленькое селенье. Проводил он их и на то место, где было у него с Асмундом их стрельбище. Проводил их Одд и туда, где учились они плавать, и рассказывал им, как всё это было. Там, где прежде был прекрасный ровный откос, нанесло теперь ветром много земли. Одд сказал:

— Уйдём отсюда с нашими людьми, здесь нечего смотреть: мучит мне душу предчувствие, что я стору в Берурьюдри.

После этого стали они поспешно спускаться вниз среди кучами валявшихся камней, мелкого кустарника и нанесенной земли, и в то время, как они шли по извилистой тропинке, Одд ушиб обо что-то ногу и остановился.

— Обо что это ушиб я ногу? — сказал он.

Стал он раскапывать землю копьём, и все они увидали, что это был череп коня. Выползла оттуда змея, поползла она к Одду и ужалила его в ногу пониже шиколотки. От яда её сделалась в ноге сильная боль и распухла вся нога и бедро.

Когда увидел это Одд, велел он людям своим вести себя вниз на берег моря, и когда они пришли туда, он сказал:

— Ну, теперь подите и вырубите мне каменную гробницу, а некоторые из вас пусть посидят здесь со мной и вырезают руны, записывая песню, что сложу я тут на память своему потомству на будущие века.

И стал он слагать песню, а они вслед за ним стали вырезать руны.

— Разумным людям много можно будет порассказать о моих странствиях; это же странствие будет последним. Прощайте! Торопитесь спуститься вниз и сесть на свои корабли; я же должен остаться здесь. Отвезите добрый привет Сикильзиф и нашим сыновьям: я больше уже не вернусь туда.

Умер Одд, и, как говорят старые люди и мудрое предание, в старости своей был он самым могущественным человеком из всех людей, равных ему по рождению.

Он заранее приказал людям своим положить его в каменную гробницу и сжечь в ней его тело, потому что не хотел он, чтобы язычники издевались над ним. Каменную же гробницу велел он потом показывать всем, и говорят, что была она в семь локтей длиною, и так же велик был и сам Одд.

Исполнив всё это, поехали люди Одда к себе домой, на восток, и сообщили эту весть королеве Сикильзиф и пропели ей песню Одда. Она сказала, что ожидала такой вести.

Тогда стала она сама управлять землёю гуннов вместе со своим сыном. Очень знаменитый человек вышел со временем из этого сына Одда.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

ВЕЛИКАН ИСТОРИЧЕСКОГО СУМРАКА

¹ Текст Повести временных лет, как и его перевод, здесь и далее приводится по классическому изданию, подготовленному Д. С. Лихачёвым, в серии «Литературные памятники» (2-е изд. СПб., 1996).

² См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники. Сост., пер., коммент. А. В. Назаренко. М., 2010. С. 19—20.

³ См.: Там же. С. 23.

⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники. М., 2009. С. 48 («Книга дорогих ценностей» Ибн Русте; подгот. Т. М. Калинина).

⁵ Мельникова Е. А. «Князь» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011. С. 114—122.

⁶ Мельникова Е. А. Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н. э. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 г. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2010. С. 54—56.

⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. С. 33—34.

Глава первая

КНЯЗЬ

¹ См. об этом также: Пчелов Е. В. Был ли Игорь сыном Рюрика? // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича / Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 20. Львів, 2011. С. 582—591.

² Назаренко А. В. Русь IX века: север и юг // 1150 лет Российской государственности и культуры. М., 2012. С. 39—40. См. также: Толочко А. П. Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015. С. 49—51, с отсылками к работам В. Г. Лушина.

³ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1. М., 2000. С. 143. С этим же циклом соотносят и 33 года царствования последнего перед концом света Михаила из славянского перевода византийского эсхатологического произведения «Откровение Мефодия Патарского», известного составителю Повести временных лет. Однако на самом деле срок правления этого царя Михаила в разных редакциях и списках «Откровения» колеблется в пределах от 36 до 12 лет, причём наиболее частой является цифра в 32 года, но ни разу она не

составляет 33 лет (см.: *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. М., 1897. С. 194).

⁴ *Петрухин В. Я.* Там же.

⁵ *Горский А. А.* Первое столетие Руси // Средневековая Русь. Вып. 10. М., 2012. С. 106.

⁶ ПСРЛ. Т. II. М., 1998. С. 21.

⁷ ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 107.

⁸ Такое упоминание, в частности, содержится в Типографской летописи XV в.: «Нецыи же глаголють, яко Олгова дчи бе Олга» (ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 9).

⁹ *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 128. Исследователь приводит и пример из более близкой к нам истории — правление Екатерины II при наличии законного наследника Павла Петровича.

¹⁰ *Толочко П. П.* Откуда пошла Русская земля. Киев, 2016. С. 52—53 (со ссылками на собственные исследования и принципиально важные работы Т. Л. Вилкул).

¹¹ *Мельникова Е. А.* Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI — начала XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и российская государственность. М., 2008. С. 60—61.

¹² *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск; М., 1995. С. 129.

¹³ ПСРЛ. Т. III. С. 107.

¹⁴ ПВЛ. С. 408 (коммент. Д. С. Лихачёва).

¹⁵ ПВЛ. С. 70, 91; ПСРЛ. Т. III. Стб. 115, 289.

¹⁶ *Кистерев С. Н.* «Великий князь всея Руси» в XI—XV веках // Очерки феодальной России. Вып. 6. М., 2002. С. 76—78, со ссылками на наблюдения и выводы В. Л. Янина.

¹⁷ *Петрухин В. Я.* Русь в IX—X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013. С. 254.

¹⁸ *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 151, там же и обширная литература вопроса.

¹⁹ Там же. С. 152.

²⁰ Невозможно согласиться с мнением А. И. Филюшкина, что в летописных текстах это «явно не титул, а почётное определение в высоком контексте, восхваляющее умершего владыку, определяющее его место в истории» (*Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. М., СПб., 2006. С. 26). Как раз в большинстве приведённых летописных известий содержатся тривиальные сообщения о смерти князей, а не панегирики им, панегирическую функцию выполняют, скорее, такие обозначения, как «благочестивый», «христолюбивый» и т. п.

²¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 43 (текст Т. М. Калининой).

²² Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002. С. 57—58.

²³ Там же. С. 58—59.

²⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 45—47 (пер. Т. М. Калининой).

²⁵ Мишин Д. Е. Указ. соч. С. 58.

²⁶ См. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 46—47 (комментарии Т. М. Калининой, не разделяющей, впрочем, эту точку зрения). О возможной связи этого описания с восточными славянами и Русью писал и Б. Н. Заходер (Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967. С. 134—136, 145).

²⁷ Мишин Д. Е. Указ. соч. С. 86.

²⁸ Там же. С. 60; Заходер Б. Н. Указ. соч. Т. II. С. 139.

²⁹ Заходер Б. Н. Указ. соч. Т. II. С. 145.

³⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 77 (пер. А. П. Ковалевского).

³¹ Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси... С. 130—131.

³² Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. IV. Ч. 2. М., 1995. С. 102, 396.

³³ Там же. Т. I. История Российская. Ч. 1. М., 1994. С. 110.

³⁴ Там же. Т. II. История Российская. Ч. 2. М., 1995. С. 208, ср. с. 299.

³⁵ Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М., Киев, 2005. С. 227, 241.

³⁶ Там же. С. 150 и сл., ср.: Горовенко А. В. Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. СПб., 2011. С. 426—434.

³⁷ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993. С. 299—300, 310—312, 314.

³⁸ Подробно об истории этого имени в Скандинавии и на Руси см.: Мельникова Е. А. *Ольг/Ольгь/Олег <Helgi> Вещий*: К истории имени и прозвища первого русского князя // Adfontem/У источника: Сб. ст. в честь С. М. Каштанова. М., 2005. С. 138—146. Дальнейшее изложение материала опирается на эту работу.

³⁹ Там же. С. 141.

⁴⁰ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 660.

⁴¹ Там же. С. 32.

⁴² Стурлусон С. Круг Земной. М., 1995. С. 27.

⁴³ Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. СПб., 2005. С. 73—93. В общей структуре «Старшей Эдды» эти песни соседствуют друг с другом.

⁴⁴ Там же. С. 234 (коммент. М. И. Стеблин-Каменского).

- ⁴⁵ Мельникова Е. А. *Олгъ/Ольгъ/Олег...* С. 142.
- ⁴⁶ Стурлусон С. Круг Земной. С. 39.
- ⁴⁷ Мельникова Е. А. *Олгъ/Ольгъ/Олег...* С. 142—143.
- ⁴⁸ Немецкие анналы и хроники X—XI столетий. М., 2012. С. 324 (пер. В. В. Рыбакова).
- ⁴⁹ Мельникова Е. А. *Олгъ/Ольгъ/Олег...* С. 142.
- ⁵⁰ Подробнее об этом см.: Пчелов Е. В. Рюрик. М., 2010. С. 134—156.
- ⁵¹ Горский А. А. Русь «от рода франков» // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 55—59.
- ⁵² Горский А. А. «Клады викингов» на франкской земле и начальная история Руси // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2013. № 3(53). С. 38—39.
- ⁵³ Горский А. А. Первое столетие Руси. С. 110; см. также: *Он же*. Империя франков и становление древнерусской государственности (к постановке проблемы) // *Archistorica*: Сб. в честь О. Ф. Кудрявцева. М., СПб., 2015. С. 13—18.
- ⁵⁴ Горский А. А. Первое столетие Руси. С. 107—108. Предположение о возможной тождественности Олега и Хельги высказывал также украинский исследователь Омелян Прицак.
- ⁵⁵ Там же. С. 108.
- ⁵⁶ Немецкие анналы и хроники X—XI столетий. С. 320.
- ⁵⁷ Мельникова Е. А. *Олгъ/Ольгъ/Олег...* С. 144—146.
- ⁵⁸ Об истории этого топонима см.: Джаксон Т. Н. *AustriGögdum*: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001. С. 49—59.
- ⁵⁹ Членов А. М. К вопросу об имени Святослава // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропоники. М., 1970. С. 327.
- ⁶⁰ Мельникова Е. А., Щавелёв А. С. Лют Свенельдич // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 472.
- ⁶¹ Щавелёв А. С. Блуд // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. С. 71.
- ⁶² Котляр Н. Ф. Малуша // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. С. 474.
- ⁶³ Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006. С. 590—591.

Глава вторая

КИЕВ

¹ ПВЛ. С. 14, 150.

² ПСРЛ. Т. III. С. 107.

³ Петрухин В. Я. Русь в IX—X веках. С. 255.

⁴ Там же. С. 253.

- ⁵ *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 130.
- ⁶ *Янин В. Л.* О начале Новгорода // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник. Великий Новгород; СПб., 2007. С. 209—210.
- ⁷ *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси... С. 141.
- ⁸ *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 130—131.
- ⁹ См.: *Пушкина Т. А., Мурашёва В. В., Енисосова Н. В.* Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX—XI веках: археологическая панорама. М., Вологда, 2012. С. 242—273.
- ¹⁰ *Петрухин В. Я.* Русь в IX—X веках. С. 224.
- ¹¹ См.: *Нерознак В. П.* Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 157—160.
- ¹² Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 216 (текст И. Г. Коноваловой).
- ¹³ Там же. С. 216—217; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 81—82, 86—87 (текст Т. М. Калининой).
- ¹⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 85—86 (пер. Т. М. Калининой).
- ¹⁵ *Коновалова И. Г.* Рассказ о трёх группах русов в сочинениях арабских авторов XII—XIV вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992—1993 гг. М., 1995. С. 140.
- ¹⁶ Там же. С. 143—144. Хотя сам географ не отождествляет эти названия с Киевом и Новгородом, действительно описанными в его произведении в других местах под другими наименованиями.
- ¹⁷ *Горский А. А.* Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 64—65; *Он же.* Первое столетие Руси. С. 28.
- ¹⁸ *Петрухин В. Я.* Русь в IX—X веках. С. 227. Другой аргумент автора не вполне правомочен, поскольку он полагает, что рассказ о трёх группах русов восходит к IX веку, хотя впервые надёжно фиксируется у ал-Истахри в 930—950-х годах, когда Гнёздово уже активно функционировало.
- ¹⁹ См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 86 (коммент. Т. М. Калининой).
- ²⁰ *Горский А. А.* Первое столетие Руси. С. 27.
- ²¹ *Горский А. А.* Русь... С. 61.
- ²² ПВЛ. С. 408 (коммент. Д. С. Лихачёва).
- ²³ *Комар А. В.* Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX—X веках. Археологическая панорама. С. 356—357; *Коваленко В. П.* Любеч // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 470—471.
- ²⁴ *Константин Багрянородный.* Об управлении Империей. М., 1989. С. 45, 313 (коммент. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина). Ср. иное мнение: *Горский А. А.* Первое столетие Руси. С. 66—67.
- ²⁵ *Горский А. А.* Первое столетие Руси. С. 29.
- ²⁶ *Он же.* Русь... С. 60.

²⁷ ПВЛ. С. 14, 150.

²⁸ *Комар А. В.* Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX—X веках. Археологическая панорама. С. 312—315; *Толочко П. П.* Указ. соч. С. 248—257 (здесь же и принципиальная дискуссия о заселении Киева в IX—X веках).

²⁹ *Петрухин В. Я.* Русь в IX—X веках. С. 225.

³⁰ *Толочко П. П.* Указ. соч. С. 51.

³¹ ПВЛ. С. 150.

³² *Перхавко В. Б.* Летописное предание о захвате князем Олегом Киева в 882 г. // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 1992. С. 58.

³³ «Например — как места стоянки уторских купцов» (ПВЛ. С. 411, коммент. Д. С. Лихачёва).

³⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 107.

³⁵ *Перхавко В. Б.* Указ. соч. С. 58—59.

³⁶ *Котляр Н. Ф.* Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986. С. 62.

³⁷ *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М., 2003. С. 86—87 (текст О. Прицака); *Перхавко В. Б.* Указ. соч. С. 58.

³⁸ *Петрухин В. Я.* Русь в IX—X веках. С. 257—258.

³⁹ *Толочко П. П.* Указ. соч. С. 255.

⁴⁰ Представление об «обратном» пути Олега, отстаивавшееся некоторыми учёными (например, В. А. Пархоменко и О. Прицаком), лишено смысла, поскольку в Византию можно было двигаться только с севера на юг (см.: *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. С. 214 (коммент. В. Я. Петрухина).

⁴¹ ПВЛ. С. 408—409 (коммент. Д. С. Лихачёва); *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв. М., 1978. С. 176—177; *Котляр Н. Ф.* Древняя Русь и Киев... С. 62.

⁴² *Орлов А. С.* Сказочные повести об Азове. «История» 7135 года. Исследование и текст. Варшава, 1906. С. 158—227.

⁴³ Там же. С. 174—175.

⁴⁴ См. также: *Халанский М. Г.* К истории поэтических сказаний об Олеге Вешем // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. № 8. С. 290—356.

⁴⁵ *Кудруна. М.*, 1984. С. 46—47, 53 (пер. Р. В. Френкель; V авантюра).

⁴⁶ *Саксон Грамматик.* Деяния данов. Т. 1. М., 2017. С. 333 (пер. А. С. Досаева).

⁴⁷ *Ragnars saga loðbrókar ok sona hans* — <http://norroen.info/src/forn/ragnar/ru.html> (пер. Т. В. Ермолаева).

⁴⁸ *Рыдзевская Е. А.* Указ. соч. С. 177—178.

⁴⁹ *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). Тексты, перевод, комментарий. М., 1994. С. 113.

⁵⁰ *Перхавко В. Б.* Указ. соч. С. 59.

⁵¹ ПВЛ. С. 408—409 (коммент. Д. С. Лихачёва: «Однако нет никакой нужды прибегать к такого рода параллелям: захваты городов с помощью переодетых или спрятанных воинов были обычным явлением в жизни и непосредственно из жизни проникали в литературу»).

⁵² ПСРЛ. Т. 9. СПб., 1862. С. 15.

⁵³ Петрухин В. Я. Русь в IX—X веках. С. 257.

⁵⁴ Англосаксонская хроника. СПб., 2010. С. 62 (пер. З. Ю. Метлицкой).

⁵⁵ Там же. С. 180—181 (коммент. З. Ю. Метлицкой); *Джонс Г.* Викинги: Потомки Одина и Тора. М., 2007. С. 195.

⁵⁶ *Милютенко Н. И.* Титулатура «князь» — «каган» — «царь» в Древней Руси // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 1992. С. 43.

⁵⁷ ПВЛ. С. 150.

⁵⁸ ПВЛ. С. 163, 409 (коммент. Д. С. Лихачёва).

⁵⁹ *Томсен В.* Начало русского государства // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 223.

⁶⁰ *Рапов О. М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 119—122.

⁶¹ Петрухин В. Я. Русь в IX—X веках. С. 258.

⁶² ПВЛ. С. 409 (коммент. Д. С. Лихачёва). Есть и иное толкование этого места: выражение «мать городов», будучи, по сути, калькой с греческого, близко в какой-то степени и древнескандинавскому языку, где слово «город» (в отличие от древнерусского) — существительное женского, а не мужского рода (*Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна: К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004. С. 140). Помимо Киева неофициальное наименование «матери городов» (*mater urbium*) носила и Прага, но оно возникло, разумеется, значительно позже.

⁶³ *Котляр Н. Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 48—49.

⁶⁴ *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.). М., 2001. С. 362. Иные примеры, приводимые автором, в которых «матерью городов» именуется Иерусалим (вероятно, реальный), относятся к более позднему, нежели ПВЛ, времени.

⁶⁵ И. Н. Данилевский пытается объяснить это тем, что «иудеи, не познавшие Бога, отвергнуты, а к благодати и истине призваны новые люди — язычники» (Там же. С. 362—363), однако и этот аргумент не отменяет исключительно языческого контекста всей истории Олега. Ещё менее убедительна параллель несения Игоря Олегом на руках с несением сыновей на руках народами к будущему Спасителю из Книги пророка Исая (49: 22: «и приведет сына твоя в лоне и дочери твоя на плечах возьмут») — само по себе несение на руках кого-то малолетнего (напомню, что Игорь

не был сыном Олега) не может служить аргументом для установления взаимосвязи мотивов, а соответствующее упоминание в ПВЛ могло объясняться как указанием на малолетство Игоря, так и необходимостью его представления в рассказе Аскольду и Диру, исходя из обоснования легитимности действий Олега.

⁶⁶ ПВЛ. С. 409 (коммент. Д. С. Лихачёва).

⁶⁷ «Надплеменного имени, относящегося ко всей Русской земле» — *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси... С. 138.

⁶⁸ Комментированные публикации см.: *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 7—51; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010. С. 25—30. См. также: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 52—70.

⁶⁹ *Горский А. А.* Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995 г. М., 1997. С. 278.

⁷⁰ ПВЛ. С. 14, 150.

⁷¹ *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 132.

⁷² ПВЛ. С. 409 (коммент. Д. С. Лихачёва со ссылкой на работы Б. Д. Грекова).

⁷³ Там же. С. 132—133.

⁷⁴ См.: *Недошивина Н. Г., Зозуля С. С.* Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX—X веках: археологическая панорама. С. 179—193 (здесь же и литература вопроса).

⁷⁵ Подробнее см.: *Комар А. В.* Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX—X веках: археологическая панорама. С. 345—356.

⁷⁶ ПВЛ. С. 14, 150.

⁷⁷ ПВЛ. С. 409—410 (коммент. Д. С. Лихачёва).

⁷⁸ ПВЛ. С. 14, 150.

⁷⁹ *Горский А. А.* Первое столетие Руси. С. 67—71.

⁸⁰ Там же. С. 70.

⁸¹ Там же.

⁸² Подробнее см.: *Комар А. В.* Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX—X веках: археологическая панорама. С. 335—345.

⁸³ Подробнее см.: *Пчелов Е. В.* Какую дань «имаху» «варязи изъ заморья»? // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2011. С. 236—240.

⁸⁴ ПВЛ. С. 410—411 (коммент. Д. С. Лихачёва, здесь же и литература вопроса).

⁸⁵ *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 117.

⁸⁶ М. Б. Свердлов, напротив, полагает, что летописные упоминания о хазарской дани шелягами «от рала» («от плуга») выглядят неестественными, поскольку такого налогообложения не было в Хазарском каганате. Исследователь полагает, что система взимания податей шиллингами от пахотной земли имеет западноевропейское происхождение и пришла на Русь в результате славяно-скандинавских контактов не ранее X века. В летописи же она была искусственно перенесена на более отдалённые племена и связана с хазарами (*Свердлов М. Б.* Шиллинг или шэлэг? К изучению поземельного обложения в домонгольской Руси // Висы дружбы. Сборник статей в честь Т. Н. Джаксон. М., 2011. С. 399—405). Между тем эти наблюдения вызывают некоторые уточнения. Во-первых, отсутствие системы обложения «от плуга» в самом Хазарском каганате не обязательно означает отсутствие той же системы у хазарских данников, ведь очевидно, что хозяйственная жизнь у радимичей и вятичей существенно отличалась от хозяйственной жизни хазар. Во-вторых, упоминания о дани «от рала» относятся действительно ко второй половине X века, для IX же века, как я пытался показать, конкретных указаний на способ налогообложения для хазарских данников в летописи нет, хотя и можно предполагать, что и в этот период хазары взимали дань таким же образом, что и позже. Летопись тем не менее устойчиво повторяет информацию о сборе дани шелягами и именно с пахотной земли. Тот контекст, в которых она упомянута, заставляет видеть в этой информации скорее устный, нежели письменный источник (диалоги князей с племенами).

⁸⁷ *Горский А. А.* Первое столетие Руси. С. 70.

⁸⁸ Там же. С. 71.

⁸⁹ *Мельникова Е. А.* Варяги на севере и на юге Восточной Европы: региональные особенности // *Она же.* Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011. С. 276—277.

⁹⁰ *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия. С. 146; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 134.

⁹¹ *Новосельцев А. П.* Хазарское государство... С. 193, 210—211.

⁹² *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. 750—1200. СПб., 2000. С. 95—96 (со ссылкой на работы Т. С. Нунана).

⁹³ *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси... С. 132; *Он же.* Древняя Русь: Князь. Народ. Религия. С. 146.

⁹⁴ *Мельникова Е. А.* К вопросу о происхождении знаков Рюриковичей. В кн.: *Мельникова Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011. С. 214—248.

⁹⁵ *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси... С. 141.

⁹⁶ О нём и об упомянутом торговом пути см.: *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. С. 59—100; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. С. 31—35; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 71—112.

⁹⁷ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. С. 65—67; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. С. 33—34.

⁹⁸ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. С. 33 (коммент. А. В. Назаренко).

Глава третья КОНСТАНТИНОПОЛЬ

¹ См., к примеру: *Хейвуд Дж.* Люди Севера: История викингов. 793—1241. М., 2017. С. 229. Автор полагает, что поход «сочинили» для объяснения торговых соглашений, заключённых русами с Византией в 907 и 911 годах.

² *Кузенков П. В.* Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в Средние века. Вып. 8. СПб., 2011. С. 15.

³ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II. Византийские источники / Сост. М. В. Бибииков. М., 2010. С. 182.

⁴ *Бибииков М. В.* BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. I. М., 2004. С. 448—449.

⁵ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II. С. 176—177.

⁶ *Кузенков П. В.* Русь Олега у Константинополя в 904 г. С. 19—21.

⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II. С. 182 (пер. М. В. Бибиикова).

⁸ *Карпозилос А.* Рос-дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // Византийский временник. Т. 49. М., 1988. С. 117.

⁹ *Кузенков П. В.* Русь Олега у Константинополя в 904 г. С. 21.

¹⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II. С. 179 (пер. Я. Н. Любарского).

¹¹ См. изложение этой версии: *Николаев В. Д.* Свидетельство Хроники Псевдо-Симеона о руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г. // Византийский временник. Т. 42. М., 1981. С. 147—153 (здесь же и литература вопроса).

¹² См.: *Кузенков П. В.* Русь Олега у Константинополя в 904 г. С. 7—35.

¹³ *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 65.

¹⁴ Заметим, что описание аналогичного похода Игоря 941 г. строится противоположным образом (росы — Фарос — Иерон), то есть сначала говорится, кто напал, и перечисляются пункты по пути этого нападения (Хроника Продолжателя Феофана // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II. С. 179—180). Такая инверсия в тексте Псевдо-Симеона (если она имела место в действительности) требует особого объяснения.

¹⁵ Карпозилос А. Указ. соч. С. 115.

¹⁶ Там же. С. 115—116.

¹⁷ Там же. С. 117.

¹⁸ ПВЛ. С. 16, 152 (с поправками).

¹⁹ См.: Голб Н., Прицак О. Указ. соч. С. 90 (текст О. Прицака); Горский А. А. К вопросу о составе войска Олега в походе на Царьград // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2002. С. 51—53.

²⁰ ПВЛ. С. 10, 393.

²¹ Салмина М. А. Толковин // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 5. СПб., 1995. С. 126—128.

²² ПВЛ. С. 415 (коммент. Д. С. Лихачёва).

²³ См.: Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. О древних славянских этнонимах (основные проблемы и перспективы) // Из истории русской культуры. Т. 1. М., 2000. С. 432 (со ссылками на работы К. Менгеса и Р. Якобсона).

²⁴ Константин Багрянородный. Об управлении Империей. М., 1989. С. 155, 157, 389 (коммент. Т. М. Калининой).

²⁵ Салмина М. А. Указ. соч. С. 127. Версию предложил В. И. Григорович в 1874 году, опираясь на соответствующее молдавское (!) слово.

²⁶ Горский А. А. К вопросу о составе войска Олега в походе на Царьград. С. 53.

²⁷ Константин Багрянородный. Об управлении Империей. М., 1989. С. 51.

²⁸ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 99.

²⁹ Кузенков П. В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. С. 13.

³⁰ ПСРЛ. Т. III. С. 108.

³¹ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 134. Ср.: Левченко М. В. Указ. соч. С. 120.

³² Малингуди Я. Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики // Византийский временник. Т. 57. М., 1997. С. 77. Об этом упоминает и А. А. Горский: Горский А. А. Летописный контекст русско-византийских договоров и проблема «договора 907 г.» // Ad fontem / У источника: Сб. ст. в честь С. М. Каштанова. М., 2005. С. 152. Дополнительные соображения на этот счёт см. ниже.

³³ ПВЛ. С. 415—416 (коммент. Д. С. Лихачёва).

³⁴ Части цепи хранятся ныне в двух стамбульских музеях (Иванов С. А. В поисках Константинополя. Путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям. М., 2013. С. 199—200, 565).

³⁵ Кузенков П. В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. С. 26—29.

³⁶ ПВЛ. С. 16, 152—153 (пер. Д. С. Лихачёва). Слово «ратнии», возникшее, по-видимому, в результате ошибки, Д. С. Лихачёв переводит не как «ратники», «воины», а как «враги».

- ³⁷ Кузенков П. В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. С. 29—30.
- ³⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 108.
- ³⁹ ПВЛ. С. 17, 153.
- ⁴⁰ Рыдзевская Е. А. Указ. соч. С. 179.
- ⁴¹ Саксон Грамматик. Указ. соч. Т. 1. С. 330 (пер. А. С. Досаева).
- ⁴² Там же. Т. 2. С. 487 (коммент. А. С. Досаева).
- ⁴³ Рыдзевская Е. А. Указ. соч. С. 181—182.
- ⁴⁴ Там же. С. 180.
- ⁴⁵ Фронтин. Военные хитрости (Стратегемы). СПб., 2009. С. 42 (пер. А. Б. Рановича).
- ⁴⁶ Иванов С. А. Указ. соч. С. 199—200.
- ⁴⁷ Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Т. I. 1826. S. 599; История средних веков в её писателях и исследованиях новейших ученых. Т. II. СПб., 1864. С. 224—225 (пер. М. М. Стасюлевича).
- ⁴⁸ Комнина А. Алексиада. СПб., 1996. С. 295—296 (Кн. XI; пер. Я. Н. Любарского).
- ⁴⁹ См.: Кузенков П. В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. С. 30—31.
- ⁵⁰ Мурьянов М. Ф. Морской поход Олега на Царьград // Мурьянов М. Ф. История книжной культуры России. Очерки. Ч. 1. СПб., 2007. С. 537—538 (первая публикация этой работы увидела свет в 1968 году).
- ⁵¹ ПВЛ. С. 416 (коммент. Д. С. Лихачёва).
- ⁵² ПВЛ. С. 153 (пер. Д. С. Лихачёва).
- ⁵³ Иванова О. В. Димитрий Солунский // Православная энциклопедия. Т. 15 — <http://www.pravenc.ru/text/178231.html>
- ⁵⁴ Рыдзевская Е. А. Указ. соч. С. 184.
- ⁵⁵ Малингуди Я. Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики. С. 79.
- ⁵⁶ ПВЛ. С. 416—417 (коммент. Д. С. Лихачёва).
- ⁵⁷ Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966. С. 40—43.
- ⁵⁸ Бибииков М. В. Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками X в. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2005. № 1(19). С. 8.
- ⁵⁹ ПВЛ. С. 153 (пер. Д. С. Лихачёва).
- ⁶⁰ Дашков С. Б. Императоры Византии. М., 1996. С. 165—172.
- ⁶¹ Среди многочисленной литературы необходимо особенно выделить монографию М. Б. Свердлова «От Закона Русского к Русской Правде» (М., 1988).
- ⁶² См. детальное исследование: Фетисов А. А. Ритуальное содержание клятвы оружием в русско-византийских договорах X в. // Фетисов А. А., Шавелёв А. С. Викинги. Между Скандинавией и Русью. М., 2017. С. 283—301.
- ⁶³ Несмотря на это летописное указание, П. С. Стефанович считает натяжкой соотносённость клятвы оружием с Перуном, как и вообще «тех или иных заклятий с теми или иными богами»

(*Стефанович П. С.* Клятва по русско-византийским договорам X в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 г. Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 395; здесь же и литература вопроса).

⁶⁴ По наблюдению Л. С. Клейна, «по скандинавским нормам, боги сильны только на своих землях... На чужой земле господствовали чужие боги, и надо было молиться им и задабривать их» (*Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна. С. 142).

⁶⁵ См.: *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.

⁶⁶ См. обзор в кн.: *Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна. С. 142—146.

⁶⁷ *Бернштам Т. А.* «Слово» об оппозиции Перун — Велес/Волос и скотных богах Руси // Полярность в культуре. СПб., 1996. С. 93—120.

⁶⁸ *Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна. С. 146—147. При этом исследователь полагает Волоса и Велеса разными богами и связывает появление Волоса у славян с христианским культом святого Власия, проникшим к славянам ещё во времена язычества и трансформировавшимся в образ этого языческого божества.

⁶⁹ *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Указ. соч. С. 45 («есть некоторые основания для того, чтобы различать Перуна как бога княжеской дружины и Велеса—Волоса как бога всей остальной Руси»).

⁷⁰ *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси... С. 138—139.

⁷¹ Там же. С. 140. В развитие наблюдений Д. А. Мачинского.

⁷² *Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна. С. 64.

⁷³ Здесь нужно заметить, что на разных миниатюрах Радзивилловской летописи Олег изображается в одеждах разных цветов, с княжеской шапкой и без, но, кажется, всегда бородастым.

⁷⁴ *Петрухин В. Я.* Русь в IX—X веках. С. 264—265.

⁷⁵ *Томсен В.* Указ. соч. С. 218.

⁷⁶ *Фетисов А. А.* Указ. соч. С. 296; ср.: *Васильев М. А.* Степень достоверности известия «Повести временных лет» о процедуре ратификации русско-византийского договора 944 г. в Киеве // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000. С. 68 (обручи — запястья как часть воинского доспеха); *Стефанович П. С.* Клятва по русско-византийским договорам X в. С. 398 (военные пояса как часть доспеха).

⁷⁷ ПВЛ. С. 26.

⁷⁸ О различных интерпретациях этого места подробно см.: *Стефанович П. С.* Клятва по русско-византийским договорам X в. С. 391—394; исследователь соглашается с традиционной трактовкой об угрозе пожелтеть в случае клятвопреступления. См. также: *Васильев М. А.* Указ. соч. С. 69—70.

⁷⁹ См. об этом: *Фетисов А. А.* Указ. соч. С. 296—298; ср. также: *Васильев М. А.* Указ. соч. С. 69—70.

⁸⁰ *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965. С. 14—15. Учёные полагают, что в языческий период Волос был именно богом богатства, а его сопряжённость с домашним скотом — вторична и связана с христианским культом святого Власия.

⁸¹ На этом настаивает П. С. Стефанович (*Стефанович П. С.* Клятва по русско-византийским договорам X в. С. 394—395).

⁸² *Горский А. А.* К вопросу о русско-византийском договоре 907 г. // Восточная Европа в древности и средневековье. Международная договорная практика Древней Руси. IX Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 1997. С. 7; *Он же.* Летописный контекст русско-византийских договоров и проблема «договора 907 г.». С. 151. Исследователь полагает искусственно сконструированными все нарративные «обрамления» русско-византийских договоров, рассказывающие об обстоятельствах и процедуре их заключения.

⁸³ ПВЛ. С. 153 (пер. Д. С. Лихачёва, с восстановлением слова «словени»).

⁸⁴ *Петрухин В. Я.* Русь в IX—X веках. С. 261—267.

⁸⁵ И. Н. Данилевский связывает упоминание «паволочитых и кропанных» парусов руси и словен с узорчатыми египетскими полотнами, которые употребляли для парусов жители финикийского Тира, согласно библейской Книге пророка Иезекииля, при этом «встраивая» эту аналогию в более общую картину библейских «мотивов» в преданиях об Олеге. Якобы летописец использовал образ Тира для описания Византии, а действия руси Олега соотносил с представлениями о народах, наказывающих христиан за грехи в «последние времена» (*Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 152—160). Между тем вся эта исследовательская конструкция строится лишь на отдельных, вырванных из контекста словах и фразах (узорчатые полотно для парусов, колесо и т. п., причём смешиваются все походы руси на греков в некое единое целое), что само по себе ставит под сомнение обоснованность авторских выводов.

⁸⁶ *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времён до 1000 г.). Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 137 («Сага об Олаве Трюггвасоне монаха Олда»).

⁸⁷ *Кузенков П. В.* Из истории начального этапа византийско-русских отношений // Исторический вестник. Т. 1. Начало русской государственности. М., 2012. С. 85.

⁸⁸ ПВЛ. С. 17, 153 (пер. Д. С. Лихачёва).

⁸⁹ *Рыдзевская Е. А.* Указ. соч. С. 183.

⁹⁰ *Стурлусон С.* Круг Земной. М., 1995. С. 150 (пер. М. И. Стеблин-Каменского).

⁹¹ Другие отмечавшиеся в историографии аналогии (военные, например, связанная с болгарским ханом Крумом — см.:

Левченко М. В. Указ. соч. С. 100) приблизительны, поскольку речь в них идёт не о шите, а о копье.

⁹² *Магнер Г. И.* Щит Олега на воротах Константинополя // Вестник Удмуртского университета. История и филология. Вып. 2. 2009. С. 119—129. Здесь же и литература вопроса.

⁹³ Хотя это можно понимать и метафорически, не усматривая за этим никакого реального исторического обычая.

⁹⁴ То же относится и к другим параллелям, выявляемым И. Н. Данилевским — паруса из узорчатых египетских полотен в том же Тире и разнообразные предметы торговли этого города (сопоставляемые с трофеями Олега) позволяют автору делать далеко идущие выводы об «истинном» смысле летописного повествования. См. критику подобных построений: *Ранчин А. М., Лаушкин А. В.* Ещё раз о библеизмах в древнерусском летописании // *Ранчин А. М.* Вертоград златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 24—41, особенно с. 31.

⁹⁵ См. подробнее: *Чернов А. Ю.* Олег и его щит // Староладожский сборник. Вып. 9. СПб., 2012. С. 60—68.

⁹⁶ ПВЛ. С. 17, 153 (пер. Д. С. Лихачёва).

⁹⁷ Отсюда, а вернее, из «Истории...» Н. М. Карамзина, где, разумеется, была воспроизведена летописная информация, А. С. Пушкин заимствовал имя для одного из героев своей поэмы «Руслан и Людмила».

⁹⁸ ПВЛ. С. 422 (коммент. Д. С. Лихачёва); *Кузенков П. В.* Русь Олега у Константинополя в 904 г. С. 10.

⁹⁹ ПВЛ. С. 153 (пер. Д. С. Лихачёва).

¹⁰⁰ ПВЛ. С. 418 (заглавие «явно испорченное» и реконструируется по договору 944 года; коммент. Д. С. Лихачёва).

¹⁰¹ *Левченко М. В.* Указ. соч. С. 120.

¹⁰² ПВЛ. С. 417—418.

¹⁰³ *Горский А. А.* Первое столетие Руси. С. 63.

¹⁰⁴ *Горский А. А.* Русь: от славянского Расселения до Московского царства. С. 67—68.

¹⁰⁵ *Комар А. В.* Чернигов и Нижнее Подесенье. С. 362—364.

¹⁰⁶ *Горский А. А.* Русь: от славянского Расселения до Московского царства. С. 68.

¹⁰⁷ *Горский А. А.* Первое столетие Руси. С. 66—67.

¹⁰⁸ *Горский А. А.* Летописный контекст... С. 152.

¹⁰⁹ *Литаврин Г. Г.* Указ. соч. С. 106.

¹¹⁰ *Горский А. А.* Летописный контекст... С. 151.

¹¹¹ См.: *Горский А. А.* Летописный контекст... С. 152.

¹¹² *Малингуди Я.* Русско-византийские связи в X веке с точки зрения дипломатики // Византийский временник. Т. 56. М., 1995. С. 68—91; *Она же.* Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики // Византийский временник. Т. 57. М., 1997. С. 58—87.

¹¹³ *Малингуди Я.* Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики. С. 78.

¹¹⁴ Там же. С. 71—72.

¹¹⁵ Там же. С. 73.

¹¹⁶ *Каштанов С. М.* О способах удостоверения византино-русских договоров X века // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXIX Международной научной конференции. М., 2017. С. 18.

¹¹⁷ *Малингуди Я.* Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики. С. 79—82.

¹¹⁸ Там же. С. 85—86.

¹¹⁹ Там же. С. 86—87.

¹²⁰ Ко времени Ярослава перевод греческих текстов договоров относил В. М. Истрин (*Истрин В. М.* Договоры русских с греками X века // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук. 1924 г. Л., 1925. Т. XXIX. С. 391—392).

¹²¹ *Каштанов С. М.* К вопросу о происхождении текста русско-византийских договоров X в. в составе Повести временных лет // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 1996. С. 42; ср.: *Он же.* О способах удостоверения... С. 21.

¹²² *Цукерман К. О* введении византино-русских договоров в текст Начального свода и возникновении Повести временных лет // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. № 3(33). С. 69—70.

¹²³ О лингвистических аспектах см. также: *Рождественская Т. В.* К вопросу о лингвистическом изучении договоров Руси с греками X в. // А се его сребро: Збірник праць на пошану М. Ф. Котляра. Киев, 2002. С. 33—40. По-разному определяется исследователями и язык славянского перевода текстов договоров.

¹²⁴ См. подробнее: *Стефанович П. С.* Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X в. // Труды Института российской истории РАН. Вып. 11. М., 2013. С. 19—57.

¹²⁵ ПВЛ. С. 18 (в разных редакциях ПВЛ возможны разночтения в написании некоторых имён; какая из форм того или иного имени наиболее близка оригиналу перевода, является дискуссионным).

¹²⁶ *Томсен В.* Указ. соч. С. 219—226; *Циммерлинг А. В.* Имена варяжских послов в «Повести временных лет» (хендаут доклада на V Круглом столе «Древняя Русь и Германский мир в филологической и исторической перспективе», 13 июня 2012 г.); *Николаев С. Л.* К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет» // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 7—54.

¹²⁷ Эти важные наблюдения отражены в исследованиях, обозначенных в предшествующей сноске; здесь я оставляю в стороне

вопрос о существовании на Руси особого «варяжско-русского» диалекта, существование которого обосновывает С. Л. Николаев.

¹²⁸ Не останавливаясь здесь на деталях его конкретики, подробно рассмотренных в сравнительном освещении, к примеру, в таких важных трудах, как: *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь... Гл. 2; *Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X—XVI вв. М., 1996. Гл. I.

¹²⁹ *Иванов С. А.* Указ. соч. С. 565.

¹³⁰ См.: *Толочко А. П.* Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015. С. 260—264 (со ссылкой на работу Ф. А. Андрощука; здесь и литература вопроса). Сам А. П. Толочко полагает, что количество древнерусских купцов было невелико и ограничивалось упомянутыми в текстах договоров 50 людьми.

¹³¹ На эту особенность обратил внимание А. П. Толочко.

¹³² ПВЛ. С. 156 (пер. Д. С. Лихачёва).

¹³³ *Бибиков М. В.* Русь в византийской дипломатии... С. 8.

¹³⁴ *Пушкина Т. А., Мурашёва В. В., Енисова Н. В.* Указ. соч. С. 269—270.

¹³⁵ *Комар А. В.* Чернигов и Нижнее Подесенье. С. 355.

¹³⁶ *Литаврин Г. Г.* Указ. соч. С. 64; *Бибиков М. В.* Русь в византийской дипломатии... С. 9.

¹³⁷ *Лев VI Мудрый.* Тактика Льва / Изд. подгот. В. В. Кучма. СПб., 2012. С. 305.

¹³⁸ О проблемах датировки см.: Там же. С. 14—16.

¹³⁹ *Кузенков П. В.* Русь Олега у Константинополя в 904 г. С. 33 (исследователь полагает, что Лев писал по «горячим следам» и вряд ли опирался на воспоминания о событиях полувековой давности, связанных с походом руси на Константинополь в 860 году).

¹⁴⁰ *Литаврин Г. Г.* Указ. соч. С. 60.

¹⁴¹ ПВЛ. С. 155 (пер. Д. С. Лихачёва).

¹⁴² *Литаврин Г. Г.* Указ. соч. С. 66; см. также более детальный анализ этой статьи договора — С. 88—90.

¹⁴³ Там же. С. 89; *Левченко М. В.* Указ. соч. С. 119, 126.

¹⁴⁴ Почти в 2,5 раза, что объясняется высокой эффективностью русского отряда в составе императорских войск (*Кузенков П. В.* Из истории начального этапа византийско-русских отношений. С. 88).

Глава четвёртая

КАСПИЙ

¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 31 (пер. Т. М. Калининой).

² Там же. С. 115 (пер. Т. М. Калининой).

³ Там же. С. 164—165 (пер. С. А. Алиева).

⁴ *Коновалова И. Г.* Походы русов на Каспий и русско-хазар-

ские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 114.

⁵ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 114.

⁶ Коновалова И. Г. Походы русов на Каспий... С. 114—115.

⁷ Там же. С. 115.

⁸ Низами. Пять поэм. М., 1968. С. 659.

⁹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 164—165 (пер. С. М. Алиева).

¹⁰ Там же. С. 165 (пер. С. М. Алиева).

¹¹ Об идентификации топонимов см.: Дорн Б. А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб., 1875; см. также: Алиев С. М. О датировке набега русов, упомянутых Ибн Исфандийаром и Амоли // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. II. М., 1969. С. 320—321.

¹² Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963. С. 83—84.

¹³ Алиев С. М. Указ. соч. С. 318—319.

¹⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 165—166 (пер. С. М. Алиева).

¹⁵ Там же. С. 166 (коммент. Т. М. Калининой).

¹⁶ Известие ал-Масуди цитируется по: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 114—116 (пер. и коммент. Т. М. Калининой).

¹⁷ Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 215.

¹⁸ Дорн Б. А. Указ. соч. С. XVI—XVII; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 370; Алиев С. М. Указ. соч. С. 319—321.

¹⁹ Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 150.

²⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 112, 114, 116 (пер. Т. М. Калининой).

²¹ Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 212.

²² Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 112—113.

²³ Там же. С. 38.

²⁴ О том, как представляли себе мир арабские географы, можно увидеть на карте из «Книги путей и стран» другого автора середины X в. — Ибн Хаукала, см.: Там же. С. 91 (коммент. Т. М. Калининой).

²⁵ Там же. С. 114 (пер. Т. М. Калининой).

²⁶ Левченко М. В. Указ. соч. С. 143.

²⁷ Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 212—213.

²⁸ Артамонов М. И. Указ. соч. С. 370—372.

²⁹ Литаврин Г. Г. Указ. соч. С. 72.

³⁰ Новосельцев А. П. Восток в борьбе за религиозное влияние на Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000. С. 411.

³¹ Там же. С. 412.

³² Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 213—214.

³³ Коновалова И. Г. Походы русов на Каспий... С. 117.

³⁴ Там же. С. 117—118.

³⁵ Там же. С. 118.

³⁶ Голб Н., Прицак О. Указ. соч. С. 117—119.

³⁷ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 113—123.

³⁸ Там же. С. XXVIII—XXXVI.

³⁹ Голб Н., Прицак О. Указ. соч. Гл. II. Разд. А.

⁴⁰ Коковцов П. К. Указ. соч. С. VII.

⁴¹ Текст в переводе П. К. Коковцова с учётом прочтения Н. Голбом приводится по: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 181—183 (сост. и коммент. В. Я. Петрухина).

⁴² Там же. С. 182 (коммент. В. Я. Петрухина).

⁴³ Впрочем, П. К. Коковцов полагал здесь искажённое *Tiras*, название, которое в еврейской традиции могло обозначать Фракию, где, согласно Продолжателю Феофана, произошло заключительное сражение с русами в ходе событий 941 года (Коковцов П. К. Указ. соч. С. 120). Однако это предположение основывается лишь на допущении об ошибке. П. В. Кузенков полагает, что здесь имелся в виду Фарос, то есть район при входе из Чёрного моря в Босфор, где в сентябре 941 года были окончательно разгромлены русы. По мнению исследователя, движение разбитого флота в осенне-зимний сезон на Каспий «представляется совершенно неправдоподобным» (Кузенков П. В. Из истории начального этапа византийско-русских отношений. С. 95—96). Однако поход Хелгу на Каспий мог состояться необязательно сразу же после поражения в войне 941 года, напротив, естественно предположить, что его дружина перезимовала в Причерноморье и находилась там какое-то время, прежде чем двинуться в новый путь.

⁴⁴ «Правители “кочевых империй” считали своими подданными всякий народ, потерпевший поражение в войне» (Там же. С. 183, коммент. В. Я. Петрухина со ссылкой на Г. Г. Литаврина).

⁴⁵ Впрочем, Н. Голб полагает, что речь идёт не о тех, кто воюет с хазарами, а о тех, кто сражается вместе с ними, то есть о их союзниках (Голб Н., Прицак О. Указ. соч. С. 142, 149). Сами названия народов, как кажется, противоречат этой интерпретации.

⁴⁶ Коковцов П. К. Указ. соч. С. 122—123 (здесь же приведены и другие, менее убедительные интерпретации); Голб Н., Прицак О. Указ. соч. С. 155 (текст О. Прицака).

⁴⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II. С. 179—180.

⁴⁸ Там же. Т. IV. С. 38—39.

⁴⁹ Там же. Т. II. С. 194.

⁵⁰ См.: Там же. Т. III. С. 100—105. Поход упомянут и в книге

«Природа животных» арабского автора конца XI — начала XII в. ал-Марвази (Там же. С. 61).

⁵¹ Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. С. 70—71.

⁵² Бруцкус Ю. Д. Письмо хазарского еврея от X века. Берлин, 1924. С. 30—31; Артамонов М. И. Указ. соч. С. 377 (с отсылкой к работам В. А. Мошина и Б. Г. Горянова).

⁵³ Коковцов П. К. Указ. соч. С. XXXII—XXXV; Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 218.

⁵⁴ Пархоменко В. А. К вопросу о хронологии и обстоятельствах жизни летописного Олега // ИОРЯС. Т. 19. Кн. 1. 1914. С. 220—236 (при этом автор полагал, что Олег был князем некоей Причерноморской, Тмутороканской Руси); Голб Н., Прицак О. Указ. соч. С. 92 (текст О. Прицака).

⁵⁵ Цукерман К. Русь, Византия и Хазария в середине X в.: проблемы хронологии // Славяне и их соседи. Вып. 6: Греческий и славянский мир в Средние века и раннее Новое время. М., 1996. С. 69—80; Он же. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник. СПб., 2007. С. 343—351.

⁵⁶ Высказывалось, впрочем, и мнение, что и имя Олега в тексте договора 911 года представляет собой позднюю интерполяцию (Франклин С., Шепард Д. Указ. соч. С. 159—160). Критику этого предположения см.: Петрухин В. Я. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000. С. 223.

⁵⁷ Горский А. А. Русь... С. 71.

⁵⁸ Литаврин Г. Г. Указ. соч. С. 70.

⁵⁹ Цукерман К. Перестройка... С. 345.

⁶⁰ Горский А. А. Русь... С. 71 (с важной отсылкой к традиции титулования князей в древнерусской сфрагистике).

⁶¹ Половой Н. Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии (Сравнительный анализ русских и византийских источников) // Византийский временник. Т. 18. М., 1961. С. 85—104 и др. авторы.

⁶² Артамонов М. И. Указ. соч. С. 379.

⁶³ Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 217.

⁶⁴ Петрухин В. Я. Князь Олег... С. 226. Этой версии придерживался, в частности, Г. В. Вернадский, выдвигавший целую концепцию о раннем существовании Приазовской Руси. Учёный полагал, что Хелгу-Олег мог быть старшим сыном Игоря, погибшим на Каспии (Вернадский Г. В. Киевская Русь. Тверь; М., 1996. С. 43—44 (публикация Йельского университета — 1948 г.).

⁶⁵ Петрухин В. Я. Походы Руси на Царьград: к проблеме достоверности летописи // Восточная Европа в древности и средневековье. Международная договорная практика Древней Руси. IX Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 1997. С. 65—69; Он же. Князь Олег... С. 227—229.

⁶⁶ Горский А. А. Русь... С. 71.

⁶⁷ Там же. С. 72. Согласно договору с греками 944 года, это было местом зимовок русских судов.

⁶⁸ Там же. С. 73.

Глава пятая

КОНЬ

¹ Лященко А. И. Летописные сказания о смерти Олега Вещего // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук. 1924 г. Т. XXIX. Л., 1925. С. 270; Петрухин В. Я. Русь в IX—X веках. С. 267.

² Высказывавшаяся в литературе версия о крещении Олега незадолго до смерти (Чернов А. Ю. Вещий Олег: крещение и гибель // Actes testantibus. Ювелейний збірник на пошану Леонтія Войтовича / Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 20. Львів, 2011. С. 699—726) носит спекулятивный характер и абсолютно противоречит тому образу князя, который представлен в летописи. Среди оснований подобных умозаключений — сообщение арабского автора рубежа XI—XII веков ал-Марвази о крещении русов в 300 году хиджры, то есть в 912—913 годах. Однако это известие связано с рассказом о решении русов принять ислам и их посольстве к хорезмшаху при царе русов Буладмире, в котором справедливо усматривают святого Владимира (Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 60—61). Иными словами, известие ал-Марвази относится к событиям конца X века и приведённую автором датировку крещения Руси можно считать ошибочной. Некритическое отношение к весьма условным с точки зрения исторической достоверности поздним арабским источникам и недостаточно чёткое понимание их характера и особенностей передачи в них информации не может служить поводом для далеко идущих выводов.

³ Повесть временных лет. С. 156—157 (пер. Д. С. Лихачёва).

⁴ Эта особенность была замечена С. Ю. Неклюдовым (Неклюдов С. Ю. Легенда о вешем Олеге: опыт исторической реконструкции // Соп атоге: Историко-филологический сборник в честь Л. Н. Киселёвой. М., 2010. С. 373), который предположил здесь или «более позднюю вставку», или «сведение вместе двух разных списков», или «отражение устной техники передачи сюжета». На мой взгляд, эти формулы подчёркивают внимание летописца к своему устному источнику и обозначают способ «вставки» предания в собственно летописный текст.

⁵ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Он же. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 79—81.

⁶ *Лященко А. И.* Указ. соч. С. 256—257.

⁷ *Повесть временных лет.* С. 425.

⁸ *Петрухин В. Я.* Русь в IX—X веках. С. 268.

⁹ *Мельникова Е. А.* Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 2001 г. Историческая память и формы её воплощения. М., 2003. С. 65. Прим. 64.

¹⁰ *Лященко А. И.* Указ. соч. С. 262.

¹¹ ПСРЛ. Т. III. С. 109.

¹² *Шахматов А. А.* Указ. соч. С. 240.

¹³ *Петрухин В. Я.* Русь в IX—X веках. С. 268.

¹⁴ Совершенно необязательно поэтому думать, что составитель ПВЛ намеренно проводил киевоцентричную линию биографии князя (*Мельникова Е. А.* Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях // *От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный чл.-корр. РАН Я. Н. Шапову.* М., 2005. С. 105) и что Олег, будучи киевским князем, «должен был умереть и быть похороненным в Киеве». Для летописца было вполне «достаточно» наличие «местной» могилы Олега на Шековице.

¹⁵ *Мельникова Е. А.* Сюжет смерти героя «от коня»... С. 105.

¹⁶ *Лященко А. И.* Указ. соч. С. 273; о понятии «могила» см. также с. 271—272.

¹⁷ *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 179.

¹⁸ *Мельникова Е. А.* Сюжет смерти героя «от коня»... С. 98.

¹⁹ Там же. С. 102.

²⁰ *Повесть временных лет.* С. 426 (коммент. Д. С. Лихачёва).

²¹ *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. I: Текст. Пг., 1920. С. 305—306.

²² *Белова О. В., Петрухин В. Я.* Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М., 2008. С. 13.

²³ ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 5.

²⁴ ПСРЛ. Т. 28. М., 1963. С. 14.

²⁵ ПСРЛ. Т. 27. М., 1962. С. 180.

²⁶ Там же. С. 311.

²⁷ ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 19.

²⁸ Там же. С. 57—58.

²⁹ Как полагает Е. А. Мельникова (*Мельникова Е. А.* Сюжет смерти героя «от коня»... С. 100), и вслед за ней, некритически восприняв её предположение, С. Ю. Неклюдов (*Неклюдов С. Ю.* Указ. соч. С. 369, 373). Оба исследователя ошибаются, утверждая, будто бы мотив убийства коня содержится также в Тверской и Воскресенской летописях. На самом же деле это не так, и эти источники в данном рассказе следуют за *Повестью временных лет* (*Введенский А. М.* Рец.: *Неклюдов С. Ю.* Легенда о вешем Олеге:

опыт исторической реконструкции // Историко-филологический сборник «Сon amore» в честь Л. Н. Киселёвой. М., 2010. С. 366—395 // *Rossica Antiqua*. 2012/2 (6). С. 201—202.

³⁰ *Мельникова Е. А.* Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 г.: Историческая память и формы её воплощения. М., 2003. С. 63—64.

³¹ Там же. С. 76—78.

³² *Фомичёва О. Ю.* «Смерть Олега»: реконструкция предметного кода. Саратов, 2006. С. 17.

³³ О символическом значении коня см.: *Иванов Вяч. Вс.* Конь // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М., 1991. С. 666.

³⁴ См.: *Петрухин В. Я.* Конь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999. С. 590—591, 593.

³⁵ Там же. С. 591—592.

³⁶ Там же. С. 590; *Петрухин В. Я.* Русь в IX—X веках. С. 268; о других параллелях см.: *Белова О. В., Петрухин В. Я.* Указ. соч. С. 11—12.

³⁷ Повесть временных лет. С. 197 (пер. Д. С. Лихачёва).

³⁸ *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. С. 67.

³⁹ *Петрухин В. Я.* Конь. С. 591; *Мельникова Е. А.* Сюжет смерти героя «от коня». С. 100.

⁴⁰ О «предметном» мире предания см. также: *Фомичёва О. Ю.* Указ. соч. С. 11—39.

⁴¹ *Иванов Вяч. Вс.* Змей // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. С. 469.

⁴² *Гура А. В.* Змея // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. С. 334.

⁴³ *Петрухин В. Я.* Русь в IX—X веках. С. 267.

⁴⁴ *Агапкина Т. А., Виноградова Л. Н.* Золото // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. С. 354—355.

⁴⁵ *Петрухин В. Я.* Русь в IX—X веках. С. 269.

⁴⁶ Подробнее об этом см.: *Неклюдов С. Ю.* Указ. соч. С. 379—383 (здесь же и детальный разбор композиционной схемы и отдельных мотивов).

⁴⁷ Былины / Библиотека русского фольклора. Т. 1. М., 1988. С. 465—466 (былина «Василий Буслаев молиться ездил», зафиксирована в сборнике Кириши Данилова).

⁴⁸ *Котляр Н. Ф.* Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. С. 80.

⁴⁹ См.: *Тиандер К. Ф.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. С. 237.

⁵⁰ См.: *Лященко А. И.* Указ. соч. С. 275—276.

⁵¹ Ср. некритическое отношение к этой легенде и современных учёных (*Мельникова Е. А.* Сюжет смерти героя «от коня». С. 96; и вслед за ней (с ошибочной же ссылкой на упоминание со-

мнительного немецкого «предания» якобы в работе А. И. Лященко) С. Ю. Неклюдов — *Неклюдов С. Ю.* Указ. соч. С. 380).

⁵² *Глазырина Г. В.* Исландские викингские саги о северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. М., 1996. С. 11. Здесь же и общая характеристика «саг о древних временах».

⁵³ О саге см.: Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты, перевод, комментарий / Сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон. М., 1987. С. 176; *Мельникова Е. А.* Сюжет смерти героя «от коня». С. 95, 106—107; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. V. Древнескандинавские источники. М., 2009. С. 258—259 (раздел написан Г. В. Глазыриной).

⁵⁴ См.: *Петерсон О., Балобанова Е.* Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращённых переводах с подлинных текстов. Т. 2. СПб., 1898. С. 117—159. В отредактированном виде этот пересказ был также опубликован в сборнике «Сокровища Нифлунгов» (М., 1996. С. 146—193).

⁵⁵ Древнерусские города в древнескандинавской письменности. С. 176—179; *Мельникова Е. А.* Сюжет смерти героя «от коня». С. 97, 103; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. V. С. 259—266.

⁵⁶ <http://norroen.info/src/forn/orvarodd/ru2.html>

⁵⁷ *Мельникова Е. А.* Сюжет смерти героя «от коня». С. 106.

⁵⁸ Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 28.

⁵⁹ Прядь об Орме сыне Сторольва (пер., коммент. и ст. Е. А. Гуревич) // *ArbogMundi*. 2009. № 16. С. 205.

⁶⁰ Тексты и перевод этих саг см.: <http://norroen.info/src/forn/ketilh/>, <http://norroen.info/src/forn/grim/>

⁶¹ Текст и перевод саги см.: <http://norroen.info/src/forn/hervor/>

⁶² *Саксон Грамматик.* Деяния данов. Т. I. М., 2017. С. 187—188 (Кн. V).

⁶³ *Мельникова Е. А.* Сюжет смерти героя «от коня». С. 101.

⁶⁴ *Рыдзевская Е. А.* Указ. соч. С. 186.

⁶⁵ *Мельникова Е. А.* Сюжет смерти героя «от коня». С. 101.

⁶⁶ *Корнелий Тацит.* Сочинения: В 2 т. Т. I. М., 1993. С. 357—358 («О происхождении германцев и местоположении Германии», пер. А. С. Бобовича).

⁶⁷ *Мельникова Е. А.* Сюжет смерти героя «от коня». С. 99.

⁶⁸ Там же. С. 100.

⁶⁹ Текст и комментарий см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. V. М., 2009. С. 13—20.

⁷⁰ *Тиандер К. Ф.* Указ. соч. С. 132—139.

⁷¹ *Мельникова Е. А.* Сюжет смерти героя «от коня». С. 97—98 (со ссылкой на работу Г. В. Глазыриной).

⁷² *Ерёменко А. Б.* Саги о древних временах: опыт интерпретации (на материале «Саги об Одде Стреле») // XI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2004». М., 2004. С. 34—36.

⁷³ Глазырина Г. В. Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, комментарий. М., 2002. С. 326—329, см. также: с. 152—168, 190—191 и др.

⁷⁴ Древнерусские города в древнескандинавской письменности. С. 117; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. V. С. 263—264 (пер. Г. В. Глазыриной).

⁷⁵ Там же. С. 178—179.

⁷⁶ Об именах и образах правителей Древней Руси в скандинавских источниках в целом см.: Глазырина Г. В. Правители Руси (Обзор древнескандинавских источников) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. М., 2001. С. 143—159.

⁷⁷ Мельникова Е. А. Сюжет смерти героя «от коня». С. 103; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. V. С. 265—266.

⁷⁸ На эту деталь обратила внимание О. Ю. Фомичёва (см.: Фомичёва О. Ю. Указ. соч. С. 11).

⁷⁹ Мансикка В. Й. Религия восточных славян. М., 2005. С. 107—108 (первое издание — 1922 г.).

⁸⁰ Мельникова Е. А. Сюжет смерти героя «от коня». С. 102—103.

⁸¹ Тиандер К. Ф. Указ. соч. С. 245 (см. также с. 242—244).

⁸² Лященко А. И. Указ. соч. С. 269 и сл. См. также: Мансикка В. Й. Указ. соч. С. 107.

⁸³ Рыдзевская Е. А. Указ. соч. С. 187—193 (в развитие идеи голландского учёного и издателя «Орвар-Олдс саги» Ричарда Константа Буря).

⁸⁴ Мельникова Е. А. Сюжет смерти героя «от коня». С. 97—98.

⁸⁵ Там же. С. 102.

⁸⁶ Там же. С. 106.

⁸⁷ См. детальнее: Неклюдов С. Ю. Указ. соч. С. 375—379, 385—386.

⁸⁸ См. критику этой гипотезы: Введенский А. М. Указ. соч. С. 205.

Глава шестая

ПАМЯТЬ

¹ Подробнее см.: Пчелов Е. В. Ещё раз об антропонимии династии Рюриковичей до крещения Руси // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV Международной научной конференции. Ч. 2. С. 487—489.

² Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Указ. соч. С. 47.

³ Там же. С. 105—106.

⁴ Подробнее об этом см.: Там же. С. 104—107 (раздел «Имя Олег у потомков Святослава Ярославича»).

⁵ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 291.

⁶ Подробнее см.: *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей русского лицевого летописания. М., 1965. С. 49—101. Иное мнение см.: *Радзивилловская летопись: Текст, исследование, описание миниатюр.* СПб., М., 1994. С. 302—303 (авторы издания выделяют работу четырёх мастеров). Вопрос о числе художников, иллюстрировавших рукопись, как и о времени их работы, дискусионен, однако для нашего повествования вторичен.

⁷ *Подобедова О. И.* Указ. соч. С. 55—56.

⁸ См.: *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. Томск; М., 2004. С. 40—47 (первая публикация — 1944 г.); *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 11—13; *Радзивилловская летопись...* С. 7 (в этом же издании опубликовано специальное исследование Г. М. Прохорова об источниках *Радзивилловской летописи*).

⁹ *Подобедова О. И.* Указ. соч. С. 86.

¹⁰ Описания миниатюр даны М. В. Кукушкиной в издании: *Радзивилловская летопись...* С. 307—310. В отдельных случаях, как будет видно в дальнейшем, они неточны или даже ошибочны.

¹¹ О княжеских шапках и столах в миниатюрах летописи см. подробнее: *Арциховский А. В.* Указ. соч. С. 58—64.

¹² *Радзивилловская летопись...* С. 307.

¹³ Там же.

¹⁴ Комментаторы издания 1994 года не обратили на это внимания.

¹⁵ *Арциховский А. В.* Указ. соч. С. 44.

¹⁶ *Радзивилловская летопись...* С. 309.

¹⁷ *Смирнов В. П.* Описание русских медалей. СПб., 1908. С. 4.

¹⁸ *Гаврилова Л. М.* Русская историческая мысль и медальерное искусство в эпоху Екатерины II. СПб., 2000. С. 209, 212.

¹⁹ Описания медалей см.: *Смирнов В. П.* Указ. соч. С. 33—39.

²⁰ *Моисеева Г. Н.* Древнерусские литературные памятники в исторических драмах Екатерины II // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН. Т. XXVIII. Л., 1974. С. 289.

²¹ *Курукин И. В.* История и современность в исторических трагедиях Екатерины II // Вестник РГГУ. № 7 (16). М., 2016. С. 89.

²² Там же. С. 90—91.

²³ *Кириллина Л. В.* Сарти, Еврипид и Третий Рим // Научный вестник Московской консерватории. 2012. № 1. С. 17.

²⁴ Сарти даже написал по этому поводу «Объяснение» к партитуре, которое представляет собой небольшой трактат об античной музыке.

²⁵ Детальное исследование причин выбора именно «Алкесты» Еврипида для «Начального управления Олега», авторства перевода античной пьесы и музыки Сарти см.: *Кириллина Л. В.* Указ. соч. С. 20—39.

²⁶ *Кошелев В. А.* Пушкин: история и предание. СПб., 2000. С. 48.

²⁷ Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина. Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 177, 245, 251 (предположения С. А. Фомичёва; Фомичёв С. А. «Загадочное» стихотворение Пушкина «Олегов щит» // Болдинские чтения. Горький, 1981. С. 127), ср. критику: Кошелев В. А. Указ. соч. С. 36—37.

²⁸ См.: Немировская К. А. «Песнь о Вещем Олеге» и летописное сказание // Учёные записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 76. Л., 1949. С. 13—16.

²⁹ См. подробнейший разбор К. А. Немировской в указанной работе.

³⁰ Кошелев В. А. Указ. соч. С. 39.

³¹ Так, С. Ю. Неклюдов считает неслучайными некоторые аллюзии к традициям степного, кочевого мира, предполагая даже, что Пушкин мог каким-то образом слышать (!) об этих обычаях (Неклюдов С. Ю. Указ. соч. С. 386—387).

³² Ср. наивную попытку объяснить слово «сёла» значением «жилища», якобы подразумевавшимся Пушкиным (Немировская К. А. Указ. соч. С. 20—21). Автор исходит из того, что Пушкин не мог быть неточным в принципе, но, «объяснив» «сёла», она оставляет без объяснения «нивы».

³³ Ср. откровенно натянутое объяснение о том, что якобы все события, упомянутые кудесником, относятся к будущим временам (Немировская К. А. Указ. соч. С. 30—31).

³⁴ Кошелев В. А. Указ. соч. С. 51—52.

³⁵ Впрочем, задрванный пир тоже оказывается поминальным — именно на нём Олег узнаёт о смерти любимого коня.

³⁶ Тютчев Ф. И. Лирика. Т. II. М., 1965. С. 347.

³⁷ Как делает, например, В. А. Кошелев (Кошелев В. А. Указ. соч. С. 64; автор, правда, усматривает в них почему-то некие «символы веры», хотя это понятие имеет совершенно конкретное содержание).

³⁸ Кошелев В. А. Указ. соч. С. 57—58.

³⁹ Фомичёв С. А. Указ. соч. С. 129—130.

⁴⁰ Подробнее о работе Бруни над серией см.: Верещагина А. Г. Фёдор Антонович Бруни. Л., 1985. С. 44—59.

⁴¹ Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872. С. 114.

⁴² Подробнее историю крейсера см.: Хромов В. В. Крейсер «Олег» // Морская коллекция. 2006. № 1.

⁴³ Пчелов Е. В. Антропонимия династии Романовых: основные тенденции и закономерности // Именослов. Историческая семантика имени. Вып. 2. М., 2007. С. 326.

⁴⁴ Рыбаков Б. А. Мир истории. Начальные века русской истории. М., 1987. С. 64—66.

⁴⁵ Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 454—477 (первая публикация в 1991 году).

Приложение 1
МОНЕТА ВЕЩЕГО ОЛЕГА

⁴⁶ О Кёне см.: *Плотников С. Л.* «Кёне Б. В., барон..., управляющий Гербовым отделением Департамента Герольдии Сената, археолог, нумизмат, геральдик» // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2002. С. 313—314; *Пчелов Е. В.* Барон Б. В. Кёне: штрихи к портрету // Гербовед. № 75. М., 2004. С. 78—87.

⁴⁷ Об истории этого конфликта см.: *Павлова Ж. К.* Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж. Жизнь и судьба. СПб., 2010. С. 154—160.

⁴⁸ *Куник А. А.* О русско-византийских монетах Ярослава I с изображением Св. Георгия Победоносца. СПб., 1860. С. 56 (курсивные выделения в тексте принадлежат автору).

⁴⁹ О контексте дискуссии см.: *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X—XI веков. Л., 1983. С. 33.

⁵⁰ *Владимиров Ст.* Учёный скандал. Письмо к редактору // Современная летопись Русского Вестника. Т. 27. М., 1860. С. 46—50.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОЛЕГА ВЕЩЕГО

- 879 — родич Рюрика Олег становится новгородским князем и воспитателем сына Рюрика Игоря.
- 882 — поход Олега из Новгорода на юг по Пути из варяг в греки. Занятие Смоленска и Любеча, убийство Аскольда и Дира, захват Киева. Олег делает Киев центром своего государства — столицей Руси.
- 883 — война Олега с древлянами.
- 884 — война Олега с северянами.
- 885 — подчинение Олегом радимичей.
- Конец IX века* — войны Олега с уличами и тиверцами.
- Около 890—900* — правление в Ютландии конунга Хельги.
- Начало X века* — время жизни норвежского конунга Одда Стрелы.
- 904—906 — составление Раффельштеттенского таможенного устава, в котором упоминаются торговцы-русы на Дунае.
- 907 — поход Олега на Константинополь.
- 910 — участие 700 русов в военной экспедиции византийского патрикия Имерия на Крит против арабского флота.
- 910, *осень* — 912 — поход русов на Каспий, захват и разорение Абаскуна, нападения на южное и западное побережья Каспийского моря.
- 911, *2 сентября* — заключение мирного договора Руси с Византией.
- 911, *осень (или 912)* — летописная дата смерти Олега.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Алиев С. М. О датировке набега русов, упомянутых Ибн Исфандийаром и Амоли // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. II. М., 1969. С. 316—321.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

Бибииков М. В. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. Т. I. М., 2004.

Бибииков М. В. Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками X в. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2005. № 1(19). С. 5—15.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М., 2003.

Горский А. А. Летописный контекст русско-византийских договоров и проблема «договора 907 г.» // Ad fontem / У источника: Сб. ст. в честь С. М. Каштанова. М., 2005. С. 147—152.

Горский А. А. Первое столетие Руси // Средневековая Русь. Вып. 10. М., 2012. С. 7—112.

Горский А. А. Русь: от славянского расселения до Московского царства. М., 2004.

Дорн Б. А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб., 1875.

Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты, перевод, комментарий / Сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон. М., 1987.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II. Византийские источники / Сост. М. В. Бибииков. М., 2010; Т. III. Восточные источники / Сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. М., 2009; Т. IV. Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010; Т. V. Древнескандинавские источники / Сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова. М., 2009.

Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014.

Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.

Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965.

Карпозилос А. Рос-дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // Византийский временник. Т. 49. М., 1988. С. 112—118.

Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника: Акты X—XVI вв. М., 1996.

Клейн Л. С. Воскрешение Перуна: К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004.

Клейн Л. С. Спор о варягах: История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.

Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

Коновалова И. Г. Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 111—120.

Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998.

Котляр Н. Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986.

Кузенков П. В. Из истории начального этапа византийско-русских отношений // Исторический вестник. Т. 1. Начало русской государственности. М., 2012. С. 52—96.

Кузенков П. В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в Средние века. Вып. 8. СПб., 2011. С. 7—35.

Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006.

Лященко А. И. Летописные сказания о смерти Олега Вещего // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. Т. XXIX. Л., 1925. С. 254—288.

Малингуди Я. Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики // Византийский временник. Т. 57. М., 1997. С. 58—87.

Малингуди Я. Русско-византийские связи в X веке с точки зрения дипломатики // Византийский временник. Т. 56. М., 1995. С. 68—91.

Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011.

Мельникова Е. А. *Олгъ/Ольгъ/Олег <Helgi> Вещий*: К истории имени и прозвища первого русского князя // Ad fontem / У источника: Сб. ст. в честь С. М. Каштанова. М., 2005. С. 138—146.

Мельникова Е. А. Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный чл.-корр. РАН Я. Н. Шапову. М., 2005. С. 95—108.

Мурьянов М. Ф. Морской поход Олега на Царьград // *Мурьянов М. Ф.* История книжной культуры России. Очерки. Ч. 1. СПб., 2007. С. 537—540.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001.

Неклюдов С. Ю. Легенда о вешем Олеге: опыт исторической реконструкции // *Сop amop: Историко-филологический сборник в честь Л. Н. Киселёвой.* М., 2010. С. 366—395.

Николаев В. Д. Свидетельство Хроники Псевдо-Симеона о руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г. // *Византийский временник.* Т. 42. М., 1981. С. 147—153.

Николаев С. Л. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет» // *Вопросы ономастики.* 2017. Т. 14. № 2. С. 7—54.

Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 1998. М., 2000. С. 454—477.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Петерсон О. М., Балобанова Е. В. Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращённых переводах с подлинных текстов. Т. 2. СПб., 1898.

Пархоменко В. А. К вопросу о хронологии и обстоятельствах жизни летописного Олега // *Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.* Т. 19. Кн. 1. 1914. С. 220—236.

Перхавко В. Б. Летописное предание о захвате князем Олегом Киева в 882 г. // *Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. Чтения памяти В. Т. Пашуто.* М., 1992. С. 56—60.

Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // *Из истории русской культуры.* Т. 1. М., 2000.

Петрухин В. Я. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 1998 г. М., 2000.

Петрухин В. Я. Русь в IX—X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013.

Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачёва. СПб., 1996.

Пчелов Е. В. Генеалогия древнерусских князей IX — нач. XI в. М., 2001.

Пчелов Е. В. Рюрик. М., 2010 (серия «ЖЗЛ»).

Пчелов Е. В. Рюриковичи. История и генеалогия. М., 2016.

Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988.

Русь в IX—XI веках: археологическая панорама. М., Вологда, 2012.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993.

Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв. М., 1978.

Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003.

Стефанович П. С. Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X в. // Труды Института российской истории РАН. Вып. 11. М., 2013. С. 19—57.

Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.

Толочко А. П. Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015.

Толочко П. П. Откуда пошла Руская земля. Киев, 2016.

Томсен В. Начало русского государства // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002.

Фетисов А. А., Щавелев А. С. Викинги. Между Скандинавией и Русью. М., 2017.

Фомичева О. Ю. «Смерть Олега»: реконструкция предметного кода. Саратов, 2006.

Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750—1200. СПб., 2000.

Халанский М. Г. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. № 8. С. 290—356.

Хейвуд Дж. Люди Севера: История викингов. 793—1241. М., 2017.

Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник. СПб., 2007. С. 343—351.

Чернов А. Ю. Олег и его щит // Староладожский сборник. Вып. 9. СПб., 2012. С. 60—68.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение. Великан исторического сумрака</i>	5
<i>Глава первая. Князь</i>	13
<i>Глава вторая. Киев</i>	32
<i>Глава третья. Константинополь</i>	60
<i>Глава четвёртая. Каспий</i>	98
<i>Глава пятая. Конь</i>	126
<i>Глава шестая. Память</i>	157
<i>Приложение 1. Монета Вещего Олега</i>	186
<i>Приложение 2. Сага об Одде Стреле</i>	194
<i>Примечания</i>	228
<i>Основные даты жизни и деятельности Олега Вещего</i>	256
<i>Краткая библиография</i>	257

Пчелов Е. В.
П 92 Олег Вещий. Великий викинг Руси / Евгений Пчелов. — М.: Молодая гвардия, 2018. — 261[11] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1699).

ISBN 978-5-235-04067-0

Князь Олег, прозванный «Вещим», правил в Новгороде в конце IX века как преемник Рюрика и «дядька» (воспитатель) его сына Игоря. Он захватил Киев, объединив два главных центра Древней Руси, совершил со своей варяжской дружиной дерзкий поход на Константинополь, воевал на Кавказе и берегах Каспия. Помимо этого, о жизни и загадочной смерти Олега не известно почти ничего. Легенды о его деяниях отразились в первой русской летописи, Повести временных лет, а позже воплотились в «Истории» Н. М. Карамзина и знаменитой «Песни о вешем Олеге» А. С. Пушкина. Книга известного историка Евгения Пчелова — первая попытка реконструировать биографию Олега-Хельги на основе широкого круга древнерусских, скандинавских, византийских и восточных источников той эпохи, когда усилиями «вешего» князя на востоке Европы создавалось многонациональное Древнерусское государство.

УДК 94.47(092)“08”
ББК 63.3(2)411-02

знак информационной
продукции

16+

Пчелов Евгений Владимирович
ОЛЕГ ВЕЩИЙ. ВЕЛИКИЙ ВИКИНГ РУСИ

Редактор **В. В. Эрлихман**
Художественный редактор **А. В. Наумов**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректор **Т. И. Маляренко**

Сдано в набор 17.11.2017. Подписано в печать 06.12.2017. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л.
14,28+0,84 вкл. Тираж 4000 экз. Заказ № 1721510.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сущёвская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
arvato в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
BERTELSMANN 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04067-0

АКТУАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Владимир Широгор

УКРАИНСКАЯ ВОЙНА

В XVI—XVII вв. Западная Русь предстала зоной соперничества Литвы и Польши, Швеции и Орды, Турции, Крымского ханства и Московского княжества. Кто мог предположить тогда, что речь шла о чем-то несравненно большем, нежели об очередном разделе пространств Восточной Европы? Многовековая Украинская война явилась одной из самых плотных в истории концентрацией боевых действий, затронув абсолютно все сферы: идеологию, экономику, общественные процессы, качества лидеров и стремления народов.

УЖЕ В ПРОДАЖЕ:

Книга I

Схватка за Русь

До середины XVI века

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Книга II

Турецкий прорыв

Балканы — Причерноморье — Кавказ

До конца XVI века

Книга III

Встречное наступление

Балтика — Литва — Поле

Вторая половина XVI века

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Суцевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Д. М. Володихин ИВАН IV ГРОЗНЫЙ

С именем первого русского царя Ивана Грозного связаны как величественные, так и мрачные страницы истории России. При нем Россия присоединила новые обширные владения, ввела книгопечатание, создала централизованную систему государственного управления. При нем же — прошла через несколько «волн» массовых казней, а крымский хан прорвался к Москве и сжег русскую столицу. О противоречивом образе Ивана Грозного и форме его правления много спорят до сих пор. Новая книга известного автора, доктора исторических наук, основана на обширном историко-архивном материале и нацелена на то, чтобы освободить восприятие этой масштабной личности от влияния различных мифов и домыслов.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

В. Н. Козляков

ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ ТИШАЙШИЙ

Царь Алексей Михайлович — главный человек XVII века в России. В его судьбе сошлись начала и концы столетия, названного «бунташным», а прозвище первого наследника династии Романовых у современников оказалось — «Тишайший». Обычно если его и вспоминают, то как отца Петра Великого: действует магия контраста двух веков — XVII и XVIII. Но ведь и само тридцатилетнее царствование Алексея Тишайшего (1645—1676) стало эпохой великого переустройства. Центральные его события — так называемое «воссоединение» России с Белоруссией и Украиной (увы, как выясняется, совсем не «навек») и почти забытая ныне Русско-польская война 1654—1667 годов, предопределившая исходную расстановку сил в международных отношениях, доставшуюся Петру I, и сделавшая возможным «европейский выбор» России. Царствование Алексея Михайловича — это и время расцвета Русской церкви, реформ патриарха Никона, движения к превращению Москвы в Новый Иерусалим и центр вселенского Православия, но еще и время трагического Раскола церкви, Разинщины... В книге известного историка и постоянного автора серии «ЖЗЛ» Вячеслава Николаевича Козлякова предложен новый, современный взгляд на эти и другие ключевые события русской истории XVII века, равно как и на личность самого «Тишайшего» государя.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

В. А. Степашкин СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

Впервые в серии «Жизнь замечательных людей» выходит жизнеописание одного из величайших святых Русской православной церкви — преподобного Серафима Саровского. Его народное почитание еще при жизни достигло невероятных высот, почитание подвижника в современном мире поразительно — иконы старца не редкость в католических и протестантских храмах по всему миру. Об авторе книги можно по праву сказать: «Он продлил земную жизнь святого Серафима». Именно его исследования поставили точку в давнем споре историков — в каком году родился Прохор Мошнин, в монашестве Серафим. Доводы исследователя, высказанные еще в 2000 году на научной конференции в Нижнем Новгороде, а затем опубликованные в книге «Преподобный Серафим Саровский: Предания и факты», были признаны священноначалием Русской православной церкви обоснованными, и в 2004 году состоялось общероссийское празднование 250-летия со дня рождения преподобного Серафима. Книга позволяет взглянуть на святого с исторической точки зрения, освободив его биографию из плена мифов и заблуждений.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

М. Е. Бондаренко
ВЕРГИЛИЙ

Эта книга рассказывает о жизни древнеримского поэта Публия Вергилия Марона, автора знаменитых «Буколик», «Георгик» и «Энеиды». Уже современники сравнивали Вергилия с великим Гомером, а спустя века он стал самым известным, самым популярным и самым читаемым древнеримским поэтом. Произведения Вергилия были переведены почти на все языки мира и заняли почетное место в золотом фонде мировой литературы.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:

МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Ветлугина
«ЛОЙОЛА»

В. Кондрашов
«РИХАРД ЗОРГЕ»

М. Петров
«ЭЛЬ ГРЕКО»

Г. Субботина
«МАРСЕЛЬ ПРУСТ»

Ж. Шмидт
«ГЁТЕ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:

МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Махов
«ДЖОРДЖОНЕ»

М. Бондаренко
«МЕЦЕНАТ»

В. Десятерик
«ИВАН СЫТИН»

Н. Карташов
«КРАМСКОЙ»

Д. Быков
«ГОРЬКИЙ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsc1@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Е. Новицкий
«ЛЕОНИД ГАЙДАЙ»

А. Бондаренко
«ВИКТОР ЛЯГИН»

Т. Ясникова
«СУРИКОВ»

Д. Володихин
«ИВАН IV ГРОЗНЫЙ»

И. Родимцев, С. Аргасцева
«ГЕРОИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ»

М. Бондаренко
«ВЕРГИЛИЙ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dset@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Е. Скоробогачева
«САВРАСОВ»

В. Терехина, Н. Шубникова-Гусева
«ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН»

В. Михайлов
«ЗАБОЛОЦКИЙ»

В. Козляков
«ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ ТИШАЙШИЙ»

В. Галедин
«ЭДУАРД СТРЕЛЬЦОВ»

В. Степашкин
«СЕРАФИМ САРОВСКИЙ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>, E-mail: dsel@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

---

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сушевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39

8(495) 787-63-64